

Продолжая свои исследования, Кассе понимает, что действующий в Швейцарии Европейский центр ядерных исследований (ЦЕРН) — весьма загадочное место: неясно, кем он создан и в чьих интересах используется. Одновременно группа религиозных сектантов наталкивает Кассе на тайну одного из главных проектов ЦЕРН — Большого адронного коллайдера. Для чего создана эта «адская машина»? К чему приведет ее запуск? Коллайдер — это новое оружие, угрожающее нашей планете, или жестокий проект разума из параллельной Вселенной? Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Этьен Кассе

Убийца планеты адронный коллайдер

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Адронный коллайдер... Еще пару лет назад большинству людей, и мне в том числе, эти слова показались бы бессмысленным набором букв, тарабарщиной, разобраться в которой способны только ученые. Сегодня их знает большинство образованных (и даже не слишком образованных) людей во всем мире. Разумеется, в то, что конкретно представляет собой эта штука и что это за адроны такие, никто и не пытается вникнуть. А зря...

Собственно, я тоже не особенно хотел вникать. Естественные науки, честно говоря, меня мало интересуют — я гуманитарий. Мне подавай разные древние рукописи, пропавшие цивилизации и переселение душ. Вот только... иногда тайна находит нас сама.

Наверное, многие меня знают, но все же представлюсь: Этьен Кассе, французский писатель и журналист, который не желает верить сказкам и всегда пытается докопаться до истины. Из-за чего он (то есть я), собственно, не однажды рисковал своей жизнью.

И продолжаю рисковать. Ведь правда, какой бы неожиданной она ни казалась на первый взгляд, должна восторжествовать над порой устоявшейся ложью. И не важно, туманит ли эта ложь умы людей много тысячелетий или появилась совсем недавно. Многие читатели, вероятно, предпочтут отмахнуться от выводов, которые я делаю в своих книгах. И это вполне допустимо. Главное, что найдутся и те, кто задумается и поневоле задастся теми же вопросами, которые волнуют меня. Пусть даже им придется идти сложными и тернистыми путями вроде тех, по которым я плутал в последние месяцы. Но только такие пути, как я уже неоднократно убеждался, ведут к истине.

Одной из самых больших удач в своей жизни я считаю то, что все эти годы мои поиски истины разделяют друзья и коллеги — сотрудники созданного мною агентства журналистских расследований «СофиТ». Это школьный друг Жерар, кажется ничего в мире не боящийся журналист, Гена Таманцев, бывший православный священник, правда покинувший старую добрую Францию и вернувшийся на родину, в Россию, но по-прежнему остающийся бесценным помощником, мадам Федак, дочь знаменитого египтолога, и, конечно, бесценная Софи. Огромное спасибо им за помощь, без которой, я уверен, я бы не справился с тем делом, которое однажды начал.

Не справился бы я без помощи моих друзей и с этим делом, хотя с самого начала решил вовлекать в это расследование как можно меньше людей, пытаясь обойтись собственными силами. И причина здесь не только в том, что с первых шагов это расследование стало опасным, — к опасностям, даже к смертельным, никому в агентстве «СофиТ» не привыкать. Начиная новое расследование, я даже не мог предположить, что оно обернется такими страшными и необъяснимыми загадками, вопросами, ответы на которые лежат по ту сторону привычных для нас понятий времени, пространства, жизни, Вселенной.

События, о которых говорится в этой книге, разворачивались более чем динамично. Эта книга — одна из тех, что были написаны мной очень быстро, в течение пары месяцев, буквально по горячим следам.

Почти ни одного дня я не находился в тупике, раздумывая, где найти ниточку фактов, за которую можно потянуть. События, подчас страшные и совершенно необъяснимые, находили меня сами, и я уже не мог оставаться просто наблюдателем. Я сам стал участником всей этой истории, а как говорит месье Каррие, «мы не можем сходить со сцены, пока наша роль еще не сыграна». Эта история для меня еще не закончилась, и я не знаю, когда и чем она закончится. Моя роль в этой истории еще не сыграна. Как и ваша. И как именно ее играть, каждый выбирает сам для себя.

Так получилось, что эта книга задает больше вопросов, чем дает ответов. И мне очень хотелось бы надеяться, что выводы, к которым я пришел в этом расследовании, в большей степени являются плодом моего воспаленного воображения и ошибочных рассуждений, чем жестокой истиной.

Эту книгу я посвящаю прекрасным людям, с которыми меня свела эта история, — Жюли Марше, Сирилу Гриффа и Максиму Эндгеру. Мне неизвестно, где они сейчас, и я жалею, что, скорее всего, встречу с ними очень нескоро. Но где бы они ни были, я от всей души надеюсь, что они пребывают в добром здравии и хорошем настроении.

Этьен Кассе Франция, Париж 22 ноября 2008 года

Глава 1

БРАТЬЯ МАГДАЛИНЫ

Я был бы рад начать этот свой рассказ как-то иначе. Например: «В тот солнечный августовский день в окно агентства «СофиТ» влетел камень, обернутый бумажной запиской с надписью «Помогите», написанной рунами» — или на худой конец так: «В пасмурный день конца лета 2008 года я получил электронное письмо». Но нет, в тот раз, как и почти во все предыдущие, все началось с обычного телефонного звонка. Был август, пятница, послеобеденное время, стояла жара. Все в агентстве только и мечтали о том, как бы побыстрее дожить до конца рабочего дня и вырваться из Парижа. Под моим неусыпным взором все делали вид, что чрезвычайно заняты неотложными делами. Я пил холодный кофе в холле и казался всем (и себе в том числе) самым большим бездельником. Именно поэтому трубку пришлось взять мне. Должен вам сказать, что, когда начинается «что-то такое», всегда кажется, что телефон звонит «как-то не так». Хотя, может быть, на меня так действовала жара — кто знает?

— Здравствуйте, месье — Голос в трубке был женским, очень высоким и почти детским. Мне он показался до крайности испуганным. — Я... я имею честь говорить с месье Кассе?

— Не знаю, честь ли это, но вы попали в точку, — автоматически выдал я одну из своих дежурных острот, — Месье Кассе, меня зовут Жюли Марше, я из религиозного общества «Братья Магдалины». Нам необходимо с вами встретиться в самое ближайшее время. Желательно прямо сегодня, — выпалила она со скоростью пулеметной очереди. Времени на раздумывание у меня особенно не было, и я согласился.

«Ну вот, начинается, — мрачно подумал я, взбалтывая остатки холодного напитка. — Не хватало мне еще «братьев Магдалины». Впрочем, скорее всего, «сестер». И всем всегда все надо срочно и почему-то именно от меня. Зачем я согласился встретиться сегодня?..» Впрочем, ответ был прост — очевидно, потому, что никаких планов на вечер пятницы у меня не было, как не было планов и на выходные. Из двух зол — хандры и работы — я выбрал меньшее. А потому, допив кофе, я направился напрямик к себе в кабинет, чтобы успеть навести хоть какие-то справки о моих будущих посетителях. Они же, по заверению явно чем-то напуганного «брата» Жюли Марше, в тот момент мчались ко мне на всех парах.

Религия и искусство

Загрузив в поисковую систему «Братья Магдалины», я тут же позвонил одному из своих бесперебойно работающих источников информации в Париже. Да, есть и у меня свои люди в кругах, как говорится, «весьма близких к официальным». Я знал, что, несмотря на погоду и время, «источник» будет на месте. И знал, что получу информацию в течение получаса.

Тем временем я обнаружил в Интернете официальный сайт религиозной организации «Братья Магдалины». На главной странице красовалась фотография фрески с изображением св. Магдалины, расчесывающей длинные каштановые волосы, лицо на фреске довольно сильно потемнело. Никакой особо интересной информации на сайте не оказалось. На нескольких страничках была изложена основная религиозная концепция братства, указаны контактные данные с фотографиями братьев, занимающихся связями с общественностью и принятием в орден новичков. «Брат» Жюли была помощником руководителя главного филиала братства в Париже. Среди «братьев» были и другие «сестры». Видимо, братство не страдало излишней

бюрократизацией и чрезмерной ортодоксальностью взглядов.

В ожидании информации от своего источника я стал просматривать сайт более внимательно. Выяснил, что, судя по всему, филиал в Париже был не только главным, но и единственным. На страничке с основными религиозными положениями было сказано, что, ни много ни мало, Иисус Христос был... женщиной. Ну что ж, вполне понятно. Дэна Брауна читали все, в отличие от моих писаний. И восторженные светловолосые барышни вроде Жюли Марше тому не исключение. Логично было бы назвать это их братство «сестринством». Интересно, что они хотят? Чтобы я написал книгу о Магдалине? Или о Христе?

Боюсь, переплюнуть мистера Брауна будет не так-то просто, хоть меня и сравнивают с ним все, кому не лень.

В этот момент компьютер просигналил мне о новом электронном письме. Это было более подробное досье на «Братьев Магдалины».

Итак, образовалось братство восемь лет назад. Инициатором и главой его был вовсе не разочаровавшийся священник, а самый обычный на первый взгляд профессор искусствоведения Шарль Марше. Сегодня в Париже насчитывалось около семидесяти «братьев Магдалины». Кроме парижского, у братства действительно больше не было филиалов. Братство было зарегистрировано как общественная организация. «Братья» дважды привлекались к административной ответственности: первый — раз за неуплату налогов на сумму в пару тысяч евро, а второй — за несанкционированный митинг возле книжного супермаркета, где наряду с другими книгами продавалась и Библия. «Библия только для лицемерной церкви!» — громко возмущались собравшиеся перед супермаркетом пятнадцать членов братства, за что и были задержаны полицией. Демонстранты не сопротивлялись, вели себя мирно и вскоре были отпущены из полицейского участка. Других данных о них не было. Как говорится, «не привлекались». Ни с кем не ссорились, особенно активно свою точку зрения не пропагандировали. У властей к ним претензий не было, у них к властям — тоже.

Шарль Марше, француз пятидесяти шести лет, досье на которого также предусмотрительно прилагалось к файлу о «Братях Магдалины», действительно был тихим, спокойным и особенно ничем не примечательным профессором искусствоведения, изучавшим изобразительное искусство древних европейских племен. Как это связано с Библией и версией о том, что Христос был женщиной? Ни сам Дэн Браун вместе со всеми его поклонниками и последователями, ни его литературное творчество не относились к древним европейским племенам — разве что уровень интеллектуального развития бывал порой вполне сопоставимым...

Ответ на все эти вопросы пришел ко мне сам — дверь открылась, и на пороге появилась Софи в сопровождении двух посетителей. Как я понял, это были Шарль и Жюли Марше. После взаимных приветствий я незаметно вооружился диктофоном и приготовился к разговору.

Змея с черной головой

— Даже не знаю, с чего начать. Наверное, вы уже кое-что о нас знаете, — сказала Жюли Марше, усаживаясь в кресло напротив меня и неуверенно поглядывая на своего отца. А в том, что Шарль Марше был ее отцом, не было никаких сомнений — фамильное сходство было налицо. Черты лица, манера держаться были у них совершенно одинаковыми. Оба сразу чрезвычайно располагали к себе. У Жюли были серые глаза и курносый носик. Мальчишеская стрижка делала девушку еще более юной, хотя ей и так нельзя было дать больше двадцати — двадцати двух лет.

— Начните с самого начала, — довольно мрачно посоветовал я.

Юная помощница руководителя «Парижского филиала братства» покраснела и явно смутилась, — Мы — религиозная организация. Впрочем, наш сайт вы наверняка уже видели, и мне особо больше нечего добавить. Вряд ли вас заинтересует наша религиозная позиция. И мы пришли говорить не о ней, а о другом. Если начинать с самого начала, — девушка улыбнулась, — то все началось, когда мой отец во время экспедиции в пещеры Люсак-де-Шато нашел старинную фреску.

— Фреска была не европейского происхождения, — вмешался профессор и осекся. — Но я это, правда, только потом понял.

— Да, — продолжала Жюли. — Тогда это было не понятно. Скорее, это был довольно небольшой фрагмент фрески на отдельном камне. Он не содержал никаких изображений, только письма. Отец передал его одному из своих коллег, поскольку это была полностью его епархия. Папе это было не очень интересно. Мы... Папа занимается рисунками, а не текстами. Он просто хотел знать, что там написано, после того как его коллега расшифрует текст. Через несколько дней после нашего возвращения домой, в Париж, позвонил папин коллега, доктор Бернар. Он был очень взволнован, хотел встретиться как можно скорее, сказал, что фреска — очень ценное открытие. Еще он сказал, что послал нам перевод текста по электронной почте. Мы договорились встретиться на следующее утро в университете. Но в тот же вечер доктор Бернар упал с лестницы у себя дома. — Чувствовалось, что Жюли тяжело об этом рассказывать. — Он упал... очень неудачно... Он погиб.

Она замолчала. История показалась мне довольно банальной: скорее всего, это был подстроенный несчастный случай, чтобы украсть злополучный камень с надписями. Я ждал, пока она продолжит. Прошла минута, затем Жюли опровергла мои предположения.

— Фреска? Нет, она не пропала. Когда полиция расследовала это дело, мы тоже сначала подумали, что доктора Бернара могли убить, чтобы похитить фреску. Но она была на месте. Было некого подозревать, доктор ведь жил один. И дело закрыли: несчастный случай. — Она снова замолчала.

— Вы хотите, чтобы я выяснил, как погиб доктор? — спросил я. — Но тут вам, скорее всего, лучше пойти к частному детективу или в полицию, если вы знаете что-то еще.

— Нет, — ответила Жюли. — Мы думаем, это и вправду был несчастный случай. У доктора были проблемы со здоровьем, у него... могла закружиться голова. Да и возраст... Но дело не в нем, дело во фреске. Доктор Бернар расшифровал ее. Это действительно очень старая фреска. Ей более пяти тысяч лет. Даже странно, что она так сохранилась. И она точно не из Европы. Но, главное, что эта фреска — старинное предсказание. Скорее, даже предсказание-предание. В ней говорится, что через восемь лет от первого года второго тысячелетия, — тут Жюли сверилась с бумажкой, которую держала в руках, — люди создадут большую змею, которая будет пожирать свой хвост. Сначала змея будет лежать спокойно. Но затем ее голова станет черной и она проглотит весь свет. Это будет наказанием человечеству за гордыню, за стремление к гигантизму. Это будет что-то вроде второй Вавилонской башни.

Только это будет очень суровое наказание, погибнет уже весь мир. Мы долго думали, что же это за зло такое, которое люди создадут сами... И кажется, поняли. Месье Кассе, это же адронный коллайдер! Вы наверняка слышали о нем. И слышали о черных дырах. И вообще... обо всем этом эксперименте.

Мягко говоря, я был немного озадачен. Такого поворота событий я не ожидал. Было вовсе не похоже, чтобы милая француженка и ее нервничавший отец были не в себе. Да они себя так и не вели. Они просто излагали факты и, казалось, относились к сказанному в древней фреске как к написанному в утренней парижской газете. То есть явно без должного сомнения. Они были очень напуганы и очень нервничали. Лицо Шарля Марше покрылось красными пятнами, он мял

в руках носовой платок.

. — Так чего же вы хотите от меня? — спросил я.

— Мы хотим, чтобы вы опубликовали об этом статью. На книгу нет времени, это нужно сделать как можно скорее. Этот коллайдер, весь этот эксперимент — он очень, очень опасен. Мы хотим, чтобы вы собрали материалы, доказательства. К вам обязательно прислушаются. У вас есть имя, то, что вы скажете, не пройдет незамеченным. Мы... мы заплатим вам гонорар. Как журналисту и как исследователю. Люди должны остановить коллайдер, потому что их жизнь в опасности.

Сказать, что я был огорошен, значило не сказать ничего. Конечно, я слышал о проекте европейских физиков, но особенно не вникал в него и, честно говоря, не понимал всей этой шумихи вокруг коллайдера. Не машину времени же, черт возьми, изобретают! Поэтому я взял пару дней, чтобы подумать, и обещал сразу же сообщить, как только приму решение. Дело было даже не в гонораре. Я бы взялся писать об адронном кол-лайдере, да хоть о черте в ступе, если бы у меня были хоть какие-нибудь факты. А тут — фреска и змея с черной головой! Да еще напуганные профессор и его дочь. Возможно, их напугало то, что случилось с их другом, доктором Бернардом. История не из приятных, ничего не скажешь. Но с пожилыми людьми и в самом деле иногда происходят несчастные случаи — Или они что-то недоговаривают?

Рабочий день закончился, сотрудники агентства вырвались наконец на свободу из душного офиса. Софи принесла мне кофе и тоже упорхнула. Жаркий вечер пятницы стал еще более отвратительным. Но я твердо решил: «Сегодня работать!»

Большой адронный коллайдер

Когда все наконец покинули меня, я запер дверь, выключил порядком надоевшую музыку, закрыл жалюзи на окнах и принялся изучать вопрос о Большом адронном коллайдере.

Когда не знаешь, с чего начать развитие темы, начни с самого начала, с первого слова, — один из добрых и самых лучших советов моего первого преподавателя журналистики. И я начал. Первейшее «начало» лежало, разумеется, в энциклопедиях. Информация там содержалась довольно общая, но пока мне и этого хватит. Я узнаю, куда копать дальше. «Первое слово», точнее, три слова здесь были «Большой адронный коллайдер». Что это такое?

Большой адронный коллайдер, он же БАК, он же Большой адронный ускоритель на встречных пучках — один из проектов огромного ускорителя частиц, с помощью которого будут проводиться эксперименты в области фундаментальной физики, связанные со сверхпроводимостью, сверхэнергиями и еще большим количеством различных «сверх». БАК построен под эгидой ЦЕРНа — Европейского совета по ядерным исследованиям — на границе Франции и Швейцарии, к востоку от Женевы, у подножия Юрских гор.

Фактически коллайдер — это большая труба, проложенная в специально вырытом тоннеле на глубине около сотни метров. В кольце длиной 27 километров, сделанном из этой трубы, мельчайшие частицы вещества будут разгоняться до скорости, близкой к скорости света, а затем будет изучаться энергия их столкновений. При этом в коллайдере, называемом некоторыми «атомодробилкой», частицы будут разбиваться буквально вдребезги, ведь скорость столкновения будет просто огромной.

На официальном веб-сайте самого ЦЕРНа сказано:

Все указывает на то, что при... огромных... энергиях порядка... терраэлектронвольт... речь идет о новой физике, и именно там скрываются ответы на некоторые самые фундаментальные вопросы нашего времени.

В результате ученые хотят понять, из чего на самом деле состоит материя, а следовательно, и вся Вселенная. И что такое гравитация. И как образовался весь наш мир. Не только планета Земля, а вся Вселенная. А кто же, собственно говоря, не хочет этого понять?

Строился Большой адронный коллайдер с 2000 года и к 2008 году был наконец построен. Тестирование его назначено на самое ближайшее время — осень этого года. Основной запуск — не позднее середины 2009 года.

Что ж, эксперимент более чем нескромный, но, судя по всему, для науки необходимый. Не всем же, как Эйнштейну, дано делать грандиозные открытия и доказывать важнейшие теории, сидя у себя в кабинете с карандашом и листком бумаги. Надо и практиковаться.

В строительстве Большого адронного коллайдера и в работе ЦЕРНа сегодня принимают участие два десятка стран: не только государства Западной Европы, но еще и Япония, Китай, США и Россия. Поэтому — да и не только, видимо, поэтому — никто не держит в секрете такое масштабное предприятие. А раз что-то не держится в секрете, значит, об этом обязательно есть «общественное мнение». Его можно узнать только у тех, кто его создает, то есть у самой общественности. Не у ученых-физиков или инженеров, а у менеджеров и продавщиц косметики. Ну и у прессы, разумеется, куда же без нее, родимой... А значит, надо идти в Интернет — огромный информационный ресурс, но и такую же огромную выгребную яму общества. Ведь общественное мнение — к сожалению или к счастью — порой гораздо важнее, чем факты. Впрочем, хватит ходить вокруг да около. То, что я прочитал в Сети, меня изрядно повеселило. Правда, в первый момент.

Исчадие Армагеддона

«Если верить паникерам, — думал я, роюсь в новостных порталах, — жить всем нам и в самом деле осталось даже меньше года». А паника в Интернете творилась действительно повсеместная. Особенно отличились, конечно, форумы и книги комментариев к сайтам желтой прессы, религиозные и развлекательные ресурсы. После всего, что я прочел в Сети, Шарль Марше со своей древней фреской и предсказаниями о гигантской змее с черной головой казался лишь немного взволнованным пожилым профессором.

Не могу не привести одну чрезвычайно «вдохновляющую» цитату. Да простит меня автор за то, что я опустил электронные ссылки. Тем более что я нашел это послание на различных сайтах как минимум на двух разных языках, подписанное различными именами. Оно и понятно — под своим настоящим именем в Сети уже мало кто пишет. Послание было чрезвычайно громогласным, причем больше половины слов были напи-саны¹ разноцветными крупными буквами, которые я здесь опускаю:

Прошу, ПОЖАЛУЙСТА, прочтите. Задумайтесь о вероятности зарождения и гибели разума. Вероятность образования лишь одной молекулы ДНК на Земле невообразимо ничтожна, это одна на 110... 0... 0 — там восемьсот (!) нулей, добавьте вероятность зарождения Разума. Вы только представьте, сколь мы, люди, уникальны во Вселенной! Возникновение Человечества это беспрецедентный случай. А значит, даже ничтожнейший риск возможен. Проект ЦЕРНа допускает неведомые последствия опытов. Любая непредсказуемость допускает негативный риск, поэтому запрещается ставить эксперименты над людьми. Известны факты риска собственной жизнью во имя Науки, но никакой риск жизнью Землян недопустим! Однако вопреки научной этике, усыпив снотухой уходом от оценки рисков Большого адронного коллайдера, ЦЕРН из прихоти рискует всеми нами. Вы видели фото БАК? Нам внушают: сей монстр не опасен, выпятив данные одинокого протона. При этом

ЦЕРН цинично отождествляет единицы частиц космического фона со скопищами сотен миллиардов протонов БАК в ничтожном пространстве. Чтобы сжать упертые одноименные заряды и принудить ко встрече, ЦЕРНу нужны жуткие потуги: полчища в сотни миллиардов протонов огромным усилием сдавят тоньше волоса и с чудовищной энергией в сто килограммов тротила разгонят до скорости света, чтобы затем экспрессы сгустков протонов шароухать лбами. Все последствия их теориям неведомы в этой клоаке хватит пищи разверзнуться как черной дыре, так и иной ужасной мерзости. Но ЦЕРНу бешеных протонов мало. Пронесет с протонами, проведут и более злоеущие опыты с ионами тяжелых атомов. Это безумие, ЦЕРН из любопытства хочет испытать на нас Большой взрыв, лицемерно увещевая всех об абсолютной безопасности БАК. В общем, все мы пассажиры-заложники смертельного коллайдера и без средств спасения. Гаранты безопасности Землян — это опьяненные возможностями коллайдера горе-ученые, готовые на все ради оголтелого познания и Нобелевской премии. Их беспечность и безразличие к Мирянам обусловили трагедию Хиросимы и Нагасаки, Чернобыля. Люди! Очнитесь! Пока еще не поздно, ПРОТЕСТУЙТЕ! Остановим Большой адронный коллайдер — исчадие Армагеддона Человечества. Во имя жизни на Земле и судьбы будущих поколений людей.

Змея с черной головой оказалась одним из наименее диких образов. Я написал электронное письмо своему школьному приятелю, Макс Эндгеру, который преподает физику в Мюнхене и с детских лет славится весьма трезвым взглядом на вещи и уравновешенным характером. Мы не виделись с Максом лет пять. Я поинтересовался его мнением о Большом адронном коллайдере. Спустя пару часов Макс позвонил мне на мобильный и сообщил, что он сейчас как раз преподает по обмену в колледже под Парижем и живет в общежитии там же.

Я погрузился в «мерс» и отправился на встречу с Максом. Я очень надеялся, что мы будем не только шутить о славных школьных временах, а еще и поговорим о коллайдере. Но, к моему удивлению, Макс оказался очень серьезен и с порога взял быка за рога.

— Этьен, зачем тебе понадобилась эта штуковина? — ~ спросил Макс, почти не поздоровавшись, хотя мы не виделись черт знает сколько времени. Мог бы спросить о том, как я поживаю, — тоже мне, школьный друг называется.

— Какая такая штуковина? — удивился я, прекрасно понимая, к чему он клонит.

— Большой адронный коллайдер, — раздраженно ответил мой приятель.

Не очень понимая такую реакцию обычно флегматичного Макса, я вкратце поведал ему о «Братьях Магдалины» и об их просьбе. Макс пришел в настоящую ярость.

— Надоели, — бегая из угла в угол по своей комнате, рвал и метал он. — Надоели! Еще одни деятели! Сектанты, религиозные фанатики, сумасшедшие старухи, вздорные недоучки, недоделанные физики, адвокаты, суды, парикмахерши, которым не о чем почесать языком, прыщавые подростки, подвисяющие на всех сайтах подряд, скучающие менеджеры и офисные секретарши! Ну, кто еще будет высказывать свое бесценное мнение об этом разнесчастном коллайдере?! Надоели! Не дают спокойно работать! Конец света у них, видите ли, настанет! Черная дыра уничтожит половину Европы, и им негде будет просиживать в офисах по восемь часов в день без дела! Туннель в параллельный мир у них откроется! Оттуда пролезут инопланетяне и начнут войну миров! Нет, что я говорю! Мир вообще весь разлетится вдребезги. Жизнь начнется сначала, раз эта чем-то кому-то не угодила! Ну, какая еще версия на этот раз?! И ты, Брут, вместе с ними?!

Ярость моего друга была настолько неподдельной, что я и впрямь почувствовал себя в чем-то виноватым. Немного унявшись, Макс рассказал, что он работает в группе немецких физиков по проекту Большого адронного коллайдера в ЦЕРНе и что именно он отвечает за связи с общественностью в своей группе.

— Ты представляешь? — возмущался Макс, сверкая стеклами своих очков. — Они звонят, пишут и даже приходят. Они просят, умоляют, угрожают, требуют остановить, взорвать, уничтожить коллайдер. Они знать не знали о тех коллайдерах, которые работали до этого. И совершенно не беспокоились. А теперь они разволновались. Потому что он, видите ли, самый большой. Я иногда думаю, что кто-то поднял эту панику намеренно. Это все ваши СМИ виноваты! Невозможно нормально работать! Никто не хочет никаких знаний! Наука никому не нужна! Всем, видите ли, страшно. Как дикарям в каменном веке во время грозы! Только тут даже молния в голову не ударит! Нет, я точно уверен, что это сделано намеренно. Для того, чтобы уже никто не воспринимал науку всерьез! Или чтобы заработать денег на статьяx или продаже футболок с надписью: «Спаси мир от коллайдера!» Уж не знаю для чего еще. Все они... их нужно оштрафовать, запретить панику! Причем оштрафовать нужно не газеты и сайты, которые размещают эту информацию, а тех, кто ее заказывает! Ведь кто-то ее начал?!

Людей с неустойчивой психикой ведь очень много, — вещал Макс как заправский психиатр. — Психические расстройства возникают по поводу и без. Боятся метро, собак, клоунов, зеркал, ведьм, сглаза. То, чего мы боимся, зависит от всей нашей жизни, от типа личности, а также жизненного опыта. Современная психиатрия довольно успешно справляется с этими болезнями. Две трети населения ходит к врачам по этому поводу! И тем, у кого развилась «кол-лайдерофобия», тоже пора прямиком к психотерапевту. Либо, если они еще не безнадежны, в библиотеку — читать книги по физике, чтобы понять, что здесь к чему, и не распространять безграмотный бред!

Что рассказал Макс Энджер

— О научных исследованиях, да и каком-то научном явлении вообще, — продолжил Макс, когда мы уже сидели в кафе, — очень редко так много говорят. По крайней мере, об исследованиях вне космоса. Ну, с одной стороны, это вроде бы и неплохо. Население всей планеты знает о том, что существует Большой адронный коллайдер, когда он будет запущен, как он работает — хотя бы в общих чертах. Если бы этой шумихи не было, думаю, мало кто бы заметил этот эксперимент, как не замечали и предыдущие коллайдеры. Изначально целью работы ЦЕРНа ставилось создание абсолютно открытой организации, которая в противовес прикладным разработкам по созданию атомного оружия занималась бы только фундаментальными исследованиями строения вещества и происхождения Вселенной. Адронный коллайдер — это не ядерная физика в целом, это ее отдельная отрасль — физика элементарных частиц. По-другому — физика высоких энергий. Этот Большой адронный коллайдер, ускоритель заряженных частиц, отличается от предыдущих тем, что его энергия во много раз больше энергии предыдущих установок. И в этом его величайший успех — ведь чем больше энергия, тем на более мелкие части мы сможем раздробить вещество, тем глубже сможем проникнуть в материю и изучить ее мельчайшее строение.

О предыдущих коллайдерах я ничего не знал, и поэтому Макс рассказал мне о них.

На самом деле — и это было для меня, неуча, полной неожиданностью — Большой адронный коллайдер вовсе не является первым подобным экспериментом. Как уже говорилось, строительство БАК осуществляется под эгидой ЦЕРНа, а начало этому было положено сразу после Второй мировой войны. Пройдясь в основном по Европе, война помимо огромных бед и несчастий помешала развитию в ней фундаментальных наук, в том числе и физики. В то же самое время в США, державе, не слишком-то пострадавшей в сороковые годы, наука и та ее часть, что нас интересует в основном, — физика — получили изрядное развитие. В частности, в

то время в Соединенных Штатах как раз и началось строительство крупных ускорителей частиц. Как известно, к 1945 году Штаты уже обзавелись атомной бомбой, которую они не преминули испытать, что называется, «в полях» — и не только ради науки, но и в назидание всем остальным. Думаю, именно этот факт, а также ядерные разработки в СССР привели к тому, что Европа на этот счет опомнилась довольно быстро. Похвально то, что, несмотря на авторитет отдельных европейских стран в развитии физики, ни одна из них не стала «тянуть одеяло на себя». При нависшей над головой угрозе всем хватило разума спасти эту самую голову вместе, не делясь на «себя» и «соседа».

Итак, в 1950 году совет ЮНЕСКО выпустил постановление-рекомендацию о создании общеевропейской организации по научным исследованиям. Спустя три года на свет появился ЦЕРН.

Это детище общеевропейской дружбы и научной солидарности занималось, разумеется, не только ускорителями частиц. Но ускорители — это один из самых известных его проектов. В 1971 году был запущен протонный коллайдер, а десять лет спустя — протонно-антипротонный суперсинхротрон. Изучали в этих устройствах с трудно выговариваемыми названиями электромагнитные и гравитационные взаимодействия.

В середине девяностых годов прошлого века с помощью одного из очередных коллайдеров удалось открыть совершенно новую область в науке. Однако, что интересно, еще тогда тот электронно-позитронный коллайдер строили с большим запасом мощности — в расчете на БАК. С 2000 года предыдущий коллайдер отключили, и вся его инфраструктура была задействована в строительстве БАКа. Ожидалось, что его запуск будет произведен в 2005 году, затем — летом 2008 года. По последним данным, пробный, «маленький» запуск планировалось осуществить буквально на днях, в этом августе.

Слово «адронный» в переводе с греческого означает «твердый, прочный». «Большим», он, собственно, называется из-за размеров. «Коллайдер» происходит от английского слова «столкновение». Пучки частиц ускоряются при помощи специального оборудования, посылаются в противоположных направлениях и сталкиваются. Характер и обстоятельства столкновения фиксируются специальными датчиками. БАК ведь очень просто устроен, а исследования, которые он позволяет проводить, очень важны для науки.

— В принципе, тревоги и опасения людей, не связанных с физикой, понятны, — согласился Энджер. — Им неизвестны обстоятельства и различия между макромиром космоса и микромиром, создаваемым в лабораториях. Это разные вещи, хотя и взаимосвязанные. И все протесты проистекают из незнания.

— Вообще не факт, кстати, — продолжал Макс, — что черная дыра может образоваться в результате опыта в коллайдере. Разговоры о возможности появления черной дыры — это лишь результат решения неких теоретических уравнений. Эти решения были предложены математиками и физиками. Но ведь существует множество вариантов, большая часть которых не имеет ничего общего с тем, как на самом деле поведут себя частицы. Могут ли вообще появиться черные дыры в коллайдере или нет, еще предстоит установить.

Макс объяснял мне все происходящее очень образно и доходчиво. Чувствовалось, что он защищает коллайдер далеко не в первый раз.

— Каждый протон, — говорил он, — будет совершать по туннелю чуть больше одиннадцати кругов в секунду, обладая той же кинетической энергией, что и авианосец,двигающийся со скоростью одиннадцать узлов. В коллайдере создан вакуум, аналогичный космическому. Мощности же охладителей, которые работают на ВАКе, достаточно, чтобы охладить полторы сотни тысяч набитых доверху холодильников, поддерживая в них температуру чуть выше абсолютного нуля! Чтобы предотвратить какие-либо утечки энергии или материи, в коллайдере

закрываются мельчайшие отверстия — меньше одной десяти тысячной острия маленькой иголки. Коллайдер — чрезвычайно точный и совершенный прибор. Я много дней думал обо всем этом, когда начал давать объяснения о коллайдере всем этим... правдоборцам. Я должен был сам убедиться в том, что коллайдер безопасен. И я верю в то, что он безопасен. И необходим для науки.

Мы распрощались с Максом лишь к полуночи. Мы почти не обсуждали наши школьные времена, Макс говорил лишь о теоретической физике, о далеких галактиках и зарождении нашей Вселенной. Я не буду это пересказывать. Любой читатель сможет найти эту информацию в какой-нибудь популярной энциклопедии по астрономии и физике. Макс верил, что «коллайдер откроет людям путь к звездам». И я, по правде говоря, даже немного завидовал его вере.

На обратном пути в Париж я обдумывал то, что сказал Энджер. И, несмотря на все мое желание найти какие-то противоречия или загадки, мне это не удавалось. Довольно обычный для двадцать первого века научный проект, пусть и большой. Полет человека в космос тоже был большим экспериментом, хоть и не всеобщим. Не те времена были, не те... Что до коллайдера, то он финансируется мировыми государствами-лидерами, заинтересованными в том, чтобы не отстать от других. Контролируется ООН, что вполне очевидно. Что ж, фундаментальная наука — двигатель прогресса. Хоть это и звучит немного двусмысленно, если вспомнить, для чего в первую очередь применили ядерные технологии...

Оставался открытым только один вопрос: кто и, самое главное, зачем создал такую шумиху вокруг Большого адронного коллайдера? Откровенно говоря, я был согласен с Максом в том, что все эти слухи появились не сами собой. Как журналист с более чем десятилетним стажем, могу точно заверить вас: если слухи образуются, значит, это кому-то зачем-то нужно. Просто так не бывает ничего. Как не бывает дыма без огня.

Кто-то и вправду хотел, чтобы работа над коллайдером прекратилась. Но кем был этот кто-то? Если он достаточно могуществен, чтобы «раскрутить» общественное мнение на панику такого масштаба, не проще ли было ему просто организовать саботаж в технических работах, поломки, недоставку комплектующих или в самом крайнем случае взрыв или пожар в научном центре? Вряд ли это была инициатива какой-то группы ученых. Данные, полученные в результате опытов с коллайдером, были обещаны к рассылке всем заинтересованным лицам в научном мире. Все государства, желающие прислать своих ученых в ЦЕРН для работы с коллайдером, могли это сделать, причем за сравнительно скромный взнос на финансирование научных исследований ЦЕРНа. В общем, коллайдер был более чем открытым проектом. Подчеркивалась его значимость для всего человечества. И тут — такой грязный «пиар».

Или же этот «кто-то» хочет, чтобы коллайдер приелся всем, чтобы он примелькался на телеэкранах и в Интернете? Чтобы, когда он будет запущен и ничего страшного не произойдет, на него перестали обращать внимание? И вот тогда-то и совершить нечто действительно страшное?

Я пока не мог представить себе, кому и зачем это было нужно изначально. Потом, конечно, этот клубочек стали разматывать религиозно и консервативно настроенные общества и отдельные не очень уравновешенные личности. Но кто был в этом заинтересован с самого начала?

Отказ с извинениями

Я крутил всю эту ситуацию и так и эдак, прикидывая, кому могла быть выгодна шумиха вокруг коллайдера. Я даже навел справки у своего знакомого, который работает в Отделе

контроля за экологической обстановкой Правительства ЕС. К коллайдеру у экологов вопросов не было. Все необходимые разрешения были получены десятки лет назад. Этот научный проект работал уже давно, и работал стабильно и бесппроблемно.

Я очень не люблю отказываться от исследований. И происходит это весьма нечасто, только тогда, когда они мне по какой-то причине не интересны. Но в этот раз я просто не нашел, за что зацепиться. По словам «Братьев Магдалины», решение должно было быть принято как можно скорее. Я должен был успеть за два дня. Итак, был Большой адронный коллайдер, был ЦЕРН, были религиозно настроенные добросовестные граждане, были и просто-напросто паникеры, напоминавшие тех, кто сжег Коперника и Бруно. Конечно, Шарль и Жюли Марше не относились ни к тем ни к другим. Однако за отведенное мне время я не нашел никаких доказательств того, что коллайдер в самом деле может спровоцировать конец света — тем более так, как говорилось в тексте фрески. Фактов у меня не было.

Мой приятель, физик Макс Эндгер, был прав в том, что и так достаточно паники относительно катастрофы, которая постигнет Землю сразу же, как только в ЦЕРНе нажмут на пусковую кнопку. Ничто из той информации, которая у меня была, всерьез не говорило о том, что коллайдер может привести к концу света или чему-либо подобному. Я не нашел никаких документов, которые могли даже намекать на побочные эффекты от работы этого прибора. Да коллайдер даже не был еще протестирован, не только что запущен, какие там данные!

Если уж на то пошло, то ядерное оружие намного опаснее. Но даже вокруг него сегодня уже не создается такой шумихи. Я же не собирался еще больше раздувать панику, строя бездоказательные и вздорные предположения в духе желтой прессы, рискуя собственной репутацией ради вознаграждения, которое мне выплатили бы «Братья Магдалины». Они были симпатичны мне, поэтому мой вынужденный отказ меня очень расстраивал.

Впоследствии я не раз пожалел о принятом тогда решении. Но, возвращаясь к нему снова и снова, я понимаю, что оно было вполне естественным и логичным. Я стараюсь отбросить эмоции и в своих исследованиях работать только с фактами. А вот фактов-то у меня и не было. Я ищу и не нахожу своей вины в гибели Шарля Марше и исчезновении Жюли. Более того, думаю, что, если бы я тогда обнаружил свою связь с этими людьми, скорее всего, меня постигла бы та же участь. Я понимаю все это, но иногда чувствую вину за то, что не послушался своего внутреннего голоса, который, пока я набирал телефонный номер «Братьев Магдалины», чтобы отказаться от статьи, настойчиво шептал мне, что моим отказом эта история вовсе не закончится. Это лишь начало. Тем не менее я принес свои глубочайшие извинения, выразил свое сожаление и сказал, что за это исследование я не берусь, поскольку не нахожу несоответствий в официальной точке зрения на проект БАКа и работу ЦЕРНа. Голос Жюли сделался еще более испуганным, а затем — сухим и официальным. Мы распрощались.

Время шло. Я работал над очередной книгой, попутно занимаясь текущими делами агентства. Подошло время продлевать договор на аренду офиса, цены на недвижимость росли, и мы все носились с этим с утра до вечера. Судя по всему, к середине августа коллайдер был протестирован на начальном этапе, но, как и говорил Макс, никакая змея ничего не пожрала. Вроде все было относительно спокойно.

Однако спустя три недели, спокойным сентябрьским вечером я прочел на первой полосе послеобеденной «Франсе Пресс-Аженти» о том, что «накануне в Париже раскрыта и пресечена деятельность серьезной террористической группы религиозных фанатиков, выдававших себя за общественную организацию «Братья Магдалины»». «Пресс-Аженти» писала:

Главный вдохновитель группы застрелен полицией при сопротивлении аресту и попытке к бегству, а его дочь, ассистировавшая ему в его деятельности, объявлена Интерполом в розыск, прочие же участники группы арестованы, ведется следствие.

Я неплохо разбираюсь в людях. Меня научила этому работа, и от этой моей способности во многом зависят мои успехи и провалы. Шарль Марше не мог быть террористом, собиравшимся взорвать один из ресторанчиков на Монмартре. Он не мог не только сделать это, но даже планировать. Я чувствовал, что скромный профессор погиб неспроста, и не поверил ни одному слову из газетной заметки. И принялся за расследование дела «Братьев Магдалины» самостоятельно, на свой страх и риск. На сей раз все было гораздо серьезнее, чем подготовка статьи о конце света из-за змеи с черной головой.

Меряя шагами свой кабинет в агентстве, я раздумывал, как — и, главное, кому — могли перейти дорогу профессор Марше и его дочь. Все, что я знал о «Братьях», я прочел на сайте и в коротеньком досье, а также услышал от Жюли Марше. Информация эта касалась фрески и Большого адронного коллайдера. Не было ли именно это причиной? Я должен был разрабатывать все версии и принялся за это немедленно. Я искал, как бы подступиться к арестованным по делу «Братьев Магдалины», раз уж нельзя поговорить с Шарлем или Жюли. И я нашел этот путь.

Глава 2

СЛЕДЫ ВЕДУТ В АЛЬПЫ

Первой моей мыслью было запросить свидание с арестованными «братьями». Но им было предъявлено обвинение в терроризме, и все контакты с внешним миром, разумеется, запрещались. Тем более с прессой. Можно было поговорить только с их адвокатом. И тут судьба улыбнулась мне. Мне порой кажется, что мне иногда везет гораздо больше, чем я того заслуживаю. Адвокатом «братьев» была Николь Лажель. А почему я так обрадовался, когда узнал об этом? Да потому, что однажды Николь вела мое дело. Было это несколько лет назад — один из тех нелепых исков, которые мне предъявили после выхода моей книги «Фальсифицированная история». Думаю, что этим не закончится и Николь еще будет разбираться в моих бумагах, представляя мои интересы в очередном бредовом судебном разбирательстве.

Я немедленно позвонил Николь, и мы встретились с ней уже к обеду следующего дня. Николь была сбита с толку моими расспросами и огорчена, хотя выглядела, как всегда, спокойно и профессионально. Не задавая лишних вопросов о том, зачем мне это надо знать, и только попросив не разглашать информацию газетчикам, она рассказала мне все, что ей было известно о «Братьях Магдалины».

Террористы и торговцы наркотиками

— Это бредовое обвинение, Этьен, — говорила Николь. — Такое же бредовое, как и в твоём случае, если даже не хуже. Я веду дела Шарля Марше уже довольно много лет. У меня хранится его завещание, а также я консультировала его, когда он регистрировал братство. Я уладила то дело, когда по ошибке бухгалтера они недоплатили налоги и на них был наложен штраф. Ну и та глупая история с митингом тоже. Получается, что я веду дела всего братства. Буквально пару дней назад мне позвонила Жюли и сказала, что у них неприятности. Она сказала, что отправила мне по почте чек — плату за то, что я буду дальше работать как адвокат братства. Я не сразу поняла, что происходит, — ее было очень плохо слышно, и она тут же бросила трубку. К тому же я ни о каких неприятностях не слышала. С Шарлем Марше к тому моменту мы не общались несколько недель, поскольку никаких общих дел не было. И вдруг такое. Я бы немедленно позвонила окружному прокурору, но был уже поздний вечер. А наутро оказалось, что я правильно сделала, не позвонив: Жюли считалась в розыске, а месье Марше погиб. Мне сообщил об этом один из «братьев», который не был арестован. Я тут же принялась за это дело, поскольку поняла, что именно имела в виду Жюли. О ее звонке я решила помалкивать. Ведь мне вовсе не хотелось, чтобы ее нашли и застрелили, как и ее отца.

Николь немедленно отправилась в окружную прокуратуру и затребовала материалы дела. Потом она поехала в полицейский участок, откуда еще не перевели в тюрьму арестованных «братьев». Те заверили Жюли, что ничего не знают о причине ареста и им не известно ничего о якобы «террористической деятельности» Шарля Марше. В это обвинение они не верили.

Итак, информация о том, что Шарль Марше готовит террористический акт, якобы поступила в полицию от одного из осведомителей. Отряд полицейских был немедленно отправлен на квартиру Марше для задержания. При попытке к бегству Шарль Марше был застрелен. Жюли же удалось непонятным образом скрыться, хотя весь дом был взят в оцепление.

Во время обыска у Марше были найдены и изъяты рисованные планы одного из ресторанчиков на Монмартре. Якобы туда планировалось подложить взрывчатку. Помимо планов и схем в одном из шкафов в подвале были обнаружены взрывчатка, детонаторы, таймеры и прочая электроника для создания бомбы замедленного действия. А также два пакета кокаина и охотничья винтовка без лицензии.

— Представляешь, какой бред, — негодовала Николь. — Шарль Марше не мог иметь дело ни с чем подобным. Не тот он был человек. Да и дочь он воспитал так же. Понимаешь, Этьен, это как в фильмах про злодеев — нужно собрать все вместе: оружие, наркотики, взрывчатку, планы убийства. Чтобы уж точно все поверили, что братство виновно абсолютно во всем. Разве что письма от бен Ладена у них не обнаружили, но, думаю, такое просто не пришло в голову организаторам.

Настоящие террористы, профессионалы, никогда не имеют дела с наркотиками. Они просто выполняют свою «черную работу». А торговля наркотиками — совсем другой бизнес. Они бывают связаны, но только денежными потоками. Никогда организатор теракта не станет барьжить кокаином. Так что вся эта история с «Братством Магдалины» уже и вправду походила на кино. Никаких дневников, планов нападения, перечня требований, который собирались выдвигать «террористы», найдено не было. Не было установлено никакой связи между теми жуткими находками, которые якобы хранились в подвале дома Марше, и другими «братьями». Но тем не менее всех активистов арестовали. Остальным членам братства рекомендовали «не покидать город».

— Я думаю, что все это им подбросили, — сказала напоследок Николь. — В понятих при обыске указаны лица, которые проходят среди осведомителей полиции, я проверяла. Наверняка это все сфабриковано. Но как мне это доказать? Этьен, ты, видимо, был другом Марше, хотя я об этом ничего не знала. Поэтому тебе это должно быть небезразлично. Завтра я передам тебе копию рапорта полицейского, который застрелил Шарля. Я это дело так не оставлю... Ты сам прочитаешь. Это настоящее подставное убийство. И ты должен мне помочь найти и наказать виновного. Шарль не заслуживал такой смерти.

Я не стал отрицать своей дружбы с «Братьями Магдалины» и, заручившись помощью Николь, ее поблагодарил. На следующее утро я читал рапорт лейтенанта Мишеля Бирта, застрелившего профессора Марше «при сопротивлении аресту и попытке к бегству». Кроме формальных вещей, как то: имени, звания и стажа полицейского, номера жетона, времени, места, использованного оружия, количества выстрелов и прочего, там говорилось следующее:

Дверь нам открыла подозреваемая Жюли Марше. Я сообщил ей, что она и ее отец арестованы по подозрению в террористической деятельности. Лейтенант Жиль Верной надел на нее наручники и остался в гостиной, а я стал спускаться по лестнице из кухни в подвал, поскольку, по словам Жюли Марше, ее отец находился там.

Когда я спустился в подвал, я застал подозреваемого Шарля Марше стоящим возле стеллажа с книгами. Я назвал себя, объявил ему об аресте, затем попросил протянуть руки, чтобы я мог надеть на них наручники. В тот же момент подозреваемый с громкой бранью опрокинул на меня стеллаж с книгами и бросился к выходу из подвала. Выбравшись из-под упавшего на меня стеллажа, я достал табельное оружие и произвел предупредительный выстрел в воздух. Тем временем подозреваемый достиг выхода из подвала. Я бросился вслед за ним. Когда я подбежал к подвальной двери, подозреваемый Шарль Марше поднялся почти до самого верхнего пролета лестницы. Я прицелился, чтобы выстрелить в ногу подозреваемому. Внезапно тот оступился на лестнице. По этой причине пуля попала подозреваемому в бедро справа. Я немедленно вызвал «скорую помощь» по рации и все это время оставался с подозреваемым. Когда прибыла «скорая помощь», подозреваемый уже был без сознания. Как

мне сообщили после, он скончался в машине «скорой помощи» от кровопотери.

Передав подозреваемого врачам бригады «скорой помощи», я отправился в гостиную, где оставались лейтенант Верной и подозреваемая Жюли Марше. Когда я вошел в комнату, то увидел, что лейтенант Верной лежит на полу без сознания, а подозреваемая Жюли Марше исчезла. Я немедленно вернулся к подвальной лестнице и позвал врача. Когда лейтенант Верной пришел в себя, он рассказал, что Жюли Марше попросила его закрыть окно, а когда он повернулся к ней спиной, она чем-то ударила его по голове и он потерял сознание.

Внешне все выглядело довольно правдоподобно, Но я не мог отделаться от мысли, что все описанное было только поводом, чтобы убить Шарля Марше. Браниться, сопротивляться и опрокидывать стеллажи профессор не стал бы. Хотя кто знает, на что может решиться человек, загнанный в угол. Вот Жюли Марше — другое дело. Но у нее не тот возраст, да и свидетелей происшествия не было. Офицер Бирт был временно отстранен от исполнения обязанностей и направлен в краткий отпуск. И я поручил Жерару найти вольного или невольного убийцу Шарля Марше и выяснить, чем он сейчас занимается.

Камень из Атлантиды

Жерар отправился на задание, а я стал разбирать утреннюю почту. Среди газет, журналов и писем я обнаружил квадратный конверт, не похожий на все остальные. К конверту скрепкой был пришпилен листок, на котором почерком Софи было помечено: «Лежал под дверью, когда я пришла в офис в 8 утра». На конверте было написано: «Месье Кассе лично». Честно говоря, я очень не люблю такие анонимные письма. Но Софи известно, что мне положено передавать всю почту, без исключения. Осторожно раскрыв конверт, я обнаружил там не споры сибирской язвы и не отравленную иголку, а простой листок бумаги, на котором было написано следующее:

Здравствуйте, месье Кассе. Простите, что пишу Вам и тем, возможно, ставлю Вас под удар. Но ведь Вам не привыкать к риску. Я знаю Вас совсем недолго, но уверена, что Вы не оставите это дело в покое. Поэтому я надеюсь, что мое письмо будет Вам полезно.

Прежде всего хочу извиниться перед Вами за то, что мы пытались использовать Вас как орудие и не рассказали Вам всей правды. На Вашем месте, месье Кассе, я бы очень рассердилась сейчас. И поэтому я прошу Вас простить нас и прочитать мое письмо до конца. Я много думала обо всем этом, и так получается, что и мой отец, и доктор Б., о котором я Вам говорила, погибли из-за этого камня с надписями. Но если бы они не погибли, скорее всего, никто ничего бы так и не понял. Вам не хватало фактов, и в этом наша вина. Вот эти факты.

То, что мы рассказали Вам о фреске в ту нашу встречу, правда. Но не вся. Доктор Б. так и не успел почти ничего нам рассказать, но мы с папой потом догадались сами, когда смотрели его записи. И когда исследовали фреску. Эта фреска, месье Кассе, из Атлантиды. Она подлинная и доказывает, что Атлантида действительно существовала. Вы знаете об Атлантиде наверняка больше, чем мы с отцом. И вы знаете, насколько это важно. Мы пришли к вам в тот же день, когда поняли это.

Потом уже, когда закончились все процедуры и прочли завещание доктора, мы получили, согласно его воле, все научные бумаги и его дневник. Мы нашли в дневнике только одну запись, касающуюся фрески. Я прилагаю этот листок, чтобы Вы увидели его собственными глазами.

Вы понимаете, что опасен даже не сам коллаيدر. Опасно то, как его могут использовать. Думаю, всю правду знает лишь жалкая горстка людей, которая манипулирует всеми остальными. И однажды случится страшное. Я очень боюсь, что это уже неизбежно.

Я не знала, что они так могущественны, что могут быть так расчетливы и жестоки,

месяце Кассе. Когда я услышала выстрелы, я почему-то сразу поняла, что отец мертв. Я ударила полицейского по голове статуэткой, вытащила у него ключ от наручников и спряталась в каминной трубе. В детстве папа рассказывал мне, как Санта-Клаус карабкается изнутри по трубе, упираясь в выступы кирпичей... Мой бедный отец! Мы ожидали, что может случиться что-то такое, но он недооценивал это. Мне очень трудно справиться с этой потерей. Нам всем очень трудно. Мне пришлось покинуть Францию и уехать туда, где они пока меня не достанут. Не волнуйтесь обо мне. Отец научил меня, как самой позаботиться о себе. И у меня еще есть друзья.

Все, что вы захотите сообщить мне, вы можете сказать врачу клошаров, которые живут под мостом Сен-Пьер. Покажите ему этот листок. Я обязательно напишу вам еще. Сохрани Вас Бог.

Жюли, с которой вы знакомы.

К письму прилагался сложенный вчетверо листок, исписанный неровным крючковатым почерком. В листке говорилось:

3 августа. Сегодня утром я подвел итоги расчетов и анализа скола камня. Этому камню минимум пять тысяч лет! Что касается языка надписей, то он очень похож на древнеегипетский. Но это точно не он. Вроде все то, но что-то не так. Я запросил Освальда Зарбера, моего немецкого коллегу-языковеда. Я переслал ему фотографию одного из краев фрески, чтобы он ответил мне, что это за язык. Сама фреска в отличном состоянии, словно хранилась не в сырой пещере, а в музее с кондиционером.

4 августа. Отто пишет, что это язык, на котором, по одной из теорий, говорили и писали в Атлантиде — легендарной затонувшей древней стране. Мне представляется, что она вполне могла существовать на самом деле. И возраст камня позволяет думать, «что это могло быть правдой. Если это так, то это невероятное открытие. Мне и в голову не могло прийти, что я когда-либо доживу до чего-то подобного. Отто дал мне ключ к этому древнему языку. Я переводил написанное на фреске весь вечер и половину ночи, и теперь у меня есть текст на французском. Вот что в нем сказано: «В год спустя восемь лет после второго тысячелетия всемирного первого года люди сами создадут себе свою погибель. Они построят змею, пожирающую свой хвост. Их гордыня и любовь к огромным истуканам на земле погубят их самих. Сначала змея будет лежать спокойно, но люди будут копошиться рядом с ней и даже в ней. Тогда ее голова станет черной и она проглотит весь свет. Весь мир погибнет. И все начнется с самого начала. Но если те люди заслужили свою смерть, то это будет шанс для нас. И мы должны ждать этот день. Потому что сможем пройти сквозь время и спасти нашу тонущую землю. И тогда будущее изменится. Мы ждем того дня. Мы не отступим». «Тонущая земля»?! Это же и в самом деле Атлантида. У себя дома я, насколько это возможно, провел экспертизу камня, но он, несомненно, подлежит более глубокому обследованию. Хотя мне и так ясно, что это. Это невероятно!

6 августа. Непостижимо! Они приходили ко мне и искали фреску. Они все знали о ней и могли бы ее забрать, если бы захотели. Их было трое, и все — высокие, темноволосые и немногословные. Я говорил только с одним из них, и вот что он мне поведал. Могу свободно об этом рассказывать, ведь мне все равно никто не поверит, тут он прав. Годами им удается водить всех за нос, потому что за ними сила. Кроме того, в них попросту никто не верит. Они играют на людском незнании и нежелании знать. Он сказал мне, что я должен приостановить работу над фреской и не сообщать о своем открытии до конца следующего года. А потом, обещал он, мне дадут всю недостающую информацию и я смогу представить это как величайшее открытие. Даже открытие Атлантиды. Но не сейчас, а потом, позже. Он сказал, что фреска — это величайшая их реликвия. Она была утеряна давным-давно, и вот теперь я

нашел ее. Они не собираются отнимать ее у меня и помогут в моей научной работе. Фреска должна попасть в Национальный музей. А мое имя — в список лауреатов национальной премии. Но только в конце следующего года. Он говорил о том, что это очень важный шаг, что древние знания необходимо спасти, чтобы они служили человечеству сегодня и предотвратили возможную катастрофу.

Мне казалось, они могли бы убить меня и забрать фреску — да и дело с концом. Когда я сказал им об этом, их главный засмеялся. «Ничего нельзя трогать. Все на своих местах. Мы можем лишь просить вас. А если вы не согласитесь, мы не можем помешать вам.

Сейчас равновесие очень хрупко. Подходит главный день, и время сгущается» — вот что сказал он. А потом они ушли. У меня кружится голова и темнеет в глазах. Я почти не понимаю, о чем идет речь, но должен записать это, чтобы разобраться потом. Я думаю, что они... что это правда. Когда они уходили, я спросил, кто они. Он ответил: «Люди, как и вы. Но наши предки людьми не были. Если вы об этом». Я должен выпить кофе, много кофе, мне нельзя спать эту ночь, нужно во всем разобраться. Нельзя бросать работу над фреской сейчас, кем бы эти посетители ни были.

На этом запись на листке обрывалась. Возможно ли было такое? Еще одно доказательство существования Атлантиды, вдобавок еще и доказательство возможности путешествия во времени? И все это я получил тогда, когда все мои изыскания на эту тему уже завершены. Но это была другая история, мне не стоило забывать об этом. Главным для меня тогда было найти, из-за чего и почему погиб Шарль Марше. И понять роль фрески в этом деле. Я был уверен, что доктор Бернар в своем дневнике не врал. Я допускал, что такие встречи возможны. Если уж такие «люди», как потомки атлантов, сами явились к скромному археологу-лингвисту, то дело явно серьезное. Почему они пытались только убедить непокорного доктора Бернара вместо того, чтобы попросту убить его? Для них такое — невелика трудность. Кажется, передо мной разворачивалось гораздо более масштабное и опасное действие, чем я даже мог представить себе еще вчера.

В записке Жюли был упомянут связной — некий «врач клошаров из-под моста Сен-Пьер». И хотя у меня ничего особенного, что передать девушке, не было, я отправился туда на следующий же день. По правде сказать, мне совсем не хотелось впутывать в это дело никого из агентства. И не только потому, что мне никто не собирался платить никаких гонораров, а о книге я тогда еще и не думал. Просто я считал это своим личным делом, а не делом агентства. Как говорится, это была моя личная война. Война, масштабов которой я тогда еще не представлял.

Я не знал, следит за мной кто-то или нет, но, оставив машину возле офиса, под мост Сен-Пьер я отправился пешком. А на одной из станций метро выскочил из поезда в последнее мгновение, когда двери уже начали закрываться, с видом рассеянного человека, который вдруг вспомнил, куда именно он едет. Вслед за мной никто не вышел, и это меня немного успокоило.

Нобелевский номинант из-под моста Сен-Пьер

Дойдя до моста, я так и не придумал, с чего начать поиски врача. Вероятнее всего, нужно просто подойти к кому-то из бродяг и рассказать, кого я ищу. На полицейского я вроде не очень похож, хотя кто их знает — наверняка все они будут настороже с незнакомцем. Однако никого искать мне не пришлось. Зайдя с западной оконечности моста и спустившись по ступеням, я увидел картину, которая все расставила по местам. На деревянном ящике, поставленном на попа, сидел мужчина в огромном черном свитере и белых нарукавниках. Рядом с ним лежал

раскрытый старый саквояж, из которого торчали горлышки небольших стеклянных бутылок и края бумажных упаковок с бинтами и ватой. На вид мужчине было лет шестьдесят, его длинные седые волосы были забраны в пучок на затылке, а конец их заплетен в тонкую косичку. Мужчина промывал перекисью водорода небольшую рану на руке у одного из бродяг. Остальные клошары сгрудились вокруг и наблюдали за происходящим. На меня никто не обратил внимания. Несколько человек равнодушно глянули в мою сторону и продолжили смотреть, как работает врач. Закончив, мужчина забинтовал бродяге руку и снял нарукавники.

— Ну, все, Жак, — сказал он низким хриплым голосом. — Все будет в порядке, только постарайся пару дней не мочить руку. Послезавтра повязку можно будет снять.

Затем он обернулся ко мне. Я молча стоял поодаль.

— А вы, неизвестный мне месье, тоже ко мне с побоями и ожогами? Если да, то давайте побыстрее, я на сегодня уже заканчиваю.

— Нет, свои последние раны я уже зализал, — ответил я в тон ему. — Як вам по другому делу.

— У меня нет других дел, — сказал мужчина недружелюбно. — Впрочем, кто вы? Вы не похожи ни на полицейского, ни на санитарного инспектора. И вряд ли вас интересует моя врачебная лицензия.

— Я знакомый Жюли Марше, — сказал я без обиняков. — У меня есть письмо от нее, если вам понадобится доказательство.

Мужчина быстро поднялся с ящика и подошел ко мне почти вплотную.

— Давайте, — сказал он, протянув руку.

Я достал письмо. Врач клошаров прочел его, затем еще некоторое время внимательно изучал бумагу, разглядывая ее на свет, затем вернул обратно.

— Малышка Жюли, — пробормотал он. Затем предложил: — Давайте пройдемся. Эти ребята всем хороши, — он кивнул на бродяг, уже расходившихся в стороны, — но страсть до чего любят слушать то, что их не касается. Хотя и не болтливы.

Мы вышли из-под моста и в полном молчании добрались до сквера неподалеку. Там мужчина сел на скамейку, мне оставалось только пристроиться рядом.

— Меня зовут Сирил Гриффа. Я двоюродный сводный брат Шарля Марше. Какие у вас ко мне вопросы, месье...

— Кассе, — продолжил я за него. — Меня зовут Этьен Кассе, и я...

— Я знаю, — перебил он меня хмуро. — Мы здесь, под мостом, тоже читаем газеты, еще побольше вашего. Зовите меня просто Сирил — не выношу расшаркиваний. Вас интересует то, что я могу вам рассказать. Я прочел письмо, и я могу, верно. Но сначала вы расскажете мне, как познакомились с малышкой Жюли и где ваша «лапа» в той скверной истории, что приключилась с ней и с Шарлем.

Я понял, что не нужно хитрить и что-либо скрывать. Сирил вызывал у меня такое же чувство расположения, что и Марше. Поэтому я рассказал ему все начистоту с того момента, как поднял телефонную трубку и услышал в ней голос Жюли. Когда я прешел к рассказу о коллайдере, Сирил поморщился:

— А вот это можете пропустить. Валяйте дальше.

Я рассказал ему то, что поведала мне Николь, вплоть до рапорта офицера Бирта, и замолчал. Молчание длилось некоторое время, затем мой собеседник зажмурился, потер глаза ладонями и мрачно сказал:

— Да, мерзкая история получается. Я бы даже ввязался в нее ради Шарля и Жюли, будь Шарль жив, а девчушка не в дальних краях. Но думаю, если я сейчас выскочу, словно ярмарочный чертик из коробочки, со мной расправятся точно так же, пусть это и займет у них

побольше времени. Я тут лицо второстепенное, и убраться меня они не побоятся. Не то что вас.

— Меня? — спросил я удивленно. — Я тут, как вы выражаетесь, лицо вообще третьестепенное. Если не меньше. Я всего несколько часов говорил с Марше, да и знаком-то с ними чисто случайно...

— Бред! — закричал мой собеседник. — Случайностей, Кассе, тут быть не может! Тут все идет уже так, как идет! Один раз все уже было сделано, и в другой должно быть точно так же! — Тут он спохватился: — Ах да, вы же этого еще не знаете. Я все расскажу вам. А вы выслушаете меня, не перебивая, каким бы диким вам это ни казалось. Впрочем, вам так и не покажется. Судя по всему, вы этих ребят знаете не хуже моего.

Откинувшись на горбатую спинку скамейки, Сирил Гриффа, врач клошаров, рассказал мне следующее.

На самом деле он не был врачом. Врачом был его отец, и именно у него Сирил научился тому, что знает, еще в молодости. Сирил Гриффа был ученым, физиком-ядерщиком. В семидесятые и восьмидесятые годы он работал в ЦЕРНе над проектом самого первого, протонного коллайдера. Сирил и его напарник Жорж Саби были ведущими специалистами французской группы. Именно Сирил и Жорж разработали общую концепцию протонного коллайдера, можно сказать, что они были ее отцами. За это после запуска протонного коллайдера и получения первых данных Сирил был номинирован на Нобелевскую премию, но так и не получил ее.

Более того, Сирила и Жоржа отстранили от работы над коллайдером, да и от работы в ЦЕРНе вообще. Затем умерла падчерица Сирила — несчастный случай. После этого наш выдающийся физик окончательно рехнулся: отвернулся от старых друзей по науке, продал свой дом, автомобиль, оставил физику, купил гитару и ушел бродяжничать.

— Такова официальная точка зрения, — усмехнулся Сирил. — А теперь посмотрите на все с другой стороны. Когда мы построили и запустили первый коллайдер, у всех нас была мысль только о том, чтобы на самом деле изучать гравитацию и все такое. Ничего особенного, Кассе, мы не задумывали. Мы тихо-мирно работали. У нас под ногами путалась парочка наблюдателей от ООН, но они особо в дела не лезли. Никаких военных, никого из посторонних не было, никаких журналистов. Народу было плевать на наш протонный коллайдер и на нас вместе с ним. Никакой шумихи не было, хотя мы ничего особо и не скрывали, просто никто не спрашивал. Ученые работают, отрабатывают свои крошечные зарплаты, наука не стоит на месте, и слава богу.

Самые первые данные оказались в точности такими, что мы и ожидали получить. Силенок у того прибора было маловато, не то что у нынешнего. Мы с Жоржем первые проанализировали все цифры — считали днем и ночью, даже на калькуляторе — компьютеры тогда тоже были не те. И были представлены к Нобелевской премии. Казалось бы, сиди и радуйся. Но мы не ради премии работали, Кассе. В процессе расчетов я заметил еще одну, так называемую «паразитную» линию данных. Эта линия шла вроде бы ниоткуда. И явно была электромагнитной. С одной стороны, это было лишним доказательством связи гравитации и электромагнитных полей — в перспективе тянуло еще на одну Нобелевскую премию. Но меня поразил ее график. Если прочие данные шли на спад после ключевого момента — столкновения протонов в камере, то эта информация стабильно продолжала существовать еще какое-то время. А потом резко обрывалась.

Я решил установить дополнительную регистрирующую аппаратуру в камеру, чтобы выяснить, не проходит ли туда какая-нибудь внешняя помеха, или эта информация идет из самого коллайдера. Я не мог понять, с чем ее связать. Разумеется, я все рассказал Жоржу, в работе у нас не было секретов друг от друга. Думаю, он-то и разболтал все наблюдателям из

ООН. Те были, конечно, неплохими ребятами, но работа есть работа, и о всяком сбое в эксперименте они должны были докладывать куда следует. Это был еще не сбой, но они со всех ног поспешили выслужиться. И за нами стали приглядывать получше. Это ж какими идиотами нужно было быть, чтобы не заметить этого! Но мы были погружены только в наши исследования. Настоящие яйцеголовые зануды!

Сирил невесело засмеялся.

— После второго эксперимента я записал эти данные отдельно и принялся их изучать. И знаете что, Кассе? После обработки они больше всего напоминали азбуку Морзе. Я служил во флоте, еще в Италии, поэтому кое-что в этом смыслил. Шутки ради — или вполне всерьез, я уж сейчас и не помню — я решил расшифровать эти данные, словно это был не коллайдер, а простая рация. Получил набор цифр: шесть пар через пробел. Я вертел их и так и эдак, пока окончательно не решил, что это не больше чем вздор, что я ошибался насчет азбуки Морзе.

Как сейчас помню тот день. Я сидел у себя дома в кабинете и пялился в листок с цифрами. Похоже, я зашел в тупик. Пришла моя падчерица Лора и забралась на стул рядом. Она тоже посмотрела в листок. Ей тогда было восемь, и она всю увлекалась книжками типа «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров». Водя пальчиком по цифрам, она бормотала себе под нос: «Широта... долгота... градусов, минут и секунд...» Затем ей стало скучно, и она как ни в чем не бывало побежала играть дальше. И представьте себе, Кассе: это и в самом деле оказались широта и долгота! В градусах, минутах и секундах. Когда я проверил по карте, то нашел точку в Атлантическом океане. Казалось бы, это нелепость, если бы я не знал, что именно в этой точке, по мнению нескольких историков, и находилась легендарная Атлантида. Несколько экспедиций, даже Кусто совсем недавно искали ее именно там.

Я ходил по кабинету и все думал об этом. Тогда были очень модными разные фильмы и книги о путешествиях во времени и о параллельных мирах. В конце концов я подумал: если это и вправду послание, то что мешает мне передать ответ таким же образом? Это ведь был наш эксперимент, тогда там все еще не было так много посторонних. Я мог незаметно поставить нужную аппаратуру и включить сигнал на передачу. Правда, я не знал, на каком языке это сделать. И что, собственно, передать. Наконец я написал послание на английском, французском, немецком, латыни и русском и перекодировал в сигналы Морзе. Послание содержало вопрос: «Кто вы?» Раз за разом я отправлял его, даже во время самых незначительных, пробных или тестовых пусков коллайдера в десятую долю мощности. Но больше я не получил никакого ответа. Не получил я больше и никаких координат. «Лишняя» информация исчезла, как будто ее и не существовало. Я уже почти совсем решил, что ошибся и напридумывал себе бог знает что. Близилось время подавать документы на какой-то очередной грант, и мы с Жоржем не хотели его пропустить. В конце концов Жоржу я открылся, взяв с него обещание молчать. Да, думаю, это было лишним — он так хохотал над моим рассказом, что я опасался, что он вообразит меня сумасшедшим.

Тем временем нашу номинацию на Нобелевскую премию перенесли на несколько лет — кто-то нас обошел. Но мы работали над следующим коллайдером — суперсинхротроном — и особенно не огорчились. Прошло почти семь лет, и я совсем забыл о тех координатах, которые получил из первого коллайдера. Пришло время запуска синхротрона, и только тогда я вспомнил о них. Не стану описывать вам мои колебания и насмешки Жоржа, но перед запуском синхротрона я, как и в прошлый раз, установил в коллайдер аппаратуру, способную регистрировать электромагнитные колебания. Жорж перестал смеяться надо мной, когда я показал ему линию той самой «лишней» информации на графиках. И то, что мы получили снова: пары цифр, те же координаты в градусах, минутах и секундах — широта и долгота мифической Атлантиды.

Жорж сказал, что мы должны немедленно «сообщить куда следует». Я возразил ему в том смысле, что тогда мы сами отправимся отсюда «куда следует». То есть в ближайший сумасшедший дом. Или в лучшем случае в бессрочный отпуск. Тем временем я продолжал передавать свое послание при каждом запуске синхротрона. И однажды пришел ответ. В нем было: «Мы на...» — и дальше шли те же координаты. Эти два слова, которых не было раньше, были на латыни. И я совершил огромную глупость, Кассе. Ту, за которую не могу простить себя до сих пор. Я рассказал об ответе Жоржу. В конце концов, мы были напарники, Жорж был хорошим парнем. Но слишком законопослушным. Я вообще не понимаю, как он стал ученым, — ведь для того, чтобы быть исследователем, необходим бунтарский дух. А у него его не было. Он тут же сообщил «куда следует». Тогда пришли эти люди, не военные и не наблюдатели от ООН. Лучше бы уж это были военные вместе с психиатрами. Но эти люди... я не знаю, кем они были. Они взяли под контроль суперсинхротрон, а нас с Жоржем отстранили от работы под предлогом нанесения вреда эксперименту. В качестве доказательства они предъявили мою дополнительную аппаратуру, стоящую в синхротроне. Результаты запусков объявили сфальсифицированными и подлежащими повторной проверке под контролем этих людей. Они переоделись в белые халаты и стали работать вместо ученых. Я не знаю, кем они были на самом деле, но работали довольно грамотно.

Я был отстранен, но у меня остались данные. И было много времени. Я не стал спорить, потому что нутром чуял — все это неспроста. И я стал анализировать все результаты запусков, как говорится, по новой. Прошел год. Меня никто не трогал, а я все считал и считал. К тому моменту умер дед Лоры по материнской линии и оставил ей немалое наследство. О ее будущем я мог больше не беспокоиться, а мне было немного надо: место, где работать, и что есть. И то и другое у меня было. Лора желела меня и старалась помогать. Она училась уже в выпускном классе, а поскольку она с детства вертелась возле меня в кабинете, то в физике смыслила не намного меньше моего. Именно она и обнаружила ту взаимосвязь. У меня-то к тому моменту были уже чересчур старые для науки мозги. И я все еще переживал свое отстранение от работы. А она ни о чем не переживала. И казалось, просто играла со всеми этими уравнениями и формулами.

То, что она обнаружила, Кассе, заставило меня буквально онеметь. Я пересчитывал это не один десяток раз и не находил ошибок в ее решении. Время, метры Кассе, пространство и сверхскорости. То, что открыл еще Эйнштейн: на огромных скоростях пространственно-временной континуум искажается. И возможен ход его в обратную сторону. Так вот, помимо этого, на огромных скоростях возможно копирование времени и пространства. Смещение на миллионную долю секунды. Раз! И у нас есть параллельное пространство, отстающее от этого на ту самую миллионную долю. Но уже другой, не наш мир. Как бы это объяснить вам, Кассе... Для копирования нужна очень большая мощность, нашего синхротрона было явно недостаточно. Это чаще всего случается на космическом уровне. Но в местах, подобных нашему синхротрону, эта перегородка на миллионную долю секунды становится тоньше. И два мира приближаются друг к другу в этом месте. Потому что синхротрон, как и коллайдер, может искажать пространство-время — очень локально и очень ненадолго, но может. В таких местах время будто бы сгущается и обычный его ход изменяется. Пока неизвестны уравнения траектории такого времени. Это то, к чему я, в конце концов, пришел с помощью Лоры. Еще я просчитал, что при известном искусстве и больших мощностях через эту «дверь» можно не только получить информацию, но и «протащить» материальный объект небольшого размера. Подобные зоны существуют и на земле — но на очень слабом уровне, — так называемые аномальные зоны, где зачастую время выделяет с людьми странные фокусы. Во Вселенной это черные дыры. Я много читал о них и думаю, что они представляют собой прямые ходы в параллельные пространства. Возможно,

самые большие из них способны даже создавать эти параллельные пространства — множить, как на ксероксе. Но для этого нужны сильные внешние воздействия — рождения сверхновых, например. Или смерть галактики. Да, я понимаю, что это лежит далеко от физики частиц, но я потихоньку навел справки у тех коллег, кому было наплевать на мое сомнительное положение...

Я не собирался обнародовать эти открытия, но отправился на доклад к главе нашего отдела в ЦЕРНе. Записался к нему за два месяца, и он, вероятно, думал, что я начну просить восстановить меня в рабочей группе. Однако не успел я рассказать ему о своих открытиях, как он тут же заволновался. Затем вышел, будто бы по неотложному делу. Затем пришли эти люди и увели меня.

Они сказали, что я должен бросить свои бредовые исследования и не позорить ЦЕРН. Тем временем у меня дома провели обыск и изъяли все мои бумаги, расчеты и компьютер. Нет, Кассе, они не пытались купить меня тогда. Видимо, дела не обстояли для них настолько серьезно, как сейчас, и они могли себе позволить идти напролом. Они подстроили несчастный случай с Лорой и затем снова явились ко мне. «Мы настроены очень серьезно. К тому же теперь вам больше некому помогать. Но лично вы еще можете понадобиться нам, хотя мы можем передумать, если вы не прекратите», — сказал один из них. Я плюнул ему в лицо, он повернулся и вышел. Тут я понял, что должен бежать. И сбежал сюда.

Я не совсем один из клошаров, я не живу здесь, под мостом. Я живу в дешевом мотеле неподалеку, бесплатно, за это чиню им всякую электрику, стиральные машины и прочую ерунду. Я также иногда играю на гитаре — в ресторане, когда у них там живая музыка, и на улицах, когда мне этого хочется. За эти годы я так изменился, что никто из старых знакомых меня не узнает.

Я лечу этих людей, потому что они мне друзья. С того самого дня, как я пришел сюда в поисках убежища, они сделали мне больше хорошего, чем все мои так называемые друзья в той жизни, от которой я сбежал. Я давно бы мог вернуть если не все из того, что у меня было, то хотя бы дом и деньги. Кассе, они ведь меня уже списали со счетов как полоумного спившегося бродягу. Хотя я не пью, — подмигнул мне Гриффа. — Но пусть лучше думают так. Мне хорошо и здесь, лучше, чем раньше.

— А что случилось с Жоржем? — спросил я. Лицо Сирила потемнело.

— Жоржа упекла в сумасшедший дом его собственная женушка, которой они наговорили о нем черт знает что. Она сделала это не со зла, теперь почти каждый день к нему приходит. Но я уже и не знаю, радуется он этим визитам или нет. Я в последний раз навещал его года три назад, ведь делать это надо было тайком. Жоржа они считают гораздо опаснее. Хотя я много знаю, я молчал все это время. Кое-что я вообще рассказал сегодня в первый раз. А вот Жорж... Он, бедолага, хотел совершить революцию в научном мире. Да и вообще, горел физикой гораздо сильнее, чем я. Меня-то вообще больше история привлекала. И даже в том, что я начал возиться с коллайдером, скорее повинна история, чем физика. Хотел узнать, что там было до начала мира... вот и узнал. А Жорж болтал, болтал и никуда не убегал. Думаю, он в конце концов и вправду рехнулся в этом сумасшедшем доме. Если захотите, Кассе, можете съездить к нему. Скажете, что вы от меня. Только тихо, чтобы врачи не слышали. Я не верю, что там нет никого от «них», поэтому так, на всякий случай. У Жоржа есть племянничек вашего возраста. Фамилия его, кажется... Валери. Да, точно. Он так редко приходит к дяде, что доктора вряд ли его помнят. Так вот вы им и назовитесь. Главное, чтобы в этот момент там не было его благоверной. Но Жорж особенно не занимался этими расчетами и даже был не до конца в курсе событий, хотя я и рассказал ему о своих выводах перед тем, как идти к «большому боссу», который всех нас продал — уж не знаю, за страх или за деньги. Так что вряд ли он вам расскажет что-то новое. Но все же съездите. Купите ему пару фотопленок для «Полароида» от меня. Бедняга будет рад.

На том мы и расстались. Вернувшись в агентство, я получил отчет от Жерара, который следил за убийцей Шарля Марше. Лейтенант Мишель Бирт, родом из Ливии, служил в полиции Парижа четырнадцать лет. За эти годы он зарекомендовал себя как законопослушный и грамотный исполнитель. И только тот факт, что в нем совершенно не было административной жилки, не позволил ему сделать карьеру. Все дни, что Жерар наблюдал за ним, офицер Бирт выходил из дома только к вечеру, шел в супермаркет и покупал там бутылку виски и гамбургеры. Вечером он выпивал эту бутылку и съедал все гамбургеры.

Затем до полуночи слонялся из угла в угол по своей маленькой квартирке и ложился спать. На четвертый день офицер вышел из дома утром, пошел в банк и снял все сбережения со своего счета. Затем сделал на почте денежный перевод, к полудню вернулся к себе домой и не выходил оттуда до вечера, когда Жерар решил сняться со своего поста и прекратить слежку. Наутро в «СофиТ» позвонил осведомитель Жерара из полиции и сообщил, что накануне вечером офицер Бирт вскрыл себе вены в ванной и скончался. Так оборвалась еще одна ниточка, за которую я так и не успел потянуть.

Визит вежливости

За то время, что я, как выражаются мои недруги, «сую нос в чужие дела», меня не раз похищали, не раз в моей машине и кабинете в агентстве «СофиТ» появлялись незваные гости, я подвергался множеству опасностей. Тем не менее никогда незваные гости не решались навестить меня дома. В тот день, снова и снова обдумывая свой разговор с Сирилом, я начисто забыл о подобной возможности, и меня попросту застигли врасплох. Мне все время кажется, что больше такого не произойдет, что я стану осмотрительнее, внимательнее и осторожнее.

Впрочем, я уверен, что, поджидая их, сидя возле забаррикадированной комодом двери, с дробовиком в руках, тот человек пришел бы и ушел так же свободно, как если бы это был его собственный дом. Было бесполезно сопротивляться и пытаться избежать встречи. Ведь встретиться нужно было не мне — это нужно было им. И значит, это все равно произошло бы тогда и при таких обстоятельствах, как они хотели.

Когда я вернулся домой, все выглядело как обычно. Входная дверь была заперта. Я открыл ее и вошел в прихожую. Из-под двери моего домашнего кабинета сочился свет — там горела лампа. Я был уверен, что выключил ее, когда уходил утром. С неприятным чувством я открыл дверь.

В кресле для посетителей, развернутом боком в сторону двери, сидел высокий смуглый мужчина. Он был одет в черную футболку, обтягивавшую накачанную спину, и больше всего напоминал спортивного тренера. По его расслабленной позе было видно, что мужчина скучал. Он повернул голову в мою сторону. Я закрыл за собой дверь, прошел к столу и сел на свое место. Только тогда посетитель поздоровался.

— А где ваши охранники, — спросил я неприветливо. — Неужели вы заявились в одиночку?

— Что вы, Кассе, — рассмеялся мужчина. Скуку его как рукой сняло. — Какие охранники, вы же цивилизованный человек, не станете кидаться на меня с ножом или пистолетом. Мы же вас не первый год знаем. Да если вам это вдруг и взбредет в голову, я уложу вас одной левой. Но, признаться, мне бы этого не хотелось. Вы мне даже симпатичны.

— Что вам нужно? — прервал я его излияния. Я злился, и в первую очередь на себя. Мне с легкостью показали, что мой дом не был моей крепостью. Я оглядел стол: все оставалось нетронутым. Похоже, посетитель не снизошел до того, чтобы рыться в моих бумагах. Тем временем он наблюдал за мной.

— Что и всегда — поговорить.

— Говорите, — ответил я угрюмо.

— Ладно, — легко согласился незванный гость. — Кассе, не стану скрывать, иногда вам удастся переиграть нас. Но вы же сами понимаете, что это ненадолго. И что это принесет вам самому гораздо больше вреда, чем нам. Причем не от нас самих, а от людей, что вас окружают. Вы боретесь с их глупостью и ограниченностью, но они вас и погубят.

Гость помолчал и продолжил:

— Вы нас не проймете, Кассе. Мы попросту никогда не дадим вам возможности получить в руки столько карт, чтобы от версий и предположений перейти к связному изложению событий и фактов. Вы слишком много предположений строите, Кассе. И мало наблюдаете. Иногда мне даже начинает казаться, что вы гораздо глупее, чем мы о вас думаем. И вы тут же переигрываете нас. Именно это не дает нам о вас забыть. Все же вы не чета им. И не чета доктору Бернару. И этому адвокату с маникюром, Лажель. Умная и отважная женщина, да и делец что надо: ради своих подопечных пошла на сделку. И Бернар бы пошел. А вы не идете. И Жюли Марше не пошла. Я не стану пытаться выяснить у вас, где она находится. Она не так глупа, чтобы написать вам об этом. А вы не так умны, чтобы догадаться. Но все же я спрошу вас: что мы можем вам дать, Кассе, что вам нужно? Разумеется, в обмен на услугу с вашей стороны.

— Какую услугу? — спросил я, уже догадываясь, что он попросит.

— Забудьте о коллайдере, Кассе. Не будьте подобны бездельникам, которые днем и ночью обсуждают страшные слухи и сплетни. Мы не враги самим себе, это же очевидно. Все продумано до мелочей, и не суйтесь сюда. — Он наклонился ко мне, и выражение его лица стало жестким. Больше он не напоминал благодушного тренера и не растягивал слова с ленцой. Он выглядел как наемный убийца, который пока почему-то не убивает, а лишь разговаривает — немного непривычное для него занятие. — Оставьте коллайдер в покое, Кассе.

— А что я за это получу взамен? — спокойно спросил я.

— Я не лъщу себя надеждой, что вы согласились. Скорее, это прощупывание почвы — так, на всякий случай. Верно?

Я молчал. Гость продолжил:

— Мы сделаем так, что Жюли Марше сможет вернуться во Францию и продолжить искусствоведческие дела своего отца. Мы в состоянии повернуть это дело с открытием фрески, и она станет самой молодой из всех, кто когда-либо получал национальную историческую премию. В конце концов, мы можем дать лично вам уникальные документы о том, что вас так интересует, — об Атлантиде, других мирах и прочем. Не все, разумеется. И не сейчас, а спустя год. Но на книгу-другую наберется. Что вас интересует? Спрашивайте.

— Меня интересует, — спросил я, глядя собеседнику в глаза, — почему вы меня не убьете сейчас? Тогда я не буду путаться у вас под ногами. И даже обещать мне ничего взамен не понадобится, а потом исполнять свои обещания.

— Мы — честная контора. — Мужчина ухмыльнулся. — Мы исполняем свои обещания. И работаем чисто. — В его словах сквозило неприкрытое превосходство. — И вам это известно.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Я не обещал, что отвечу на ваш вопрос сегодня, Кассе. Но поверьте мне, сейчас такое время, когда нельзя совершать резких движений, иначе последствия могут быть гораздо более серьезны, чем даже вы можете себе напридумывать.

— Последствия? Что это будет — конец света? Черная дыра? И при чем тут моя смерть?

— А вы фантазер! — Мой посетитель от души расхохотался, чем привел меня в бешенство. И немедленно стал серьезным. — Для вас ничего не изменится. «Для вас» — я имею в виду, для обычных людей. Да и лично для вас, Кассе, тоже. Если все пойдет по нашему плану, вы все

только получите шанс жить лучше, чем жили до этого. Как же вы этого, Кассе, не понимаете?

— Я понимаю, — сказал я. — И вы на мой счет все понимаете.

— Вы не бросите совать нос в наши дела, грустно подытожил мой гость. — Впрочем, я особо на это и не рассчитывал. Это был скорее визит вежливости, Кассе.

Он встал и медленно пошел к двери. Я остался сидеть за столом с видом хозяина. Но на душе было паршиво, словно я был не у себя дома. У двери гость обернулся:

— Помните, Кассе, мы и вправду вежливые. Но до поры до времени. И можем стать очень невежливыми.

— Невежливыми, — отозвался я из своего кресла. — Да, можете, разумеется. Как с Шарлем Марше?

— Мы не убивали Шарля Марше. И не приказывали делать это. Как это ни прискорбно, этот идиот полицейский и вправду промахнулся. Я не лгу вам, Кассе. Я лично предупредил его о том, что Шарль Марше нужен нам целым и невредимым. Впрочем, я расплатился с ним за его ошибку.

Он постоял еще немного и помолчал.

— Как видите, что касается случайностей, мы бессильны. А вы бессильны нам помешать. Тут мы похожи, Кассе. Жаль, что вы не идете нам навстречу.

Мой гость тихо открыл дверь, вышел и так же тихо закрыл ее за собой. Замок входной двери не щелкнул. Но когда спустя несколько минут я вышел из кабинета, в прихожей было пусто. В воздухе не осталось ни запаха дорого одеколона, ни запаха табака, которые источал мой гость. Ковер на полу не был примят под его ногами. Не осталось ни одного подтверждения того, что совсем недавно в этом кресле сидел смуглый мужчина в дорогой черной футболке «Армани» и предлагал мне сделку, на которую я не пошел.

Предварительные итоги

Мой посетитель явно меня переоценивал. Я мало что понимал во всей этой истории с коллайдерами и далеко не все понял даже из нашего разговора. Одна только догадка для меня подтвердилась — в деле с ЦЕРНом явно замешаны «эти люди». А кроме небезызвестных мне потомков атлантов, больше подозревать было некого. Визит незнакомца скорее подтвердил, чем опроверг эту мою догадку. Поэтому я взял чистый листок бумаги, чтобы выписать на нем все факты, которые были мне известны, а потом вволю предаться дедукции. Итак...

1. Когда в научных целях были построены самые первые коллайдеры, случайно выяснили, что они способны дать возможность общаться с параллельным миром или, возможно, даже с прошлым. Об этом каким-то образом тут же узнали потомки атлантов — что, зная их, вполне логично. Они взяли исследования под свой контроль. Был построен более мощный, Большой адронный коллайдер, и сейчас его должны тестировать. Зачем нужен коллайдер атлантам? Какова их роль в работе ЦЕРНа сегодня?

2. Атланты предали постройку коллайдера широкой огласке. В том, что это их рук дело, у меня почти нет сомнений. В любом случае, если бы им было это не нужно, скорее всего, такой «рекламы» у эксперимента бы не было. Но зачем? Скорее всего, для того, чтобы отвлечь всех от настоящей сути эксперимента, представив все как «опыт, необходимый всему человечеству». Возможно, произошла какая-то утечка информации, которую они не смогли вовремя ликвидировать, после чего оставался только один выход — сделать слухи как можно более нелепыми, чтобы в них поверили только обыватели. А серьезные люди — ученые, бизнесмены — нет.

3. Зачем коллайдер атлантам? Для сообщения с параллельным миром? Для путешествий во времени? Чем этот огромный коллайдер отличается от маломощных предыдущих? Что он сможет сделать такого, что не смогли те, предыдущие? Открыть туннель во времени?

4. Шарль и Жюли Марше находят старинную фреску, где содержится пророчество о змее с черной головой, которая должна стать концом света. По мнению доктора Бернара, эта фреска подлинная и она из Атлантиды. Слишком много ниточек сходятся в одном и том же месте, чтобы это было совпадением. Как могла эта фреска попасть в пещеры Люсак-де-Шато из прошлого?

5. Допустим, что Шарль Марше и доктор Бернар действительно погибли случайно. Жюли Марше исчезла, потому что боялась за свою жизнь, что я бы на ее месте тоже сделал. Офицер Бирт не покончил с собой. Его самоубийство, возможно, было подстроено, чтобы он ничего никому не рассказал, или его вынудили так поступить, чтобы и вправду наказать за ошибку. Этот момент в расследовании уже не имеет значения.

6. Меня не убили, не похитили и не заставили замолчать еще каким-либо способом. По крайней мере, пока. Если я не представляю для них опасности, зачем тогда ко мне приходили гости? Хотели выяснить, что мне известно? Нет, меня ведь ни о чем не спрашивали. Или меня действительно считают важным звеном в этой истории, поэтому и не могут «убрать»? Так или иначе, этим преимуществом нужно воспользоваться, пока оно есть.

На официальном веб-сайте ЦЕРНа сообщили, что 11 и 24 августа коллайдер «успешно прошел соответственно первый и второй этапы предварительных испытаний», а 10 сентября, буквально накануне, состоялся официальный запуск Большого адронного коллайдера. Впрочем, это не означало, что огромный прибор заработал в полную силу. По официальной версии, еще никакие частицы не сталкивались, проверяли только исправность оборудования. Я был практически уверен, что многие ученые и наблюдатели от ООН были в курсе «их» махинаций.

Следующее тестирование было назначено на 19 сентября, и мне также следовало поторапливаться в своей работе. Я должен был успеть «переиграть» их. В конце концов, мой посетитель сам сознался, что мне это иногда удастся. Зная их возможности, нельзя не признать, что я уже делаю очень немалые успехи.

Глава 3

ЧЕРНАЯ ДЫРА

Чтобы понять, от чего именно отводят глаза люди, взявшие под контроль коллайдер, мне пришлось с головой окунуться в слухи, которые распространялись по Интернету и в прессе. Основных страхов было три. Во-первых, боялись того, что в коллайдере образуется черная дыра, которая поглотит нашу планету. Во-вторых, боялись повторения Большого взрыва — такого же, после которого появилась наша Вселенная. В-третьих, боялись, что коллайдер создаст так называемую «кротовую нору» — дверь в другое время, которая опять же поглотит Землю. Были еще протесты религиозного толка и прочие — вплоть до апокалиптических настроений и разговоров о третьей мировой войне.

Было немало и курьезов. Однажды футбольные болельщики Турции и Германии, наблюдавшие за полуфиналом Евро-2008, в котором встречались команды этих стран, негодовали особенно громко и эмоционально — во втором тайме телевизионная картинка из швейцарского Базеля пропадала довольно часто. И во всем был обвинен, разумеется, коллайдер, несмотря на то что причиной была сильная гроза, повредившая ретрансляторы. Весь мир смеялся над тем, как болельщики проклинали коллайдер.

Значило ли это, что ни одна из растиражированных версий не являлась правдой? Или же, наоборот, «хозяева» коллайдера выставили правдивую версию среди прочих бредовых страхов, чтобы никто не воспринял ее всерьез. Под «никем» я понимаю здесь не ту самую «общественность», на которую при таком раскладе просто наплевать. А других, «серьезных» людей, тех, с которыми можно в случае успеха «делать дело». Ведь именно на них делается ставка. Скорее всего, конечно, ни то ни другое.

Я решил проверить каждую из этих панических версий. И найти правду методом исключения — круг вариантов казался мне тогда не таким уж широким.

Черная дыра и адронный коллайдер

Сначала я принялся за черную дыру, причем довольно дерзко. Впрочем, этого добра мне не занимать, особенно когда дело касается моих расследований. Так вот, я задал вопрос о черных дырах не какому-нибудь университетскому профессору физики, а самому Стивену Хокинсу, автору чуть ли не всех ныне существующих концепций черных дыр. Разумеется, я знал, что мистер Хокинс не может не работать с ЦЕРНом, да и мой интерес к этому вопросу все равно уже выплыл, так что я не стал играть и пошел напролом. Ведь если знаменитый физик и работал в ЦЕРНе, то вряд ли был одним из «них» или был посвящен в правила «их» игры. На всякий случай я играл «под дурачка». Уж сколько раз приходилось так поступать, не впервой.

В недлинном, но полном самых что ни на есть дилетантских фраз касательно физики и космоса электронном письме я объяснил мистеру Хокинсу, что «нарастающая в Интернете обеспокоенность грядущим запуском Большого адронного коллайдера не могла обойти меня стороной». И вот, дабы опровергнуть все бредовые заявления о грядущем конце света и о том, что Земля вскоре провалится в огромную черную дыру, я просил ученого объяснить мне, в чем суть черных дыр, а также причем тут коллайдер. Письмо я подписал собственным именем. После небольшой паузы (видимо, мистер Хокинс наводил обо мне справки) в письме, написанном на вполне неплохом французском, ученый ответил следующее:

Дорогой месье Кассе, мне чрезвычайно приятен ваш интерес к данному вопросу. Более того, он весьма полезен и для нас также. Действительно в настоящее время вокруг Большого адронного коллайдера ходит множество сплетен, которые ни на йоту не соответствуют действительности. Они только сеют паническое настроение и препятствуют тому, чтобы научные достижения входили в жизнь каждого современного человека.

Что касается черных дыр, то они представляют собой объекты с очень сильной гравитацией — настолько сильной, что даже свет не может их покинуть. Потому, собственно, они и называются черными. А вот дырами они называются образно — потому что все, в них попавшее, словно бы там и «пропадает».

Почему свет не может покинуть черную дыру? Наверняка, месье Кассе, вы слышали о так называемой второй космической скорости. Скорее всего, вы узнали о ней из какого-нибудь фантастического романа или фильма. Так вот, это довольно просто и правильно объясняется даже в фильмах. Вторая космическая — это скорость, которую должен развить один объект, чтобы преодолеть притяжение другого. На Земле это примерно 11,2 километра в секунду. Соответственно, чем дальше удаляется объект от Земли, тем его скорость становится меньше. Для преодоления черной дыры вторая космическая скорость должна быть больше скорости света. В этом-то для света и состоит вся проблема. Вторая космическая скорость зависит от массы и размеров объекта. Чем больше масса и меньше размер объекта, тем больше требуемая вторая космическая.

Черной дырой может стать только звезда, не планета. Причем масса этой звезды должна быть минимум в три раза больше, чем масса нашего Солнца. Кстати, именно этим объясняется тот факт, что вопреки разным паническим антинаучным гипотезам Солнце никогда не сможет стать черной дырой... Но я, пожалуй, начал отвлекаться от темы.

Доказано, что черные дыры распадаются со временем, причем даже крупнейшие из них. Время, которое необходимо для исчезновения черной дыры планетарных размеров, — миллиард лет. А мелкие дыры, которые теоретически способны появиться в коллайдере, исчезают максимум за десять — двадцать секунд. А значит, у них просто нет и не будет времени на то, чтобы втянуть в себя хоть сколько-нибудь существенный объем материи. Эти маленькие черные дыры, исчезая, будут оставлять после себя своего рода излучение, которое можно будет зафиксировать при помощи сверхчувствительной аппаратуры Большого адронного коллайдера.

Зачем нам это нужно? Моими коллегами из Университета штата Калифорния в Санта-Барбаре и Стэнфордского университета было убедительно доказано, что в реальности появление черных дыр во Вселенной связано с возникновением новых измерений в пространстве-времени. Насколько я знаю, уважаемый месье Кассе, о подобных вещах Вы писали в одной из своих недавних книг. Как представитель официальной науки, я согласен не со всем, сказанным Вами, но Ваш труд по раскрытию истины, несомненно, заслуживает уважения и продолжения. Итак, найдя способ искусственно получать черные дыры, ученые также получают возможность изучать эти дополнительные, новые для нас измерения в пространстве-времени. Именно от этих характеристик и зависят характеристики самих черных дыр. Помимо этого, с их помощью можно будет понять, как соотносятся между собой квантовая механика и гравитация, ведь исчезновение черных дыр лежит как раз на стыке этих двух процессов. А также мы получим возможность понять процессы, происходившие в момент рождения нашей Вселенной!

Я знаю, что подобные вещи звучат более чем фантастично, однако я вижу в этом лишь издержки недостатка знаний и информации. Да, для того чтобы познать новое, которое зачастую кажется совершенно невероятным, необходима широта и гибкость мышления. Да и

не мне Вам об этом говорить! Я от души надеюсь, что Вам удастся уменьшить количество слухов, используя весь ваш авторитет и все ваше влияние, ведь в реальности коллайдер, как, и его предшественники, не представляет никакой опасности, разве что кому-нибудь из физиков на радостях от очередного важного открытия может стать плохо с сердцем. Буду премного благодарен Вам. Пожалуйста, обращайтесь с любыми вопросами.

С наилучшими пожеланиями, С. Х.

Итак, письмо действительно представляло собой вполне материальный ответ «официальной науки» на вопрос об опасности черных дыр, которые могут появиться в БАКе. Впрочем, ничего другого я сейчас получить и не мог.

В прессе тем временем шумел очередной скандал: парочка физиков-любителей — американец Уолтер Вагнер и испанец Луис Санчо — подали в суд на ЦЕРН, требуя запретить запуск коллайдера. Вагнер и Санчо превзошли прочих паникеров в том, что помимо черной дыры упоминали о «странной частице», которая, появившись из коллайдера, превратит планету в комок «странной материи». Суд обязал ученых из ЦЕРНа изучить подобную перспективу. На днях был опубликован отчет по безопасности, в котором говорилось, что подобная перспектива «имеет нулевую вероятность». Помимо этого, в отчете говорилось следующее:

Земля, Луна и другие планеты постоянно бомбардируются потоками космических частиц с огромной энергией. Возможность образования микроскопических черных дыр в Большом адронном коллайдере отлична от нуля, хотя и очень незначительна. Однако необходимо принять во внимание, что в трехмерном пространстве Земли подобные объекты могут возникать только при энергиях порядка шестнадцати раз больших, чем энергия пучков протонов в БАК. Вследствие излучения Хокинса данные частицы будут мгновенно испаряться, преобразуясь в обычные частицы материи.

Помимо этого, в том случае, если бы гипотеза образования стабильных микроскопических черных дыр в условиях столкновения частиц была верна, то они бы образовывались в огромных количествах в результате бомбардировки Земли элементарными частицами, прилетающими из космоса. Поскольку эти частицы обладают электрическим зарядом, то они, будучи притянуты магнитным полем Земли, давно разрушили бы планету. Следовательно, образование черных дыр при столкновении частиц невозможно.

Самая опасная сторона изучения столкновения элементарных частиц — это радиационный фон. Следует отметить, что радиационный фон столкновения частиц, которые будут изучаться в БАКе, не будет превышать естественного радиационного фона Земли. Последний образуется в результате столкновения космических лучей с атмосферой планеты и является безвредным для живых организмов.

Страсбургский суд отклонил иск горе-физиков и тем самым официально разрешил испытание ВАКа.

Тем временем, пока мистер Хокинс наводил обо мне справки, я ждал его ответа, а Страсбургский суд выносил приговор по делу «странных частиц», я решил провести заточенного в сумасшедшем доме напарника Сирила Гриффа. Будним днем с утра, когда заботливая супруга несчастного физика, скорее всего, была на работе, я отправился в пригород Парижа, в «пансион для лиц с нестабильной психикой», намереваясь выдать себя за племянника пациента Саби.

В обе стороны

Как водится, «пансионом» назывался самый обычный сумасшедший дом. Выглядел он,

впрочем, довольно приветливо. На подъездной дорожке, где я припарковался, стояло несколько разноцветных малолитражек. Я заготовил длинную историю о дяде, которого давно не видел, но медсестра на входе спросила только мою фамилию. Я назвал Валери. Сверившись со списком, она кивнула и сказала:

— Он сейчас во дворе на прогулке. Я вас провожу.

И это было отлично, поскольку, как выглядит Жорж Саби, я не знал. Жорж оказался настоящим стариком, гораздо старше Сирила. Он сторбившись сидел в плетеном кресле. В руках у него был фотоаппарат «Полароид» — тот самый, для моментальных снимков. Медсестра ушла. Я сел рядом с Жоржем. Он даже не взглянул в мою сторону.

— Месье Саби, — сказал я тихо. — Як вам от Сирила Гриффа.

— Я не знаю никакого Гриффа, — так же тихо ответил старик. Тогда я вынул из кармана две кассеты фотопленки и протянул ему.

— Он просил передать вот это.

Старик повернулся ко мне и цепко схватил кассеты. Его костлявая рука на миг высунулась из рукава халата и тут же исчезла.

— Говорите, — приказал он. — Что вам нужно?

— Расскажите мне о коллайдерах. И о той истории.

— Ту историю вы знаете, — неохотно ответил старик. — Если вы пришли ко мне, значит, Сирил вам уже все рассказал. А физикой я не занимаюсь с тех пор, как пришел сюда.

— Как вы думаете, чего они хотят? — осторожно спросил я.

— Чего и все. — Жорж ослабил. — Власти, денег. Только славы не хотят. Им это не нужно. И все уже идет так, как им надо... Что же еще... — забормотал он.

— А коллайдер, — направлял я своего собеседника. — Как они собираются его использовать?

— Откуда я знаю? — вспыхнул старик и тут же притих. — Я не занимаюсь физикой. Я занимаюсь фотографией. — Он любовно погладил пальцами старенький фотоаппарат. — Мне нет дела до того, что еще там происходит.

Молчание затягивалось, а все мои попытки разговорить Жоржа Сабид заканчивались ничем. Когда я выбрался из низкого кресла, чтобы распрощаться и уйти, Саби неожиданно схватил меня за руку.

— Пойдите, — сказал он. — Есть вещи, о которых нельзя говорить. Это... прекрасно... — забормотал он и стал рыться в карманах своего халата. — Вот, возьмите, я подарю вам на память фотографию.

Я взял небольшой, довольно уже потрепанный квадратик, но не успел взглянуть на него, как старик закричал:

— Уходите! Никаких больше вопросов! Никаких больше слов!

Я поспешил убраться, пока моей личностью не заинтересовался кто-то более любопытный, чем медсестра у входа. О фотографии я вспомнил, когда уже подъезжал к агентству. Я вынул ее из кармана и посмотрел на нее. На фотографии был изображен стоящий на туалетном столике старый будильник, прислоненный боком к зеркалу. В зеркале отчетливо виднелось отражение циферблата часов. Я перевернул карточку. На обратной стороне карандашом было нацарапано: «Если надо, время идет в ОБЕ стороны». Было ли это ответом Сабид на мой вопрос о коллайдере? В любом случае за разъяснениями я уже обратиться не мог. И нужно было пошев *елшаться*: до 19 сентября оставалось всего несколько дней.

— Как я вижу, Этьен, — говорил мне по телефону Гена Таманцев, — ты все с коллайдером носишься. Так вот, убойная новость для тебя: под Москвой тоже есть недостроенный коллайдер! Этакая огромная нора! Говорят, там живут полуметровые крысы!

— Вот и выяснишь, — парировал я его подколы, — раз у тебя такая ценная информация. Вот тебе контакты в Москве, я писал им, так что твой визит неожиданностью не станет. Встретишься, напоишь их кофе, поговоришь. Список вопросов я тебе выслал по электронной почте. Отчет нужен в тот же день, это срочно.

Гена согласился помочь и отправился на встречу с ассистентом русского физика Игоря Воловича, автора теории «кротовых норок». Согласно этой теории, адронный коллайдер способен породить отверстия в пространстве-времени, сквозь которые можно будет проникать в прошлое и будущее, — этакий аналог машины времени, правда, не очень-то предсказуемый.

Тем временем я занялся версией о Большом взрыве. Некоторые юмористы говорят, что наша Вселенная образовалась в результате Большого взрыва тринадцать с лишним миллиардов лет назад, когда в предыдущей Вселенной кто-то нажал пусковую кнопку на своем Большом адронном коллайдере. Так это или не так, как вы понимаете, никто не знает. Однако, согласно общепринятой, академической, точке зрения, которую преподают детишкам в школе, наша Вселенная на самом деле возникла в результате Большого взрыва материи. До взрыва все было сжато в песчинку, а все частицы, из которых состоит наш мир, попросту не существовали. От Большого взрыва и до сегодняшнего дня прошло примерно четырнадцать миллиардов лет. Теперь Вселенная уже не песчинка, она настолько огромна, что даже свет проходит ее из конца в конец за миллионы лет.

Исчезнет же Вселенная примерно через двадцать миллиардов лет. Этот вывод сделан в результате новейших космических исследований. Поскольку наша Вселенная не просто расширяется, а расширяется с каждым днем все быстрее, то рано или поздно исчезнут силы, связывающие атомы в веществе между собой. Сила отталкивания будет становиться все больше и больше силы притяжения. В результате разорвутся на части галактики, звезды, солнца, планеты, а напоследок и материя вообще. Наступит конец времени. Такова версия ученых.

После начала нападок общественности на ЦЕРН из-за Большого адронного коллайдера ООН весной 2008 года поручила Центру провести и опубликовать отчет, в котором говорилось бы о возможности воспроизвести в реальных масштабах Большой взрыв. То есть, проще говоря, сможет ли адронный коллайдер и в самом деле спровоцировать Большой взрыв, который уничтожит всю Вселенную?

Разумеется, Центр отрапортовал «Есть!» и отчет написал. Разумеется, в отчете было сказано: «Нет, взрыва быть не может». Более того, в этом отчете, который лежит в открытом доступе на веб-сайте ЦЕРНа в Интернете, говорится, что никакой Большой взрыв никто не собирает даже моделировать, не то что воссоздавать:

Адронный коллайдер служит целям изучения строения мельчайших частиц вещества. И уже эти данные можно будет использовать в исследованиях Большого взрыва. Моделирование самого взрыва в ВАКе не предполагается.

Предполагается или не предполагается, не столь уж важно. Важно то, будет ли он (этот самый взрыв) в результате или нет. При том что подход даже самых маститых ученых является весьма спорным и приблизительным — даже тот, «общепринятый», что преподается в школах, — вполне понятно, почему паникующая общественность ученым не верит, постоянно повторяя: «А вдруг?», и, покрываясь холодным потом, представляет, какой еще эксперимент могут поставить над старушкой Землей.

С одной стороны, слишком много средств вложено в Большой адронный коллайдер и слишком много надежд на него возлагают, чтобы кто-то из ученых ЦЕРНа мог публично

сомневаться. С другой стороны, если коллайдер и вправду был создан и контролируется не учеными, а потомками атлантов (или кем-либо другим) совсем не как научный проект... Тогда тем более понятно, почему, кроме глупых и панических слухов, почти никакой другой информации до общественности не доходит. Об этом есть кому позаботиться. Тем более важно для меня стало докопаться до истинных причин происходящего.

Зачем русским коллайдер

Гена Таманцев писал:

Дорогой Этьен, подмосковный коллайдер действительно существует! По крайней мере, туннель, в котором он должен был быть построен. Эта клоака находится в Протвино, и кто там только не живет! Полуметровых крыс мы там, правда, не встречали. Верно, нам повезло, потому что мы ходили туда днем. Я приехал в Протвино и, назвавшись журналистом церковной газеты, попросил одного из местных жителей показать мне туннели. За определенную плату он согласился, прихватив с собой своего зятя — участкового милиционера, что оказалось потом весьма полезным.

Мой знакомый из Новосибирского университета рассказал мне, что в Советском Союзе к началу семидесятых уже был коллайдер — он назывался протонно-антипротонным или ускорительно-накопительным. Общий принцип действия был такой же, как у адронного, но мощность в десятки раз меньше. Тем не менее с десятков лет он был самым мощным в мире, хотя русские и держали его в строгом секрете. За границей не знали, в каком городе он находится. Даже первый коллайдер, построенный ЦЕРНом, не был таким мощным. Надеюсь, Этьен, тебе понятно, что это значит, поскольку ничего о «первом коллайдере ЦЕРНа» мой знакомый не сообщил, а я, старый дурак, не спросил.

Так вот, туннели в Протвино начали рыть в конце 1970-х годов. Советское Министерство науки и образования распорядилось построить еще более мощный коллайдер — совершенный аналог современного Большого адронного. Все началось и закончилось тем, что вырыли туннель в двадцать один километр. Но потом началась проклятая перестройка, деньги иссякли, и советский коллайдер так и не достроили. Кстати, если бы этот проект осуществили, то ничего такого у вас, в Европе, строить было бы не надо — это был бы полный аналог, если не мощнее.

Закопать туннель в Протвино нельзя — это, оказывается, экологически опасно. Поэтому государство выделяет огромные суммы на поддержание туннеля, охрану, откачку воды, укрепление стенок и прочее. В пересчете на ваши деньги — до трех-четырёх миллионов евро ежегодно. Местные жители туннель очень не любят — в нем постоянно пропадают домашние животные и дет, и, которые забираются туда поиграть, несмотря на то, что им это с самого рождения запрещается.

Мы зашли в туннель, но прошли недалеко — метров на двести, не больше, потом уже стало не хватать фонарей. Честно говоря, и вправду пакостное местечко. Мне было не по себе, хоть я и не верю в этих крыс и чудовищ. Метров через сто наш участковый вытащил пистолет и убрал его только тогда, когда мы уже вернулись ко входу. Думаю, что местные что-то недоговаривают, хотя я и втирался к ним в доверие как мог. Один мужичок мне, правда, рассказывал, что около туннелей время от времени появляются странные люди с белыми аппаратами в руках, но подозреваю, что у него эти видения от чрезмерного употребления горячительного, так сказать. Или же это как раз и есть то «укрепление и контроль», на которые государство дает деньги — не все же они, в конце концов, где-то пропадают, не дойдя

до цели.

И вот что еще, Этьен. Стенки тех туннелей укреплены толстыми деревянными балками. Сам понимаешь, у входа на них что только не понаписано. А вот чуть дальше уже почти ничего нет, но я видел вырезанные ножом знаки. Я сфотографировал один из них. Не знаю, что это такое, но ничего подобного я еще не видел. Посмотри, может, тебе пригодится.

Что касается твоих «контактов», то я с ними встречался и поил кофе, как ты и велел. Кофе они выпили немного, а рассказали толком и того меньше. Ассистент физика долго чертил мне на салфетке какие-то формулы, прежде чем наконец заговорил по-человечески. Суть такова: при столкновении частиц в коллайдере из-за сверхвысоких скоростей возникнет искривление пространства-времени, которое, опять же из-за сверхвысоких скоростей, приведет к его скручиванию в спираль. А по этой спирали можно будет путешествовать не вдоль принятого направления времени, а насквозь, по прямой: пропуская большие куски времени в обе стороны, то есть как в прошлое, так и в будущее. Размер одного «шага» — продолжительность одного витка такой спирали — предсказать трудно. Это зависит от мощности, с которой сталкиваются частицы. Чем больше мощность, тем на большее временное расстояние вперед (или назад) можно будет перемещаться. Причем сквозь дыру во времени такого размера, который способен создать Большой адронный коллайдер, можно будет «протащить» не только элементарные частицы, но и целый испанский галеон. Временной отрезок, который можно будет перескочить при помощи коллайдера, — от одной тысячной секунды до трех тысяч лет. Причем физик Волович боится даже не самого этого факта, который при умелом обращении был бы очень даже полезен. Больше всего он боится как раз неумелого обращения, неуправляемого характера этой «кротовой норы» во времени, которая может поглотить всю планету или необратимо изменить ход нашего времени.

Что касается твоего второго «контакта», Этьен, то тут дело обстояло на первый взгляд гораздо проще. Формул академик Г. на салфетке не рисовал, но так настойчиво убеждал меня в том, что коллайдер безопасен, что я даже стал сомневаться, что он сам в это верит. Не успел я толком задать вопрос: чего же можно опасаться в отношении коллайдера, как он тут же стал убеждать, что совершенно ничего. Мне думается, что либо он уже столько общался с прессой, рассказывая о коллайдере, что никаких других формулировок уже не знает, либо он — ученый, который попросту не признает опасностей. Похоже, что он горит идеей этого эксперимента, и вряд ли его остановит такой «пустяк», как вероятность повторения Большого взрыва. К тому же из решения уравнений, которые он предлагает, следует, что мощность этого коллайдера все же в сотни тысяч раз меньше, чем нужна для настоящего Большого взрыва.

Надеюсь, я смог тебе хоть чем-то помочь. Что касается меня, то я думаю, что все это ерунда и не более чем раздувание глупой паники в целях отвлечь всех от чего-то еще. Если тебя интересуют причины, по которым это делается, то ими может быть что угодно: от махинаций какой-нибудь транснациональной конторы с кимберлитовыми трубками в Центральной Африке до выборов президента США.

Привет, Таманцев.

К письму прилагалась фотография. Она была довольно четкой, и я смог различить вырезанную на подгнившей балке свернутую в клубок змею. Змея, похоже, была коброй, раздувшей свой капюшон. Голова змеи была перечеркнута крест-накрест — то ли кем-то из тех, кому художество не понравилось, то ли самим автором. Некоторое время я смотрел на нее, размышляя: не та ли это самая змея с черной головой?

Прошло 19 сентября, день повторного тестирования коллайдера. Выяснив для себя множество вещей, связанных с коллайдером, я, по сути, так и не продвинулся вперед. Каждую из более или менее серьезных версий, почему коллайдер может быть опасен, отстаивали также более или менее маститые ученые — физики, астрофизики и математики. По-другому и быть не могло, хотя даже относительно устройства и развития нашего мира в науке нет единого представления. Другие не менее маститые ученые утверждали, что коллайдер не опаснее простого холодильника.

Однако никаких данных от самого ЦЕРНа не было. Мои письма игнорировали практически все ученые, работавшие над коллайдером, — наверное, им и без того напisyсывали так много писем с угрозами, что они уже перестали читать почту. Или же у них была инструкция, которой предписывалось ни на какие вопросы не отвечать. Редкие ответные письма были как две капли воды похожи на письмо Стивена Хокинса и говорили о том, что «коллайдер — это необходимый для науки и безопасный для человека проект». Впрочем, иного я и не ожидал.

Я ходил по своему кабинету в агентстве из угла в угол. Моя соседка по дому, психолог, говорит, что это «синдром тигра». У тех, кто им страдает, «вся правда в ногах» — им легче думается на ходу. Мне казалось, в последнее время я заразился этим синдромом. Только вот легче мне не думалось. Мысли мои, наоборот, были самыми мрачными. Мне требовалось либо проникнуть в ЦЕРН и получить доступ к документации, касавшейся коллайдера, либо... но других вариантов у меня не было. Да и первый, честно говоря, мне не очень-то нравился. Наверняка там приняты беспрецедентные меры безопасности, раз Центр получает так много угроз... Я хлопнул себя по лбу — каким же я порой бываю болваном! Ведь для того все и устроено! Для того и распущены все эти сплетни, для того и нужна вся эта паника! Чтобы был повод охранять коллайдер как можно строже! Возможно, даже задействовать не только полицию, но и военных! И вряд ли эта шумиха на руку тем, кто собирается использовать прибор в своих целях. Тогда... это подстроил тот, кто хочет помешать потомкам атлантов?

Но кто? Похоже, что у нас одни и те же цели. Но как мне выйти на этого «кого-то» и, возможно, договориться с ним?

Поломка коллайдера

Утром 20 сентября во всех парижских газетах, чуть ли не на первых полосах, была помещена информация о выходе коллайдера из строя. Поломка коллайдера, писали репортеры, произошла накануне, в ходе тестирования магнитной системы прибора. В предварительном докладе, сделанном представителем ЦЕРНа, говорилось, что один из электрических контактов между магнитами расплавился из-за увеличения силы тока, была повреждена изоляция системы охлаждения и около шести тонн жидкого гелия вылилось в туннель. Температура выросла, и коллайдер остановился.

«Что же это было? — размышлял я. — В самом ли деле случайная поломка? Или что-то непредсказуемое и неуправляемое, что привело к поломке? Или были некие результаты, которые поспешили скрыть от посторонних глаз? Мог ли это быть взрыв, организованный врагами коллайдера? Возможно ли, что была попытка отсрочить основной запуск?»

Так или иначе, спустя несколько дней официальный представитель ЦЕРНа заявил, что пуск коллайдера переносится с конца 2008 года на весну — лето 2009-го. Связано это с тем, что часть

оборудования, находящегося на поврежденном участке туннеля, необходимо будет демонтировать и поднимать на поверхность для ремонта.

Мир вздохнул с облегчением. Или же нет? Так или иначе, паники в Сети не поубавилось. Тем временем, обдумав все еще раз, я понял, что противовес потомкам атлантов все же существует. Возможно, та организация, которая им противостоит и чьих рук делом, возможно, является поломка коллайдера, в действительности не такая крупная и всемогущая. Но определенная сила все же у нее имеется. И война за коллайдер ведется самая серьезная и масштабная. Идей, как выйти на эту контору, у меня не было. Разве что нацепить на себя плакат «Взорви Коллайдер — спаси планету!» и прогуляться с ним по Елисейским полям. Хотя кого этим сейчас удивишь? Скорее всего, на меня вообще никто не обратит внимания.

Я продолжал собирать информацию, уже решив, что буду писать об этом своем расследовании книгу. Прошла примерно неделя к тому моменту, как был сделан следующий ход в этой захватывающей партии. Я работал в своем кабинете в агентстве, когда ко мне вошла Софи и сообщила, что ко мне посетитель. Я сказал, чтобы она пригласила его пройти. Она ответила, что уже приглашала его в приемную, но он отказался и ждет снаружи, на первом этаже, у входа в офисы. По ее тону я понял, что происходит что-то необычное, но не опасное, поэтому я вышел из кабинета и направился вниз.

За входной дверью стоял и смолил вонючую сигарету мужчина неопределенного возраста в неопределенного вида одежде. Скорее всего, когда-то это был чей-то парадно-выходной костюм, но теперь он приобрел совершенно иной вид. На шее у мужчины был намотан такой же неопределенного вида шарф. В общем, ничего особенного о посетителе сказать было нельзя, кроме того что он явно был бродягой. Охранник смотрел на него неодобрительно, но когда я подошел, вроде бы успокоился.

— Вы Кассе? — уточнил, не здороваясь, посетитель.

— Да, я.

— И верно, похож, как Сирил сказал, — бесцеремонно пробормотал он. Конечно же, он был от Сирила! Кто еще из моих знакомых водил дружбу с клошарами?

— Вот, — тем временем продолжал мужчина, — это вам. От него.

Он вынул из отвисшего кармана пиджака и протянул мне бумажный пакет, в какой пакуют хлеб в магазинах. В пакете, довольно пухлом, лежали какие-то бумаги.

— Док сказал, что сделал это ради девчонки. Что ему нельзя приходить. И что он пошел искать ее, поскольку они уже близко. Больше он ничего не может сделать для вас.

— Спасибо, — сказал я.

Бродяга выжидательно смотрел на меня.

— А деньги? — спросил он. — Сирил сказал, что вы раскошелитесь за мои труды хотя бы на десятку.

Я дал ему десятку, и клошар тут же исчез, словно слился с улицей. А я поспешил наверх, чтобы разобрать бумаги. Я чувствовал, что это исключительно важно и срочно.

Сами бумаги были перевязаны бечевкой, а поверх них лежала записка. В ней говорилось:

Дорогой месье, раз вы читаете это письмо, значит, нам сопутствовал успех и моему «голубю» удалось доставить вам это донесение, оставшись непойманным. Просмотрите документы, я не стану вам их пересказывать, они сами все объяснят намного лучше. Я должен найти известную вам мадемуазель М., поскольку ей грозит опасность. Ищите того, кто ищет бозон Хиггса, но спорит с ним самим. Он выведет вас на нужных людей. Вы им тоже нужны, но они еще о вас не знают. Когда вы будете говорить с ними, передавайте привет одному капитану Сильверу.

Ваш С. Г.

Р. С. С сожалением сообщаю, что известный вам пациент С. скончался во сне четыре дня спустя вашего визита. Надеюсь, он сообщил вам то, что хотел сказать, и то, что вы хотели услышать.

Сирил Гриффа произвел на меня впечатление очень трезвомыслящего человека. И весь тон его записки, в большей степени исполненный решимости, чем печали, означал, что он, скорее всего, и впрямь «тряхнул стариной» ради «малышки Жюли». Хотя я многое и не понял, в особенности то, что касалось «одноногого капитана Сильвера», я прочел о смерти Жоржа Саби почти без удивления. Человек, которого я видел в «пансионе для душевнобольных» уже угасал. Возможно, мой визит был последним «делом», событием, которого он дожидался. Но главным в этом пакете были документы. Я спешно развязал бечевку и принялся читать.

На лежавшей поверх других ксерокопии рукописной страницы было выведено: «Строго секретно. Уровень доступа первый. Отчет о происшествии 19 сентября 2008 г., Большой адронный ускоритель на встречных пучках. Швейцария». Судя по всему, это был секретный отчет о поломке коллайдера. Где Гриффа его достал? Через кого? Для «старины Сирила» это было просто роскошно. Я почувствовал, как от волнения у меня задрожали пальцы. Я подошел к окну и плотно закрыл жалюзи. Затем выглянул в приемную, объявил Софи, что меня нет на месте, заперся на два оборота на ключ и только тогда продолжил читать дальше.

Отчет был растрепанной стопкой мятых ксерокопий с рукописных страниц. Некоторые из них были перепутаны местами. Очевидно, их переносили по частям, возможно, даже под одеждой. В отчете говорилось:

01 минута 00 секунд до эксперимента: состояние прибора исправное, датчики функционируют, энергия пучка нулевая, скорость пучка нулевая, температура в вакуумной трубе -256°C , готовность к запуску первая.

00 минут 00 секунд, начало эксперимента: состояние прибора исправное, скорость пучка 0,99987 световой, энергия пучка 4 терраэлектронвольт, температура в вакуумной трубе -256°C .

00 минут 39 секунд: столкновение протонных пучков, зафиксирован выброс энергии непонятного вида, скорость пучка нулевая, энергия, зафиксированная датчиками, 26 терраэлектронвольт, температура в вакуумной трубе -256°C .

00 минут 52 секунды: температура в вакуумной трубе -58°C , зафиксирован выброс жидкого гелия из криогенной системы в туннель.

00 минут 57 секунд: эксперимент прекращен, энергия и скорость протонного пучка нулевые, температура в вакуумной трубе -42°C , объявлена аварийная ситуация.

В ходе анализа данного происшествия выяснилось следующее.

1. В момент столкновения пучков магнитные датчики зафиксировали мощный выброс энергии непонятного вида. Мощность данной энергии в 13,5 раза превысила предполагаемую энергию, которую даст столкновение протонных пучков.

2. Происхождение данной энергии непонятно: энергия подобного рода никогда еще в ходе земных экспериментов не фиксировалась.

3. В связи с этим, что также подтверждено приложенными графиками и компьютерными расчетами, зафиксировано нарушение базового закона сохранения энергии. Эта «странная» энергия, появившаяся после столкновения протонов, фактически взялась ниоткуда. Потерь в материи экспериментальных протонных пучков не найдено.

4. Сверхточными датчиками второго кольца, где произошло столкновение частиц, выброс энергии и авария в системе охлаждения, зафиксировано незначительное искривление пространства-времени.

5. Можно говорить о том, что во втором кольце во время столкновения протонов

образовалась так называемая черная дыра. Размер и мощность черной дыры составляли не намного больше предполагаемых. Спустя двадцать две секунды после образования черная дыра распалась — предположительно вследствие излучения Хокинса, но точная причина распада дыры неизвестна.

6. За время своего существования черная дыра поглотила «странную энергию», образовавшуюся в момент столкновения частиц, а также некоторую часть материи вокруг себя. Затем дыра распалась на отдельные частицы, преобразовав одни из них в другие. Неизвестная «странная энергия» была поглощена дырой без остатка, как и часть протонного пучка. Это снова говорит о нарушении закона сохранения энергии.

7. Распад черной дыры возможен только в полном вакууме. Необходимо проверить стенки туннеля. Никакие отверстия диаметром больше половины протонного ядра недопустимы. Вывод. В ходе эксперимента имело место искривление пространства-времени, мощный выброс неопределенного вида энергии, а также образование черной дыры. Адронный коллайдер способен создать черную дыру гораздо большего размера и мощности. В случае столкновения протонных пучков на полной предполагаемой мощности пределы вероятности образования черной дыры, способной уничтожить коллайдерный комплекс, составляют от 10 до 31 %.

Значит, коллайдер был способен создать черную дыру! Первая, маленькая дыра действительно распалась, как об этом и говорили ученые, но что будет в дальнейшем, им было, судя по всему, неясно. Будет ли отложен или отменен запуск коллайдера на полную мощность?

Об этих бумагах я решил пока не упоминать никому ни словом. Ставка была уже не та, что раньше. За такую информацию меня могли и убить, а не разводить со мной политесы.

В официальном же отчете ЦЕРНа, опубликованном в середине октября, об этом происшествии было сказано следующее.

19 сентября пострадали секторы 3–4 ускорительного кольца ВАКа. Резко возросшее давление, что произошло из-за расплавления крепления одного из датчиков вследствие превышения электрического напряжения, сместило магниты, установленные в ускорительном кольце. Помимо этого, на внутренних стенках вакуумных труб осели частички металлов (меди и стали), а также стекловолокна, выброшенные в вакуумный туннель во время аварии. Эти частицы необходимо удалить, поскольку они будут мешать прохождению протонных пучков. Также необходимо поднять на поверхность 54 магнита для ремонта. В настоящее время разрабатывается подробный план ремонта магнитов. Была проведена первая пробная чистка труб от лишних частиц. В настоящее время разрабатываются более надежные крепления и новая сеть клапанов криостатов, которые позволят системе охлаждения выдерживать большие нагрузки в случае аварийных ситуаций в будущем.

Значит, по крайней мере, как заявлялось официально, запуск коллайдера отменен не будет. Планируется только укрепить стенки туннеля в надежде на то, что они выдержат черную дыру большего размера и большей силы, чем в прошлый раз.

Но, может, хозяевам коллайдера это и было нужно — получить черную дыру, способную навредить по-настоящему?

В письме Сирила Гриффа говорилось, что я должен «искать того, кто ищет бозон Хиггса», и я начал наводить справки.

Бозон Хиггса

В физике бозоном Хиггса называется одна из элементарных частиц. Ее существование было теоретически предсказано профессором Эдинбургского университета Питером Хиггсом в

шестидесятые годы. Согласно его теории, именно эта частица наделяет материю массой и позволяет ей образовывать все физические тела во Вселенной. Как это связано с коллайдером? Весьма просто: по мнению ученых, адронный коллайдер может создать все условия для того, чтобы эта частица была зарегистрирована используемым измерительным оборудованием. Если она будет обнаружена, значит, она в действительности существует. Но мало того, это означает, что и теоретическая, базовая модель строения Вселенной также верна. Если же бозон Хиггса не будет обнаружен, то это может означать, что, возможно, никакого Большого взрыва и не было.

Тем не менее бозон Хиггса среди физиков уже давно прозван «Святым Граалем», и именно на него делает ставки большинство современных ученых. В своем интервью, данном британской *The Times*, Питер Хиггс сказал: «Если мы ничего не найдем там, это будет значить, что ни я, ни другие больше ничего не будут понимать в том, что мы знаем о слабом и электромагнитном взаимодействии».

Оппонентом же Хиггса является не кто иной, как... физик Стивен Хокинс, специалист по черным дырам. Он публично заключил пари с Хиггсом на 100 долларов, что бозон Хиггса в адронном коллайдере обнаружить не удастся. «Однако это не значит, что его не нужно искать. Искать его необходимо», — сказал он в одном из своих интервью тому же журналу.

Означало ли это, что мне нужен именно Стивен Хокинс? И если да, то я уже писал ему однажды, и ни на кого он меня не «вывел», а, напротив, дал самый что ни на есть формальный ответ. Тем не менее, воспользовавшись его предложением, я решил написать ему еще:

Уважаемый мистер Хокинс, спасибо Вам за Ваш ответ. В настоящее время я продолжаю развивать эту тему в моей журналистской работе. Правда ли, что бозон Хиггса и черные дыры связаны между собой? Чем может помочь адронный коллайдер в поиске бозона Хиггса и считаете ли Вы его реально существующим? Если в коллайдере могут образовываться черные дыры, то как это соотносится с поиском бозона? Является ли искривление пространства-времени доказательством его существования? Правда ли, что бозон Хиггса может помочь путешествиям во времени?

С уважением, Этьен Кассе.

Я намеренно намешал все в кучу. Образ дилетанта от физики мне не повредит. Скорее всего, в этом случае я мог бы рассчитывать на более подробное объяснение. Но сейчас я просто хотел намекнуть Хокинсу на то, что мне известно, чтобы хотя бы как-то расшевелить его. Написать ему прямо я опасался. Ответ не замедлил себя ждать. Спустя буквально пару часов я получил письмо:

Дорогой месье Кассе. На этот счет лучше всего вас сможет информировать Ваш уважаемый мною соотечественник, месье Верной Каррие, астрофизик.

Всего наилучшего, С. Х.

То ли все шло так, как и должно быть, и Хокинс на самом деле соединял меня с «нужными людьми», то ли я совершенно перестал понимать происходящее. Так или иначе, я набрал номер телефона Каррие, указанный Хокинсом в письме, и стал ждать. После нескольких длинных гудков ровный женский голос ответил:

— Да.

— Здравствуйте. Мне нужно поговорить с месье Верноном Каррие, — ответил я.

— Месье Каррие очень занят и не может говорить с вами, — так же спокойно ответил голос. — Всего хорошего.

— Подождите! — Я пошел ва-банк: либо меня сейчас примут за сумасшедшего и шанса поговорить с Каррие у меня уже точно не будет, либо... — Стойте! У меня очень важное дело! Я должен передать привет одноногому капитану Сильверу.

— Да? — удивился голос. И как ни в чем не бывало продолжил: — Ну что ж. Тогда вам

придется подождать несколько минут.

Я был прав: эта нелепая фраза все-таки оказалась паролем. Значит, я был на правильном пути. Потрескивание в телефонной трубке прекратилось, и сухой голос ответил:

— Я слушаю.

— Месье Каррие? Меня зовут Этьен Кассе, я журналист... и я... у меня есть к вам вопросы. Я бы хотел с вами встретиться и поговорить.

— Я ни с кем не встречаюсь, месье журналист, — так же сухо ответил голос. — Я понял ваш интерес, но ничем не могу помочь вам. К сожалению, то, о чем вы просите, невозможно.

— Но... — Я не мог поверить в свой провал. — Мне необходимо узнать о бозоне Хиггса. Я пишу статью о...

До свидания, месье Кассе, — перебил меня голос. В трубке щелкнуло, и я услышал короткие гудки.

Кажется, и эта ниточка оборвалась. Или оказалась неверной. Я стал размышлять, что делать дальше. После часа раздумий я понял, что зашел в тупик. Я уже хотел было позвонить одному из своих источников, чтобы навести справки о самом Верноне Каррие, как мой мобильный телефон запищал. Я поднял трубку.

— Месье Кассе, — обратился ко мне низкий мужской голос. — Я жду вас внизу возле входа в ваше офисное здание. Когда будете выходить, предупредите вашего секретаря, что уезжаете на несколько дней в командировку. С собой можете взять свой ноутбук, бумаги, которые вам нужны, и прочее. Деньги вам не понадобятся, мы обо всем позаботимся.

— Но... — опешил я. — Кто вы? Как вы...

— Вам надо спешить, месье Кассе, — почти приказывал голос. — Машина ждет вас. Вам лучше сделать так, как я сказал. В особенности если хотите передать свой привет одноногому капитану.

В трубке пискнуло, и мой странный собеседник отсоединился. Я быстро собрал нужные вещи. Если это и в самом деле был человек, которого послал Каррие, то все складывалось как нельзя более удачно. Выходя из офиса, я сообщил Софи, что уезжаю в срочную командировку, и поспешил вниз, не обращая внимания на ее вопросы. У самого входа в офисы был припаркован белый «фольксваген пассат», раскрашенный под такси. Невысокий, коротко стриженный мужчина стоял возле него и курил. Когда я подошел, он молча открыл передо мной заднюю дверь, после чего так же молча сел на водительское сиденье.

Когда я сел, двери с неприятным щелчком заблокировались. Водитель повернулся ко мне и сказал:

— Я прошу вас выключить и отдать мне свой мобильный телефон. Я сохраню его для вас.

— Это похищение? — спросил я, доставая трубку. Спорить или протестовать было бесполезно.

— Нет, что вы, это ради вашей же собственной безопасности, — ответил мой похититель, опустил шторку, отделяющую его от заднего сиденья, и до самого конца пути больше не произнес ни слова.

Разговор с Каррие

Стекла задних дверей в автомобиле были тонированы не только снаружи, но и изнутри, так что определить, куда мы направляемся, было почти невозможно. Я понял, что мы покинули Париж, а потом потерял направление. Похоже, у Каррие специфическое чувство юмора. Спустя несколько часов мягкого и быстрого движения почти без остановок автомобиль зашуршал

пинами по гравию и остановился. Занавеска отдернулась, двери разблокировались. Не дожидаясь приглашения, я выбрался наружу. Автомобиль стоял почти вплотную к крыльцу невысокого особняка. Вокруг особняка росли ничем не примечательные яблоневые деревья и кусты можжевельника. Выло тихо, по-октябрьски моросил дождичек.

Меня вежливо, но настойчиво взяли под локоть и проводили ко входу в дом, не позволяя осматриваться. Как только я переступил порог, понял, что нахожусь в настоящей научной лаборатории. Оборудованием был набит весь дом — начиная от прихожей и заканчивая лестницей, ведущей вверх. По ней вверх и вниз сновали люди в белых халатах с планшетами в руках. В дверях меня встретила женщина, возможно та, с которой я совсем недавно разговаривал по телефону.

— Месье Кассе, — сказала она, — пойдете, я провожу. Доктор ждет.

Мы поднялись на второй этаж и прошли в маленький темный кабинет. Моя провожатая вышла, а я, выпутавшись из штор, висевших возле двери, прошел дальше. За столом, под лампой с темно-зеленым абажуром, щелкал клавишами ноутбука абсолютно седой старик. Его длинные белые волосы были заплетены в точно такую же косичку, как и у Сирила Гриффа. Он повернул ко мне свой крючковатый нос и всмотрелся сквозь очки.

— А, это вы, Кассе, — бросил он мне, как старому знакомому. — Молодец. Быстро. Нечего терять время. Я — Каррие.

— Рад познакомиться, — ответил я, пожимая протянутую руку.

— Вы извините, что я с вами так невежливо обошелся по телефону, — сказал Каррие, вернувшись к работе за компьютером. — Но надо быть осторожным. Сначала говорите вы, а я буду вас внимательно слушать. Затем буду говорить я, а слушать и спрашивать будете вы, договорились?

Я кивнул. Если Каррие и вправду был тем, кого имел в виду Сирил, опасаться мне было нечего. Но на всякий случай я сказал:

— Мне поручено передать привет одноному капитану Сильверу.

Каррие оторвался от экрана и недобро посмотрел на меня.

— Моя ассистентка уже передавала мне это. Все глупые шутки Сирила. Это же он вам наболтал, да? Впрочем, он правильно сделал. Иначе вы бы точно до меня не добрались. Говорите, Кассе, по делу, не тяните.

И я принялся рассказывать. Пожалуй, говорил я не меньше часа. Все это время Каррие ни на секунду не отрывался от работы, только периодически кивал. То ли мне, то ли своим мыслям. Когда я закончил рассказ, он закрыл папку, из которой что-то перепечатывал, и, откинувшись в кресле, скрестил руки на груди.

— У меня нет вопросов, спасибо, месье Кассе. Для человека, несведущего в физике и во всех этих делах с коллаидером, вы неплохо соображаете. Теперь, видимо, моя очередь рассказывать. То место, где мы с вами находимся, является секретной военно-космической лабораторией. Принадлежит она правительству Швейцарии, и чем меньше вы о ней знаете, тем лучше для вас. Об этой лаборатории не знает ЦЕРН, что самое главное. И узнать он о ней не должен. Этот дом, по легенде, принадлежит мне, а я — мерзкий, выживший из ума старикашка, который не принимает гостей и знать никого не желает. А ведь раньше был известным ученым, работал в центре, Гриффа и Саби были моими учениками. Но... что делает с людьми старость. — Мой собеседник иронически засмеялся.

— Далеко не все в центре играют на стороне тех людей, — продолжал Каррие после паузы, — кое-кто из ученых работает ради науки и верит, что это вправду научный эксперимент.

Конечно, мы постепенно пытаемся убедить их встать на нашу сторону, но для многих это становится шоком, и нам не верят. Ну, на этот случай у нас всегда есть байка про параноиков —

благо сплетен насчет коллайдера хватает, так что мы пока выкручиваемся. Повисла пауза. Я спросил:

— А что вы за организация? Каррие засмеялся:

— Мы не организация, Кассе, никакой организации не существует, и в этом наша сила. Мы — просто люди, которые хотят жить своей жизнью, и жить спокойно. Мы не хотим быть заложниками чьих-то корыстных интересов. Среди нас есть военные, политики, ученые, водители такси и разносчики газет. Все участие и помощь добровольные. Условий только два: соблюдать осторожность и сохранять все в секрете. Пока что нас никто не предал. Значит, Кассе, мы делаем важное и нужное людям дело. И они нам верят. Вы говорите, что кто-то контролирует коллайдер. Вы совершенно правы, мне это прекрасно известно. Но я, как и вы, не знаю толком, кто эти люди. Я не собираюсь интересоваться этим — чем дольше они считают, что мы попросту тупоумные яйцеголовые ученые, копающиеся в своих частицах и формулах, тем проще нам действовать. Есть старая поговорка: «Лучше того, что вас переоценивают ваши друзья, только то, что вас недооценивают ваши враги». Мы так и действуем, Кассе. Очень осторожно. И это критически важно. Нам удалось использовать армию и полицию для охраны коллайдера от тех якобы фанатиков и паникеров, которые хотят его разрушить. На самом же деле для того, чтобы хоть как-то ограничить тех людей, не вызывая подозрений. А что до вас, то вы объявились очень вовремя. Буквально вчера я получил подтверждение своему открытию. Если вы не проголодались и не устали, то пойдемте наверх. Вы быстрее поверите и поймете, когда увидите все своими глазами.

Каррие поднялся из кресла и вышел из-за стола. И тут я порадовался, что зеленая лампа в кабинете светила так тускло. Я густо покраснел и почувствовал себя как школьник, ляпнувший глупость перед всем классом. Каррие был одноногим. Вместо правой ноги ниже колена был металлический протез. Он был довольно громоздкий и не скрывался под брюками. Впрочем, ученый явно не обращал на это никакого внимания. Двигаясь проворно, несмотря на возраст, он повел меня на третий этаж. Этажом это, правда, было только отчасти — так, маленькая башенка на крыше особняка. Это была обсерватория. Крыша башенки была стеклянная. В самой середине стоял нацеленный вверх большой телескоп, подключенный к мониторам. Я как гость остановился у порога, а Каррие прошел к компьютеру и включил самый большой монитор. На нем появилась картинка: абсолютно черное космическое небо с белыми разводами вроде тумана и небольшими звездочками. Физик сел на высокий вращающийся стул и жестом указал мне на соседний.

— Вот это, — сказал он, указывая на монитор, — не что иное, как темная материя. Нам-то о ней уже известно все, что только можно было узнать. А вот небольшой ликбез вам, Кассе, не помешает. Известные науке виды материи, начиная от атомов и заканчивая гигантскими звездами, составляют лишь четыре процента Вселенной. Остальные три четверти занимает непонятная для науки «черная энергия». Кое-кто из нас считает, что это сила, противоположная гравитации. И что из-за нее и расширяется Вселенная. Оставшееся место занимает «черная материя» — материальные соединения, которые не могут быть обнаружены, ни одним из земных приборов. То есть пока не могли быть обнаружены. Потому что вчера мы ее сфотографировали. И вы — один из первых, кто ее видит, Кассе. «Темная материя» состоит из невидимых галактик. Они темные, поскольку в них входит слишком мало звезд.

Что до «черной энергии», то о ней вообще никто ничего не знает. Довольно давно мы рассчитали при помощи компьютеров только одно: эта энергия «плоская» — то есть не трехмерная. Мы считали, что она существует в двух измерениях, заполняя Вселенную целиком. Но несколько дней назад мы поняли, что она не двумерная. Но она и не трехмерная, действительно. Она существует и в четвертом измерении. Это уже доказано.

Некоторые наши коллеги и друзья из США нашли то, что назвали «тенью темной энергии». Радиация Большого взрыва — реликтовое излучение, которое носится по Вселенной туда-сюда, проходя через гигантские галактические облака, немного меняет свое направление. Это и подтверждает, что «темная энергия» и «темная материя» существуют. Но что именно там находится, мы не знаем. Это не выдумки ортодоксальных астрономов, это правда. Мы как слепые котята, Кассе, мы очень мало знаем о Вселенной. Количество темных галактик минимум в сто раз больше, чем количество видимых. Причем «темная энергия» заполняет и видимые галактики. А теперь самое главное.

Каррие вскочил со стула и подошел к мониторам. Картинка на них сменилась на другую. На ней было по-прежнему черное космическое небо с редкими точками звезд. А в середине картинки был явно виден настоящий комок черноты, окутанный оранжевыми и желтыми туманными разводами.

— Это черная дыра, — сказал ученый, указывая в центр монитора. Та самая, которая ближе всех к Земле. Она находится в центре нашей Галактики вот уже примерно шестьсот тысяч лет. Она довольно молодая, но огромная — примерно четыре миллиона масс Солнца. Сила этой дыры такова, что она могла бы поглотить и нашу Солнечную систему, но пока она от нее далековато: около двух с половиной тысяч световых лет. По идее, если Вселенная расширяется, эта дыра — на самом деле это звезда — должна удаляться от нашей Солнечной системы. Но этого не происходит! Наоборот, она подбирается все ближе. И скорость ее сближения с нами возрастает.

Если вы интересовались черными дырами, Кассе, то должны знать, что в них происходит искривление пространства-времени. Научиться пользоваться ими как машинами времени невозможно, но если бы это удалось, то они были бы мощнейшими такими машинами.

По другую сторону от этой дыры лежит огромное скопление «темной материи». И я теперь практически уверен, что понял, что это такое. Эта «темная материя» есть не что иное, как параллельно существующая Вселенная. Мы ее не видим: свет, который она отражает, полностью уходит в дыру. Параллельная Вселенная тоже притягивается этой дырой — именно поэтому она вообще возникла в пределах нашей видимости. Искажения пространства-времени заставляют ее почти соприкоснуться с нашей. Это будет невиданный природный катаклизм! Куда там библейскому апокалипсису! Вот это и есть настоящий конец времени!

— Что именно? — уточнил я, изо всех сил стараясь не потерять логическую нить рассуждений. — Дыра провоцирует конец света?

— Ох, Кассе, — горестно воскликнул Каррие. — Ну как же вы не понимаете! В момент Большого взрыва произошло событие, которое заставило родиться и начать расширяться нашу Вселенную. Но Большой взрыв спровоцировал цепную реакцию — серию Больших взрывов не только в трехмерном пространстве нашей Галактики, но в четырехмерном пространстве-времени. И теперь существует бесконечное число вселенных, которые отстают или опережают друг друга только на одно мгновение. Каждая из них на тысячную долю секунды старше или младше своих соседей. Из одной подобной Вселенной в другую можно перейти только по оси времени! А она нам с вами недоступна. Мы можем разгуливать только в трех координатах. Ну и, образно говоря, путешествовать во времени только в одну сторону — проживая секунду за секундой. Но при этом мы не движемся только по оси времени. Мы еще и перемещаемся в пространстве — наша-то Вселенная подвижна, поэтому мы и не покидаем ее.

Соседние вселенные существуют точно так же. Это не значит, что там есть копии нас с вами, — засмеялся вдруг Каррие. — Эти вселенные копировали нашу в момент рождения. А потом развивались своим путем. Бесконечное число копий, сделанных в момент Большого взрыва. Некоторые из вселенных рождаются в эту секунду: там происходит Большой взрыв. А

некоторые из них погибают, разорвавшись на части, достигнув предела своего расширения.

Расстояние между нашей и соседней вселенными сокращается. Они должны будут соприкоснуться в этой черной дыре. Я не знаю, что тогда будет. Возможно, одна из них исчезнет, а другая ее поглотит. Одно я знаю точно — это действительно будет финальный акт пьесы. До тех пор пока между этими вселенными есть какое-то расстояние во времени, конец еще не наступил. Я рассчитал, что на искривление пространства-времени, которое необходимо этой черной дыре, чтобы столкнуть наши вселенные, уйдет совсем мало времени, каких-то шесть-семь тысяч лет. Мы-то с вами, Кассе, этого не увидим, но вот для человечества это совсем не так много.

Поэтому нам нужен коллайдер. Мы должны изучить искривление пространства-времени до того, как будет уже поздно. А во-вторых, мы должны сами создать искривление пространства-времени. При помощи этого коллайдера, если это будет возможно, или построить еще более мощный. Мы должны «оттянуть» нашу Галактику от черной дыры, чтобы предотвратить встречу с параллельной вселенной. Этот противовес, которым может быть коллайдер, — тонкое и сложно управляемое дело. При этом сама Земля, скорее всего, не пострадает, поскольку земной ход времени эти искривления не затронут.

На самом деле на Земле есть один имитатор черных дыр, не коллайдер. Но проблема в том, что черная дыра, которую может создать этот американский прибор по имени «Черный Макс», ненастоящая. Это лишь имитация. Она позволяет понять, что происходит с гравитацией в черных дырах, но не способна искривлять пространство-время.

— Может ли коллайдер повторить Большой взрыв? — спросил я.

— Ну... не столько сам коллайдер, сколько схлопывание материи пространства-времени в той точке, где должно установиться равновесие. Если мощность коллайдера будет избыточной или неправильно контролируемой, то это, как и встреча двух параллельных вселенных, скорее всего, приведет к схлопыванию пространства-времени в одну точку. Ну, тогда, вероятнее всего, все начнется сначала.

— Как вы считаете, в параллельных вселенных может существовать разум?

— Не только может, он там существует! Как минимум по теории вероятности. Впрочем, одного этого уже достаточно.

— Возможно ли, что этот разум... не похож на людской?

— г — Вполне возможно. Но, скорее всего, это гуманоиды. Жизнь зарождается в сходных условиях — в воде. Значит, эволюция должна быть примерно схожей. Хотя я и не биолог. Если вам это зачем-то нужно знать, мы тут у себя найдем у кого спросить.

— То есть этот разум может быть значительно более развит, чем человеческий?

— Ну да. Постойте, к чему вы клоните? Думаете, сближение вселенных — это не просто случайность, а чьих-то рук дело?

— Не знаю.

— Если так, то это огромная глупость. Схлопывание пространства-времени при встрече двух параллельных вселенных, скорее всего, будет касаться их всех. Так что если кто-то там решил поэкспериментировать, то он тоже погибнет. Большой взрыв, — это такая точка искривления пространства-времени, где не существует ни того ни другого вообще.

— А кто эти люди? Те, что контролируют коллайдер?

— Я не знаю. Знаю только то, что у них очень большая сила. Они держат в своих лапах многих, и далеко не всех добровольно.

— Возможно ли проникнуть в прошлое или в будущее, используя коллайдер?

— Вероятно, да, но одного коллайдера мало. Он сможет только показать механизм, как это будет сделано. Потребуется строить машину времени отдельно, но принцип ее работы, скорее

всего, будет тем же — искривление пространства-времени при скоростях, близких к скорости света.

Мне было что рассказать Каррие насчет машины времени, но я счел за благо промолчать. Вместо этого я спросил:

— А бозон Хиггса?

— Если мы найдем бозон Хиггса и научимся отделять его от материи, то получим материю без массы. Материя без массы сможет развивать скорость света, подобно тому как частица света, фотон, не имеет массы.

Мы с Каррие до вечера сидели в обсерватории, обсуждая различные версии. К чему приведет основной пуск коллайдера в 2009 году? Будут ли еще пробные запуски и чем они закончатся? Больше всего физика интересовало, как именно можно предотвратить столкновение вселенных. Меня же, честно говоря, интересовало, кем именно являются люди, контролирующие коллайдер, и чего они с его помощью хотят добиться. Это казалось мне земными и более насущными вопросами. Тем более я считал, что, если мы поймем, кто эти люди и чего они хотят, мы сможем найти способ лишить их контроля над коллайдером. Если это, конечно, вообще возможно.

Глава 4

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ

СТРАШНЕЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Вернулся я из Швейцарии только через три дня. Обеспокоенная Софи сообщила, что ко мне за это время приходили двое посетителей. Один из них был очень настойчивым и ждал меня целых пять часов, несмотря на то что все уверяли его, что я в командировке. Цель визита этот человек так и не сообщил. Другой же, судя по всему, приходил по делу, относящемуся к другому моему расследованию, так что на его счет я особо не беспокоился.

Но первый посетитель внушал мне опасения. По описанию он был похож на того незваного гостя, что вломился в мой дом несколько недель назад. И мне вовсе не хотелось снова с ним встречаться. Скрыть, что я на самом деле что-то знаю, мне вряд ли бы удалось. А становиться трупом или заложником мне совсем не хотелось. Особенно когда в конце туннеля под названием «Адронный коллайдер» наконец забрезжил какой-то свет.

Машина времени для Атлантиды

Среди кипы неразобранной почты было письмо от Жюли. Как и в прошлый раз, его подсунули под дверь. Я спешно разорвал конверт и стал читать:

Дорогой месье Кассе, спасибо, что помогаете нам. Я очень рада, что вы встретились и поговорили с тем, о ком я вам говорила в прошлом письме. Он нашел меня, и я чувствую себя наконец в полной безопасности. Я думаю, что теперь дела тут пойдут намного лучше. Оказалось, что мне не так легко жить вдали от дома, к которому я привыкла.

Мы много говорили с дядей, и мы думаем, что с помощью коллайдера атланты хотят вернуть в наше время погибшую Атлантиду. Или хотя бы часть древнего знания, которое пропало тогда и которое сегодня могло бы помочь им приобрести еще большее превосходство над остальными. Дядя говорит, что, скорее всего, между атлантами нынешними и атлантами из прошлого существует связь и передатчик — коллайдер. Дядя считает, что именно эту связь он и обнаружил тогда. Древнее знание, месье Кассе, очень важно. Но служить оно должно всему человечеству, а не отдельной кучке людей.

Что касается змеи с черной головой, то я навела о ней справки. По легенде, в древней Атлантиде действительно существовал такой символ. Змею с перечеркнутой крест-накрест головой рисовали на дверях дома, когда приходила беда. Перечеркнув голову, ее словно лишали силы, и она уже не могла навредить. В местах, где висели обереги с таким изображением, уже не могли появиться злые силы. Если это так, то мне понятно, откуда взялась фреска, в которой говорится о змее с черной головой. Я не знаю, откуда там такие точные даты и описание происходящего. Возможно, атлантам каким-то образом удалось узнать будущее и они поспешили предупредить своих потомков о грозящей им беде, да вот только фреска попала не в те руки. Не знаю, месье Кассе.

Я уверена, что мы должны двигаться дальше и не отступать. Если атланты на самом деле хотят сделать из коллайдера машину времени, то некоторое время мы будем в безопасности. Дядя говорит, что коллайдер должен какое-то время работать, искривляя

пространство-время до того момента, когда можно будет осуществить переход — если он вообще будет возможен. И пока коллаيدر работает, тот, кто это начал, не сможет вмешиваться в естественный ход событий вокруг. Вот почему они пока не могут навредить ни нам, ни вам. Иначе пространство-время может не совпасть, когда будет возвращаться к своему обычному состоянию после перехода. Я не очень-то это понимаю, но надеюсь, что они это знают и именно этого боятся. В таком случае для нас главное — не бояться их. Храни вас Бог.

Вообще-то я обдумывал такую версию и раньше, мы даже обсуждали ее с Карри. Это вполне могло быть правдой. Разумеется, я знал, что у атлантов имеется действующая машина времени, которая находится в районе Великих Пирамид. Об этом я даже рассказывал в своей предыдущей книге «Когда прошлое становится будущим», [\[1\]](#) которую, очевидно, Жюли не читала. Но то устройство, информация о котором была у меня, позволяло только заглянуть в прошлое, не более того. Путешествовать во времени в самом прямом смысле слова с его помощью было невозможно. Что, если коллаيدر — более совершенная модель, которая даст возможность перемещать из прошлого в будущее и наоборот людей и предметы?

Если атлантам это удастся, то неизвестно, чем все закончится. Неизвестно, какие технологии могли храниться в Атлантиде и какое могущество они могут принести своим хозяевам сегодня. Я был уверен, что атланты, добудь они такое сокровище, разумеется, не поделятся им бескорыстно со всем человечеством, а заставят всех работать исключительно на собственное благо.

Еще в самом начале этой истории я попросил мадам Федак поискать упоминания о змее с черной головой в папирусах Рихтера. Папирусы Рихтера были обнаружены мной во время моего «древнеегипетского расследования» несколько лет назад. После долгих поисков выяснилось, что в них никакого упоминания о змее нет. Однако мадам Федак, поморщив нос, вспомнила, что такое упоминание было в так называемом папирусе Аменемфиса.

Этот папирус был составлен одним из жрецов Амона в конце второго тысячелетия до нашей эры в Древнем Египте и содержал что-то вроде краткого курса истории для молодых жрецов, только-только вошедших в состав могущественной структуры жрецов Амона.

Рассказанное в папирусе ученые обычно считают выдумкой, тем более что оно никак не подтверждается другими письменными документами. Впрочем, историки склонны объявлять выдумкой все, что не укладывается в рамки общепризнанных теорий. Я отношусь к папирусу Аменемфиса как к важному источнику, и на это у меня есть свои причины.

Кроме чисто древнеегипетских богов и всего, что с ними связано, в папирусе было несколько строк, которые я пропустил, когда искал в нем свидетельства о происхождении человека, но которые сейчас пришлись весьма кстати:

Когда боги разгневались на людей, которых создали, земля, в которой жили эти люди, ушла под воду. В ответ один из самых дерзких воинов, Кха, который также уцелел вместе с верными Амону, стал грозить небу и браниться. Тогда с неба спустилась змея. Она была огромна, как сотня тысяч пустынных песчаных змей. Глядя на Кха, который достал свое оружие и потрясал им, змея разозлилась. Голова ее стала черной. Она приблизила свою голову к Кха и втянула его в себя без остатка. Даже клочка одежды не осталось на месте, где стоял Кха. Сама же змея сказала: «Я кара, посланная Амоном. Он посылает меня за гордыню и непокорность ему. Я пришла и буду приходить снова». Голова ее перестала быть черной, и она пропала в небе, откуда появилась.

Если исчезновение Атлантиды — дело рук пришельцев, то не может ли «змея» тоже быть делом их рук? И действовала эта змея, по описанию, точь-в-точь как маленькая черная дыра. Значит ли это, что у пришельцев тогда уже было оружие, действовавшее по принципу черной

дыры?

И может ли вообще черная дыра быть оружием?

Визит невежливости

Следующий визит незнакомца не заставил себя ждать. Спустя буквально день я отправился на обед в одно из кафе неподалеку. Солнце светило вовсю, и для конца октября день был исключительно теплый. Забрав свой поднос, я перебрался из зала кафе за столик на улице. Не успел я приступить к первому, как за столик ко мне подсел непрошенный сосед. Я поднял глаза и тут же узнал мужчину в черной футболке, который не так давно наносил мне «визит вежливости». Сейчас на нем был элегантный плащ и не менее элегантное кашне. На этот раз я не был захвачен врасплох, как в предыдущий, и поэтому сразу же пошел в атаку.

— А манеры у вас с тех пор не улучшились, — сказал я, не отрываясь от обеда.

— Никак нет, месье Кассе, — ничуть не смущаясь, ответил собеседник. — Не те нынче времена, не до манер сейчас.

— То есть это не визит вежливости?

— На этот раз нет. Вы не пошли нам навстречу, и мы сильно рассердились.

— Что вы сделали? — Я предполагал, что со мной начнут разговаривать в подобном тоне, и, по моей задумке, здесь я должен был изобразить ярость. Впрочем, особо стараться мне не пришлось: я и так разозлился на эту наглость сверх всякой меры. — Что вы сделали, — переспросил я, повышая голос, — вы рассердились?

В нашу сторону стали оглядываться редкие посетители кафе и прохожие. Такое внимание неизвестному мужчине явно не понравилось.

— Не так громко, месье Кассе, — попросил он. — Отчего же, — возразил я. — В прошлый раз вы заявили ко мне домой без приглашения. В этот раз вы решили отобедать вместе со мной — также без приглашения. Я могу сейчас позвать метрдотеля, и он выкинет вас отсюда к чертям.

— А я могу пристрелить вас, не сходя с места, — холодно ответил мой собеседник.

— Не можете, — рассмеялся я, — иначе давно бы пристрелили без всяких разговоров. Вы и пальцем меня не можете тронуть. Ведь время и в самом деле сгущается, не так ли?

Кажется, мой план сработал и мои слова все-таки подействовали на незваного гостя. Он грустно посмотрел на меня.

Я — Мне и вправду не стоило мешать вашему обеду. Поэтому я просто посижу рядом и, с вашего позволения, покурю, пока вы не закончите. Я мог бы снова прийти к вам в офис, но мне так не хотелось беспокоить вашу очаровательную секретаршу. Интересно, сколько времени может потребоваться, чтобы найти нового талантливый секретаря? — вслух размышлял незнакомец. — И такого же симпатичного...

И тут я вошел в роль окончательно. Я перегнулся через стол и схватил своего собеседника за шарф, намереваясь придушить.

— Не. Смейте. Мне. Угрожать. Никогда, — прошипел я злобно и, хорошенько встряхнув собеседника за грудки, отпустил. Пока я держал его, он не предпринял ни одной попытки освободиться. Когда я его отпустил, он, зажав сигарету в зубах, поправил шарф и сказал:

— Я не блефую, месье Кассе.

— И я не блефую, — парировал я. Игра шла на то, у кого крепче нервы. А поскольку я знал гораздо меньше, чем предполагал мой собеседник, я мог выиграть только за счет этого. — Я не работаю с теми, кто мне угрожает. Я не работаю, когда мне не говорят всей правды. Если вы мне

не нравиться, я тоже с вами не работаю, — продолжил я и издевательски добавил: — Потому что заведение является частным и вам может быть отказано в обслуживании без указания причин.

Мужчина кивнул и ответил:

— Я понял вас. Я покурю, а вы закончите свой обед. И мы поговорим тогда начистоту.

Судя по всему, радоваться было рано. Похоже, я выиграл битву, но война еще и не начиналась. Я принялся поглощать остывший жульен, размышляя, что еще мне могут сказать и каким образом можно попытаться выкрутиться.

Когда я допил кофе и расплатился по счету, мы вышли из кафе и дошли до скамеек на бульваре. Мой собеседник, тщательно разгладив плащ, уселся на одну из них, поближе к пепельницам, и, не прекращая курить, сказал:

— Спустя пару сотен лет нашу планету постигнет экологическая катастрофа. Почти все живое погибнет. А то, что выживет, не сможет возродить жизнь, потому что условий для жизни попросту не останется.

— Я тоже играл в «Фоллаут», ^[2]когда был подростком, — ответил я. Сразу же безоговорочно верить в то, что скажет мне незнакомец, не входило в мои планы. Я собирался разыгрывать недоверие как можно дольше, чтобы вытянуть из моего гостя как можно больше информации.

— Я был бы рад поразвлечь вас, Кассе, но, увы. — Мой собеседник развел руками. — Увы. Это правда.

— И что, вы побывали в будущем?

— В будущем невозможно побывать, поскольку его еще не существует.

— Как же вы тогда об этом узнали?

— Я сам прибыл из будущего. В прошлое, к вам.

— Если вы из будущего, то вас не должно существовать — раз будущего не существует, — возражал я. Я продолжал делать все, чтобы незнакомец объяснил мне как можно больше.

Видите ли, Кассе... Моего будущего не существует для меня, а вашего — для вас. Ваше будущее для меня — настоящее. Поэтому я в нем существую совершенно спокойно.

— А вы не боитесь, что можете так изменить прошлое, что вас самих может вообще не стать? Вот лично вас.

— Не боюсь. Я осознаю свою ответственность... Мы все ее осознаем, — поправился незнакомец. — Смерть все равно приходит, так какая разница, раньше или позже. Для того, кто может путешествовать во времени, понятий «раньше» или «позже» вообще не существует. К тому же лично я уже здесь и теперь не завишу от того, что случится там.

— А для чего вам нужен коллайдер?

— Вы попали в точку, Кассе, — попытался подольститься мой собеседник, но, увидев мою мрачную физиономию, тут же переключился. — В принципе, он нам не нужен.

— Как не нужен? Зачем же вы тогда стережете его? Зачем убираете неудобных для себя ученых? Зачем не даете им работать спокойно?

— В этом вашем «Фоллауте», Кассе, люди пострадали от оружия, которое создали сами. Веками люди соблюдали вооруженный нейтралитет, не зная, что бывает нейтралитет невооруженный. Считается и, видимо, будет продолжаться считаться, что нельзя чувствовать себя в безопасности, если у тебя нет камня за пазухой. Потому что у твоего соседа он наверняка есть. Смотрите сами: любое оружие — уже косвенное средство шантажа. Но до тех пор, пока оружие — пусть атомное, вам так будет понятнее — есть у соседнего государства, никто на него свои ядерные ракеты не поднимет. Потому что в ту же секунду получит сам, да так, что мало не покажется. Поэтому все и соблюдают нейтралитет. Но если кто-то один получит такое оружие,

какого нет у соседа, он окажется в гораздо более выигрышной позиции.

— И такое оружие — адронный коллайдер?

— Да.

— И кого вы намерены шантажировать им? Ведь если вы нажмете на кнопку и создадите огромную черную дыру или повторите Большой взрыв, вы сами погибнете.

— Мы все равно погибнем, Кассе. Я же говорил вам об экологической катастрофе.

— Поэтому вы хотите выжать из настоящего максимум? Пока все не подохли?

— Нет. И вы напрасно злитесь. Вы неправильно меня поняли.

— Я вас правильно понял.

— Нет. Мы хотим заставить мир отнестись к нашим словам серьезно. Мы в действительности хотим изменить наше прошлое, чтобы изменилось ваше будущее. Мы хотим добра, Кассе.

— Каким же образом?

— Если нам удастся заставить... То есть мы обязаны сделать так, чтобы вы прекратили варварски уничтожать свою планету. Здесь все средства хороши. И мы готовы шантажировать человечество адронным коллайдером. Похоже, что другого, более мирного способа нет. И я готов нажать на кнопку и уничтожить планету сейчас. Потому что это лучше, чем та агония, в которой она будет биться в последние годы своей жизни. И не только природа — все человечество.

— Отлично. Благие намерения, которыми вымощена дорога в ад. Вы действительно верите, что сможете шантажировать людей с помощью коллайдера?

— Да. Люди боятся смерти. Но только той, которая произойдет прямо сейчас. Той смерти, которая придет через сотни лет к их потомкам, они не боятся, им это безразлично. Поэтому наша катастрофа — это ваших рук дело в том числе. Если понадобится, у нас будут доказательства того, что коллайдер может создать черную дыру. Если нужно, мы даже сможем устроить несчастный случай, и пара человек исчезнет в черной дыре — для убедительности. Жизнь нескольких человек ради жизни всей планеты ничего не значит.

— Восхитительный план, — издевался я. — А вы не боитесь, что коллайдер будет попросту уничтожен тем же человечеством, на благо которого вы так стараетесь? Кроме атомной бомбы у нас есть другое, более точное и безопасное оружие.

— Коллайдер построен на довольно большой глубине. Это — аналог ядерного убежища, и он выдержит прямое попадание любой бомбы. Его можно с четырех сторон заварить в свинец — он все равно будет работать. Вода, человеческое тело, свет или свинец — черной дыре это безразлично, Кассе.

— Вы верите в то, что у вас хватит сил удержаться и не начать требовать чего-либо еще лично для себя, имея в руках такую силу?

— «Для себя», — передразнил незнакомец, продолжая курить, — мы и просим для себя. И нам не нужны ни «роллс-ройсы», ни счета в банках. Только жизнь. Это гораздо больше, согласитесь, Кассе. И жизнь эту просим мы не для вас: никто из вас и без того не дотянет до гибели мира. Мы просим ее для себя. После того, что я видел собственными глазами, меня уже больше ничего не страшит. Даже черная дыра. По крайней мере, это быстро.

— Когда вы появились в нашем времени, вы договорились с кем-то, ведь так? В одиночку вам было бы не справиться.

— Так. Я говорил с самыми влиятельными людьми мира.

— Но ведь эти люди могли бы повлиять на человечество и без коллайдера, разве не так? У них и без того достаточно силы и власти, чтобы добиться того, чего хотите вы.

— Я так не думаю.

— А я думаю именно так, — возразил я. — Вас попросту использовали в своих целях. Как только с вашей помощью коллайдер попал им в руки. Теперь, когда будет точно установлено, что он может создать черную дыру, вас уберут. Для них вы не человек из будущего, а досадная помеха. Поверьте, я знаю этих ребят получше вашего. Впрочем, и вы должны знать их прекрасно. Потому что не я и не вот тот мойщик окон, — я кивнул в сторону бульвара, — виноваты в вашей экологической катастрофе. Виноваты те самые влиятельные люди, которые владеют промышленностью и прочим, что убивает природу. И как раз они-то и приберут к рукам коллайдер, чтобы получить от человечества то, что нужно им, а вовсе не вам.

Незнакомец слушал не перебивая. По его взгляду трудно было понять, что он думает. Он сохранял прежнее невозмутимое спокойствие.

— Я все же считаю, что мне удастся сыграть по своим правилам. У меня есть козыри, которых нет у них.

— И что же вы хотите от меня? — задал я наконец вопрос, которым мучился с самого начала.

— Я хочу, чтобы именно вы говорили с мировыми правительствами и представителями человечества от нашего имени. Вы правы в том, что понимаете их гораздо лучше, чем я. У вас отлично получится. Вы будете нашим голосом, и вас никто не посмеет тронуть пальцем. Вас будут охранять строже, чем президентов самых крупных держав. Наверняка вам это интересно, Кассе. Вы встретитесь с самыми известными людьми мира. Вас услышат, а через вас и нас.

— Почему именно я?

— А почему бы и нет? Вы и без того достаточно известны, причем именно так, как нам нужно. Вы идеальный кандидат на роль нашего переговорщика. Основная работа начнется через несколько месяцев после того, как коллайдер будет окончательно протестирован. — Незнакомец говорил так, словно я уже согласился.

— Стойте. Я не согласен. Сначала объясните, почему именно я?

— Я уже объяснил вам.

— Нет, я вам не верю. — Внезапно меня озарила неприятная догадка. — Вы хотите договориться со мной заранее, потому что вы не доверяете им. И нет у вас никакого козыря. Вы хотите сделать им меня. Вам нужно, чтобы хотя бы ваш переговорщик играл по вашим правилам, а не по их. И как только я стану переговорщиком, как только объявлю вашу позицию и меня станут охранять, я должен буду пойти против них, защищая только ваши интересы. Я прав?

Мой собеседник молчал. А затем тихо сказал:

— Это и в самом деле опасная игра, Кассе. Гораздо опаснее, чем думаете вы или они. Жажда наживы — это начало конца. Как только вы стали руководствоваться ею, вы пропали. Я не лично вас имею в виду, всех людей. И этим вы виноваты в нашей катастрофе. Эта катастрофа и ваша тоже. Согласитесь вы играть на моей стороне или нет, я найду способ поступить по-своему. Я не смогу вернуться в свое время: наша машина времени больше не работает, а в ваше время ее еще не создали. И за то время, что я здесь, остатки человеческой цивилизации в моем времени на Земле уже, скорее всего, погибли. Для меня смерть уже произошла, и мне нечего терять. Прощайте, Кассе. Больше мы с вами не увидимся. Мне жаль, что вы не захотели с нами сотрудничать. Но я учту ваше мнение по поводу остальных и постараюсь избежать их возможной корысти.

Мой собеседник встал и, расправив свой безупречный плащ, неожиданно некрасиво ссутулился и сунул руки в карманы. Продолжая дымить сигаретой, он исчез за углом.

Я готов был поверить ему. В том, что машина времени существует, я уже убедился. В том, что человечество само роет себе могилу, варварски используя планету и ее природу, я тоже был уверен. Я склонялся к тому, что человек, с которым только что разговаривал, и вправду мог

прибыть из будущего как представитель гибнущего человечества. Но он пошел странным и опасным путем, пытаясь шантажировать оружием. Поразмыслив еще немного, я все же пришел к выводу, что если потомки атлантов и в самом деле помогли этому гостю из будущего завладеть коллайдером, то они вряд ли станут продолжать помогать ему и дальше. Практически все, что ему было нужно — беречь планету уже сегодня, — они могли бы дать ему сами и при желании повлиять на всех людей в мире соответственно.

Чем больше я думал, тем больше во мне крепла уверенность: коллайдер собираются использовать вовсе не в этих целях. Раз коллайдер — оружие, им собираются шантажировать мир, чтобы получить свою собственную выгоду сегодня, сейчас. И эта выгода связана никак не с экологической катастрофой, а только с быстрой прибылью и наживой.

Адронная бомба

Впервые о Большом адронном коллайдере я услышал не от злополучных «Братьев Магдалины», а, разумеется, по телевизору. Или прочел в газете. Или высмотрел в Интернете. Не помню. Но с того самого момента меня не оставляла смутная мысль, что это название я слышу не впервые. Я перебирал в уме все обстоятельства, при которых мог слышать о коллайдере, но мои попытки что-либо вспомнить заканчивались ничем. Я чувствовал, что здесь я найду очередную ниточку. Коллайдер, думал я, где я мог об этом прочитать?

В такси на обратной дороге из швейцарского особняка Каррие в Париж в полудреме я все вспомнил. Я немедленно проснулся и подскочил на сиденье, пребольно стукнувшись головой о потолок машины. Я искал не там, вернее, не то. Слово из этой связки, которое я слышал раньше, было «адронный», а вовсе не «коллайдер».

Несколько лет назад, если вы помните, случился громкий скандал: группа хакеров от нечего делать взломала сайт Пентагона. Американские военные на весь мир заявляли, что ничего ценного не пропало, однако подняли на поиски хакеров чуть ли не весь Интерпол. Я тогда оказал ребятам ценную услугу, а взамен получил копии тех файлов, которые им удалось вытащить с секретных серверов. Я обращался к этим документам не один раз во время своих предыдущих расследований. И когда я читал об «отделах перспективного вооружения», то среди прочего, нужного мне тогда в расследовании, я прочел и об адронной бомбе. Кроме названия, признаться, я не помнил ничего. И первым делом, добравшись до офиса, я ринулся к компьютеру и принялся рыться в файлах. Через десяток минут я обнаружил нужный. В нем говорилось:

Подразделение «Е» службы контроля разработок новейшего оружия. Справочные файлы 1 и 2. Только для внутреннего пользования. Адронная бомба — одна из побочных разработок отдела «МК-1674». Содержит тяжелые протонные частицы. Механизм детонирования: столкновение протонов при сверхвысоких скоростях, вызванное разрушением оболочки первой ступени электромагнитным детонатором с дистанционным управлением; возможен также механизм детонации от датчика удара. Элементы бомбы: протонная камера, ускоритель частиц, вакуумная труба, детонатор, датчик, инфракрасный элемент. Механизм поражения: неуправляемая цепная реакция захвата окружающей материи, ограниченная скоростью движения протонных пучков и мощностью энергии столкновения. Выделяемая радиация: 0 рентген. Достоинства: не указано. Недостатки: крупные габариты (опытный образец свыше 11 метров в длину). Время испытаний: 11 мая 1954 г., 23 июля 2001 г. Место испытания: см. файл 18 отдела «МК-1674».

Вам ничего не напоминает описание этой бомбы? Нет? Значит, вы невнимательно читали

первую главу, в которой я только-только познакомился с Большим адронным коллайдером и живописал его устройство. Так вот, огромный прибор, закопанный под Швейцарией, состоит из ускорительного вакуумного кольца длиной 27 километров, различных механизмов, которые захватывают и ускоряют частицы, а также регистрирующей аппаратуры. Если выбросить регистрирующую аппаратуру, которая бомбе ни к чему, и заменить ее детонатором, а также укоротить вакуумное кольцо — бомба все-таки, не здание, — мы получим... ту самую адронную бомбу. Недостатком которой являются, кстати, ее большие габариты.

О том, что это оружие сверхсекретное, говорит уже хотя бы тот факт, что никто в мире никогда о подобном не слышал. Я проверил в Интернете — ни одной ссылки. После этого я позвонил двум знакомым историкам, специализировавшимся на вооружениях двадцатого века. Один из них после недолгих размышлений сказал:

— Я думаю, Этьен, ты что-то путаешь. Ни о чем таком я не слышал. Где и когда такая бомба могла испытываться, я тоже не знаю. Из всего такого мне приходит в голову только атомное оружие. Проверь, не связано ли это как-то.

Я попытался проверить. Файл за номером 18 из архивов Пентагона хакерам не достался. Следовательно, не достался он и мне. Но отдел со скромным, кодовым названием «МК-1674» был ни больше ни меньше как департаментом Пентагона по контролю за разработками атомного оружия. Похоже, мой знакомый историк попал в точку. Порывшись все в тех же записях, скопированных с сервера американцев, я обнаружил материалы об испытаниях атомного оружия Штатами.

С 1946 по 1962 год США испытывали свое ядерное оружие в акватории Тихого океана в районе атоллов с веселенькими названиями Бикини и Эневейток. Раньше они были территорией, принадлежащей Штатам, а теперь это Маршалловы острова. Тихоокеанский испытательный полигон включал в себя собственно два этих атолла, а также зону вокруг них. Выбор этих атоллов неслучаен: на Маршалловых островах почти всегда хорошая погода, да и людей там почти совсем нет. Большинство судовых и авиалиний проходят вдалеке от этих островов, да к тому же они находятся относительно недалеко от крупной военной базы США в Тихом океане — атолла Кваджалейн.

Спутниковую карту атоллов Бикини и Эневейток я скачал из Интернета. Ничего особенного на ней не было. Я дал Софи задание найти и привести в читаемый вид всю доступную информацию об этих атоллах. Мне вовсе не улыбалось сидеть на сайтах туристических компаний, которые лидировали во всех поисках, содержащих слова «атолл» или «Маршалловы острова». И я не прогадал. Женская наблюдательность и кропотливость иногда обыгрывают самый прозорливый мужской ум.

Впрочем, поручив Софи изучать географию, я вовсе не отправился развлекаться. Сам я тоже погрузился в файлы, полученные из Пентагона. Я искал результаты испытаний адронной бомбы, о которых говорилось в справочном файле.

Спустя два часа Софи зашла ко мне с отчетом. Я продолжал просматривать файлы, а потому попросил ее зачитать вслух то, что она нашла. Софи прочла:

Маршалловы острова до 1986 года находились под протекторатом США. В настоящее время входят в состав Микронезии, составляя ее восточную часть. Они лежат на полпути от Гаваев до Папуа — Новой Гвинеи. Их суммарная площадь составляет 181 квадратный километр. Количество островов — 1152. Острова тянутся двумя параллельными цепочками — восточной и западной. Оба атолла — Бикини и Эневейток — входят в западную цепочку.

Атолл Эневейток состоит из 47 коралловых островов. Остров Эневейток из них самый большой, но и его площадь только 5 квадратных километров. Атолл Бикини находится на 270 километров восточнее Эневейтока и состоит из 26 островов, довольно далеко разбросанных

друг от друга.

Оба атолла — Эневейток и Бикини — в 1940–1960-е годы служили полигоном для ядерных испытаний США..

— И знаешь что, Этьен... — вдруг неуверенно сказала Софи, — об атолле Бикини... Я нашла кое-что странное. Вот спутниковая карта, которую я скачала из Интернета только что. На ней 26 островов. То же самое говорится и во всех свежих географических справках об атолле. Но в моем географическом словаре сказано, что там было 27 островов. И там есть карта. И словарь не такой старый — 1998 года. Знаешь, Этьен, это не может быть опечаткой. Я сравнила карты. Там даже указано имя острова. Так вот, на той карте он есть. Д на спутниковой карте нет. Вот он, смотри. Остров Энистер.

Я взглянул в словарь. Палец Софи упирался в один из островков круглого, словно отпечаток копыта, атолла. Рядом было указано название. Островок был не из самых маленьких. Затем Софи подсунула распечатанную спутниковую карту. На ней не было ни островка, ни названия. В месте, где должен был быть островок, синела вода. Глубина воды, судя по отметкам шкалы, указанной на карте, была от десяти до двадцати пяти метров. Я поручил Софи на всякий случай проверить все еще раз, а сам сел писать письмо в Институт океанографии и океанологии Маршалловых островов. Электронный адрес я с легкостью нашел в Интернете. Я сообщил, что пишу книгу о загадках Тихого океана и Микронезии, и запросил информацию по атоллу Бикини за последние 10 лет. Среди прочего я поинтересовался островком Энистер, сославшись на географический справочник и спутниковую карту. Отправив письмо, я продолжил просматривать файлы в поисках упоминания об адронной бомбе или результатах ее испытаний.

Удача в этот раз посмеялась надо мной, и я обнаружил хоть сколько-нибудь значимую информацию только в одном из последних файлов списка. Здесь речь шла об испытаниях атомного оружия в 1954 году Штатами на островах злополучного атолла Бикини. Эта операция получила кодовое название «Перекресток»:

Для проведения испытаний в рамках операции «Перекресток» на атолл Бикини, Маршалловы острова, с 1946 по 1954 год прибыло 242 морских судна, 156 самолетов, 25 тысяч устройств для замера радиации, более 5,5 тысячи подопытных животных. В испытаниях с 1946 по 1960 год принимали участие более 42 тысяч военных и штатских.

В марте 1946 года коренное население атолла Бикини в полном составе было эвакуировано на атолл Ронгерик с полным запасом продовольствия на 8 недель.

С 1946 по 1958 год на атолле Бикини были взорваны 23 атомные и водородные бомбы.

Самый мощный взрыв был произведен 1 марта 1954 года. Тип: водородная бомба. Тротильный эквивалент: 15 мегатонн. Кодовое название Shrimp. Размер ядерного «гриба» составил 4 мили в диаметре. В результате взрыва полностью испарился остров, на котором проводилось испытание. Помимо этого, были частично уничтожены два соседних острова. В лагуне атолла Бикини образовался кратер глубиной 70 метров и диаметром 1,8 километра. Сила ураганного ветра от взрыва составляла в эпицентре до 60 м/с. Нулевая скорость ветра была зафиксирована только на расстоянии свыше 480 километров от атолла. Взрыв вызвал землетрясение силой 6 баллов по шкале Рихтера в радиусе 45 километров от эпицентра.

В результате взрыва 64 человека, находившихся на атоллах ронгерик, Ронгелап, Айлингинае и Утирик, получили дозу облучения в 175 рентген. Экипаж японского судна «Пятый удачливый дракон» (23 человека) получил дозу в 300 рентген. Служебный персонал на атолле Бикини получил дозу в 320–350 рентген. Командующий операцией со стороны США генерал Харрис был заблокирован в наблюдательном бункере на острове Нан атолла на трое суток, пока радиационный фон не упал до 250 рентген в час.

Зона отчуждения вокруг атолла была расширена до 2 миллионов квадратных километров,

диаметр круга отчуждения — 800 километров.

Вследствие лучевого загрязнения было затоплено 46 из 73 обеспечивающих кораблей. Погибло 1267 американских граждан, в том числе 382 штатских.

Таков был взрыв водородной бомбы 1 марта 1954 года. Судя по всему, спустя примерно 70 дней на атолле Бикини Штатами было проведено испытание секретной адронной бомбы. Но кому могло прийти в голову испытывать на уже почти полностью уничтоженной и зараженной радиацией территории еще одну бомбу? Очевидно, еще более секретному подразделению, чем ВВС и ВМФ американцев, которые упражнялись на атолле, играя в атомную войнушку. Этот факт так и остался бы моей догадкой, если бы дальше по ходу того же документа о результатах проекта «Перекресток» я не наткнулся на несколько коротких строчек. Они гласили:

11 мая 1954 года. Подразделение, проводившее эксперимент: команда «Е», департамент «МК-1674». Место эксперимента: атолл Баунти, остров Энистер, десантная баржа «ВК-809». Результаты эксперимента: в результате взрыва погибли 2 человека, в том числе 2 штатских, уничтожена десантная баржа, служившая местом эксперимента. Радиационное загрязнение: 0 рентген. Место захоронения останков погибших: не существует. Место затопления судна: не существует.

Дата неизвестного «эксперимента» полностью совпадала с датой испытания адронной бомбы согласно найденному мной файлу. И если вспомнить уже почти доказанный факт, что Большой адронный коллайдер может создать черную дыру, способную повредить планете, то... коллайдер в миниатюре — адронная бомба — вполне мог создать миниатюрную же черную дыру, которая поглотила двух человек и десантную баржу, после чего, по теории черных дыр, распалась. Причем люди, проводившие эксперимент и оказавшиеся в его эпицентре, судя по всему, были штатскими.

Было ли это испытание адронной бомбы удачным? Думаю, что отчасти да. Бомба доказала свою разрушительную силу. А островок остался стоять. Но то ли мощность взрыва оказалась не той, которую ожидали, то ли бомба сработала не вовремя, убив ученых, но до следующего испытания прошло 45 лет. И я практически уже знал наверняка, что получу в ответ на свой запрос о судьбе острова Энистер атолла Бикини.

Ответ пришел через пару дней. За это время Софи проверила все карты атолла, которые ей удалось достать. Подтвердилось, что на картах, выпущенных ранее 2001 года, Бикини состоит из двадцати семи островов. На картах же, выпущенных после 2001 года, — из двадцати шести. Мне оставалось только получить последнее подтверждение этой своей догадке. Ответ из Института океанографии и океанологии Маджуру, столицы Маршалловых островов, помимо информации, не относящейся к острову Энистер, содержал следующее:

Что касается острова Энистер, то с сожалением сообщая Вам, что его действительно больше не существует. Территория атолла Бикини является зоной отчуждения и подлежит контролю силами Правительства Маршалловых островов. Также в контроле над окружающей средой принимает участие организация Greenpeace. Именно наблюдателями этой организации при обследовании атолла Бикини в августе 2001 года была замечена пропажа одного из островов.

Предположительно остров погрузился в воду в середине 2001 года вследствие какого-то природного катаклизма. Безусловно, подобные явления чрезвычайно редки, однако мы считаем, что это может быть следствием проводившихся на этих территориях ранее испытаний ядерного оружия. Возможно, остров провалился в карстовую пещеру, стенка которой была полуразрушена одним из взрывов. А спустя десятилетия она была окончательно подточена водой и обрушилась.

Наше измерительное оборудование не зафиксировало в 2001 году никаких аномалий — ни

урагана, ни цунами, ни землетрясения, ни извержения вулкана, — которые могли быть причиной пропажи острова.

Группа аквалангистов, обследовавшая остатки этого острова в сентябре 2001 года, обнаружила и зафиксировала на его месте совершенно голые, лишённые подводной растительности и песка камни на глубине 15–25 метров. Срез камней был довольно ровный, хотя, возможно, это результат воздействия океанской воды. Спустя семь лет с того момента место, на котором находился остров Энистер, занесено песком и с трудом отличается от прочей поверхности дна лагуны атолла.

Также хочу добавить, что повышения радиационного фона в 2001 году зафиксировано не было, так что считаю возможную версию о повторных испытаниях атомного оружия невозможной.

Письмо было подписано «главным специалистом группы океанографии».

Итак, концы сошлись с концами. С 1950-х годов и до конца XX века США разрабатывали аналог атомного оружия — бомбу, способную стирать с лица земли все, что требовалось, невероятно мощную, но не оставляющую после себя губительный радиационный фон. Вообще ничего после себя не оставляющую.

Я представляю себе этот день: 23 июля 2001 года, пятница. Прошло почти сорок лет после окончания ядерных испытаний. Согласно «политическому завещанию» США от 1985 года, когда они «отпускали на волю» истерзанные бомбами и ненужные больше Маршалловы острова, «в строгом соответствии с конституционными процессами», вся мера ответственности «за потери, повреждения и ущерб, связанные с любым видом деятельности по отношению к затопленным в ходе... испытаний... кораблям, оборудованию и прочее...» была отнесена на счет Правительства Маршалловых островов. Все же это радиоактивное имущество было подарено щедрой американской администрацией народу славного атолла Бикини. Так вот, в одну из тихих июльских пятниц 2001 года, когда я, скорее всего, сидел в каком-нибудь душном кабинете в Париже и писал очередную статью, в лагуне атолла Бикини не было ни ветерка. Ласковое солнышко пригревало своими лучами радиоактивный песок островка Энистер и резвившихся на мелководье радиоактивных рыбок. Радиоактивные пальмовые крабы боком подбирались, соответственно, к радиоактивным пальмам. Ничто не предвещало беды. Но, как мы знаем из всех фильмов ужасов, в такой беспечный день как раз и случаются самые жуткие злодеяния. И вот к атоллу Бикини тихо-тихо подплывает американский военный корабль. На атолле Бикини никто не живет, и тем, кто спускается с этого корабля и садится в шлюпки, это только на руку. В одной из шлюпок — длинный металлический ящик. Вероятно, он тяжелый, потому что шестеро дюжих матросов тащат его с трудом и с величайшей осторожностью. Ящик устанавливают посередине островка Энистер, ученые колдуют над ним некоторое время. Потом вся команда садится в шлюпку и уплывает назад, на корабль. Все спешат и молчат. Корабль снимается с якоря и уплывает на безопасное расстояние. Скажем, километров на двадцать — тридцать. Там он становится на якорь. Включается измерительное и записывающее оборудование. Где-то на орбите Земли над атоллом Бикини парит американский военный спутник, который фотографирует происходящее из космоса. Самые важные лица в военных мундирах хватаются за бинокли, ученые нажимают свою кнопку. Что-то происходит. Скорее всего, это длится не больше минуты. Затем записывающее оборудование выключается, корабль снимается с якоря и уходит в сторону американской военной базы на атолле Кваджалейн. Не было никакого «гриба» от взрыва, хотя бы чуть-чуть похожего на ядерный. Не было ни урагана, ни землетрясения. Не повысился и без того высокий радиационный фон. Только на месте островка катятся спокойные волны океана. Нет больше песка, крабов, рыб и радиоактивных кокосовых пальм. Не осталось ничего из того, что должно было быть уничтожено. Черная дыра появилась, поглотила все, что

должна была поглотить, и, к счастью для всех, распалась. Эксперимент был признан удовлетворительным: адронная бомба как оружие состоялась. Возможно, многие из тех, кто проводил или наблюдал эксперимент с адронной бомбой, спустя короткое время умерли от загадочной болезни, или трагически подавились косточкой от вишни и задохнулись, или же попали в автомобильную катастрофу. Ставки в этой игре были слишком велики. Судя по всему, оружие было сверхмощным и уникальным.

Но почему же тогда Штаты не продолжили разработку адронной бомбы? Или продолжили? И Большой адронный коллайдер, закопанный в недрах Европы, есть не что иное, как подобное оружие?

В июле 1954 года, после первого взрыва водородной бомбы на атолле Бикини, Вашингтон, пытаясь сделать сладкую мину, при помощи журнала The Time, утверждал:

Ни одно из этих испытаний не планировалось как спектакль и не собиралось демонстрировать миру, насколько мощным оружием является атомная бомба. Ни одно из них не было призвано произвести дипломатический или политический эффект. К тому же разрушения, которые получила группа военных кораблей ВМС США, разделенных значительным водным пространством с полигоном испытаний, вряд ли можно считать захватывающим зрелищем...

После этого насквозь лживого и лицемерного заявления весь мир насторожился. Начался долгий век холодной войны и еще более долгие годы ядерной истерики, длящейся и по сегодняшний день.

Вне всякого сомнения, та политическая цель очевидна и созвучна речи премьера Великобритании, прозвучавшей тремя месяцами раньше в Фултоне, США. Именно эта речь и положила начало холодной войне. Советскому Союзу, не погибшему во Второй мировой войне, а, наоборот, только укрепившему свои позиции в мире, необходимо было показать, кто в доме хозяин. США «стукнули водородным кулаком по столу». А заодно и посмотрели, как выдержат орудия «обычной» войны — корабли всех мастей и размеров — удары атомных бомб. Оказалось — никак.

И как бы мне ни хотелось думать иначе, постоянные заверения ЦЕРНа в безопасности Большого адронного коллайдера, равно как и его непричастности к созданию черных дыр и повторению Большого взрыва, очень сильно напоминают мне цитаты из американского The Time за июль 1954 года.

Меня не оставлял вопрос: неужели за все то время, что Штаты разрабатывали адронную бомбу, — около пятидесяти лет — они ни разу не испытали ее в боевых условиях? Я в это не верил. Возможно, конечно, Пентагон не хотел «засвечивать» это оружие, пусть даже всем стало бы известно, что оно уникально. Возможно, его важнее было сохранить в секрете, пользуясь им тайно, тем более что в радиусе поражения точно не останется ни одного выжившего, который мог бы кому-то рассказать о таких чудесах.

Судя по всему, испытание адронной бомбы на атолле Бикини в июле 2001 года было признано успешным. Ближайшей к этой дате военной операцией, которую проводили Штаты, была операция «Несокрушимая Свобода» против движения Талибан в Афганистане. Она началась вечером 7 октября 2001 года. Первый удар нанесли 40 боевых самолетов, а ВМС США выпустили более полусотни крылатых ракет со своих кораблей. Система ПВО талибов была выведена из строя практически сразу.

Информация об этой войне, которую получал мир, исходила либо от британских и американских официальных источников, которым лично я не верил, либо от катарского телеканала «Аль-Джазира». Журналисты этого телеканала были единственными, кому талибы позволили работать в Афганистане. К концу ноября под контролем талибов оставался только

город Кандагар, сердце движения «Талибан». 25 ноября 2001 года Штаты высадили в Афганистане свой первый крупный десант. На следующий день после того, как тысяча морских пехотинцев США разбили на месте высадки лагерь, к нему выдвинулась колонна бронетехники талибов. Тут-то и начинается самое для меня интересное. По официальной версии, эта колонна была уничтожена вертолетами, высадившими до этого десант морпехов.

В то же время телеканал «Аль-Джазира» сообщил, что к тому моменту, как было замечено движение колонны талибов, возле лагеря оставался только ОДИН вертолет АН-1W. Колонна же бронетехники состояла как минимум из двух десятков машин, половина из которых имела техническую возможность сбить вертолет. Но тем не менее, по сообщению «Аль-Джазиры», вся колонна была «стерта с лица земли» несколькими выстрелами с вертолета. Как говорилось в репортаже «Аль-Джазиры», не осталось ни обломков, ни тел погибших.

Логично предположить, что недавно испытанное на полигоне оружие — адронная бомба — будет испытана и в военной обстановке, причем как можно скорее, чтобы в ее эффективности не оставалось сомнений. Возможно даже, что некоторые стратегически важные для США операции в Афганистане действительно проходили под прикрытием авиации, которая обладала подобной бомбой, но не пускала ее в ход за ненужностью. Указанная же ситуация с колонной бронетехники талибов была критической, и лагерь морских пехотинцев необходимо было сохранить, чтобы продолжить продвижение на Кандагар и дальше, в горный район Тора-Бора, где, по данным разведки, скрывался Усама бен Ладен.

Обратимся к воспоминаниям одного из морских пехотинцев, Джонни Фрэнкса, который был в составе десанта, сброшенного 25 ноября 2001 года. Получив серьезное ранение, солдат вернулся в США. Дома он вел интернет-дневник, где описывал войну, но, несмотря на свое ранение, утверждал, что «нет ничего непобедимее американской армии». В пример он приводил случай, как один вертолет отбил от целой колонны бронетехники. Джонни писал так:

Нам было приказано не покидать лагерь. Поэтому мы наблюдали за происходящим оттуда. Мы увидели, как вертолет поднялся в воздух и завис над дорогой, по которой шла колонна, очень низко. Мы подумали, что это ошибка и что его непременно заденет снаряд с земли, даже снайпер. Когда техника подошла ближе и приготовилась вести по вертолету огонь, люк вертолета раскрылся и оттуда появился странный раструб, по виду похожий на сопло. Мы увидели, как из сопла вылетела белая вспышка, затем все вокруг нас почернело. Несколько человек схватились за глаза и упали на землю. Я думаю, что в глазах потемнело от яркого света. Когда мы, снова начав видеть, посмотрели в сторону колонны, мы не увидели там ничего, кроме возвращавшегося целого и невредимого вертолета.

Больше дюжины единиц бронетехники были уничтожены за одно мгновение! Как после этого можно спорить с тем, что мы непобедимы!

Некоторое время спустя после своего возвращения Джонни Фрэнке покончил с собой. Знакомая история, да? Конечно, вернувшийся с войны молодой парень без одной ноги мог впасть в депрессию и застрелиться. Но Джонни, прославлявший американскую армию, стреляться явно не собирался. Не собирался он и глотать снотворное. А ведь он якобы покончил с собой именно так. Но разве это достойная для настоящего морского пехотинца смерть?

Эту информацию я собрал пару лет назад, когда писал одну из своих предыдущих книг. Она мне тогда не пригодилась и лежала, ожидая своего часа. Часто приходится отделять зерна от плевел, не подозревая, что названное сегодня плевелом завтра Окажется самым настоящим зерном.

Как ни крути, выходило, что адронный коллайдер был оружием. Или мог им быть в руках тех, кто хотел использовать его таким образом. Но на этом мои версии не заканчивались. Я должен был отыскать правду.

Глава 5

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. НОВОЕ НАЧАЛО

Телефон на столе буквально разрывался. Когда я поднял трубку, это оказалась Софи. Неужели не пройти два метра и не сказать лично? Меня раздражали эти звонки каждые пять минут по пустяковым вопросам. Но на этот раз Софи хотела соединить меня со звонившим.

— Этьен, тебя спрашивает Макс Эндгер, — сообщила она.

Странно, почему Макс не позвонил на мой личный номер? У меня тут же появилось нехорошее предчувствие в последнее время я отчего-то очень не люблю неожиданности. Поэтому я попытался говорить нарочито бодро и весело.

— Привет, Макс! Ты еще не сгинул в черной дыре? — пошутил я.

— Э... нет, — неуверенно ответил мой друг, не поздоровавшись. Кроме его голоса в трубке были слышны помехи и громкие шумы, как будто Эндгер звонил из телефона-автомата.

— А почему ты не позвонил мне на мобильный? — встревожился я.

— Ну... видишь ли, Этьен... Я потерял свою трубку. Да, я ее потерял, — ответил Макс торопливо и тут же быстро заговорил, как бы опасаясь, что я его перебею: — Мне надо с тобой встретиться. Помнишь, где мы встречались в последний раз? Так вот, там же, в гостинице через дорогу.

В трубке слышались короткие гудки. Я еле успел разобрать последние слова Эндгера. Кажется, мое дурное предчувствие оправдывалось полностью. Я немедленно выскочил из офиса, сел в машину и помчался в кафе, где совсем недавно я злил Макса своими глупыми вопросами о коллайдере.

«В последнее время я слишком многое делаю на бегу, — размышлял я, — не староват ли я уже для этого?» Внезапно мои мысли прервались новой тревогой, от которой между лопаток побежали гадкие струйки холодного пота: «Я ведь могу не успеть, могу опоздать, и его убьют так же, как Шарля Марше, как до него исчезали без вести и погибали мои друзья и люди, которые что-то знали». А Макс был и моим другом, и человеком, который достаточно много знал. Я чувствовал, что он собирается мне сообщить нечто, напрямую связанное с коллайдером. И что Макс очень боится. И он не потерял свою трубку, а выбросил, боясь, что его найдут по ее сигналу. Я не помню, о чем еще я думал, буквально на каждом перекрестке нарушая правила дорожного движения и превышая скорость на коротком отрезке шоссе, соединяющем Париж с пригородным университетским городком. Однако к дому напротив кафе я подъехал степенно и аккуратно, стараясь не привлекать лишнее внимание.

Я припарковал машину чуть поодаль и прошел в дешевую гостиницу, где, видимо, и ждал меня Макс. Не успел я закрыть за собой дверь, как горничная, сучавшая возле стойки, подскочила ко мне и цепко ухватила за локоть.

— Месье из Германии в восьмом номере. Он велел вас ждать и, как только вы объявитесь, тут же проводить к нему. Месье чем-то расстроен, и...

Я, не дослушав, сунул девушке банкноту и поспешил по коридору в указанную мне сторону. В подобной ситуации чем больше дашь чаевых, тем больше вероятность, что потом прислуга не станет болтать. Хотя бы из благодарности. Хотя кто знает...

У двери в восьмой номер я замер и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука. На всякий случай я встал сбоку и, протянув руку, постучал костяшками пальцев.

— Макс? Это я, Этьен.

Ответа не последовало. У меня засосало под ложечкой, мои дурные предчувствия, похоже,

оправдывались. На всякий случай я постучал еще раз и назвал Макса прозвищем, которым дразнил в школе. На этот раз ключ в двери повернулся и она чуть приоткрылась. Я толкнул ее, чтобы войти, но рука Макса тут же цепко ухватила меня за ворот и быстро втащила внутрь. Макс тут же запер дверь и подпер ее тяжелым креслом. В комнате царил беспорядок. Горел верхний свет, абажур с лампочки был сброшен и валялся на полу. От этого комната казалась еще более неудобной. Единственное окно было до половины забаррикадировано комодом. На комод громоздились журнальный столик и пара стульев. Сам Макс, в куртке и ботинках, сидел на кровати, в руке у него был пистолет, которым он начал размахивать в мою сторону, пытаясь одновременно что-то взволнованно объяснить.

У меня совсем небольшой опыт общения с людьми с душевными расстройствами. Пожалуй, он полностью исчерпывается визитом, к Жоржу Саби, когда я, признаться, позорно пролетел по всем пунктам и почти ничего не узнал. На этот раз мне очень не хотелось ошибиться, учитывая пистолет. Я заговорил мягко и спокойно, пытаясь апеллировать к остаткам здравого смысла Макса:

— Здравствуй, Макс, я очень рад тебя видеть. Пожалуйста, перестань тыкать в мою сторону своим пистолетом, меня это нервирует.

— Ах да. — Макс опустил пистолет, нервно поглядывая на окно. — Этьен, я тоже очень рад, что ты до меня добрался.

— Послушай, Макс, — продолжил я, воодушевленный успехом, — почему бы тебе совсем не убрать эту штуковину? Она может быть опасна, в особенности когда нервничаешь.

— Нет, — взвизгнул Макс, и от этого звука мне стало совсем не по себе. — Не уберу. Они придут сюда и убьют меня, как... как...

Губы Макса задрожали, он повернулся, и тусклый свет лампочки осветил его лицо. Оно было бледным и измученным. Левая бровь рассечена, запекшаяся кровь размазана по лбу. Глаза красные, а веки опухшие, как будто Макс несколько суток не спал. Он был без очков, отчего неприятно щурился.

— Успокойся, Макс. Сюда никто не придет. Сюда пришел я, и я тебе помогу.

Кажется, Макс стал понемногу приходить в себя. Видимо, напряжение последних дней совсем измотало его, и он бессильно опустился на кровать.

— Этьен, ты должен смотреть за дверью. И за окном. Возьми мой пистолет и не отвлекайся ни на секунду. Я должен немного поспать, иначе сойду с ума. А потом я все тебе расскажу.

Я взял пистолет и сделал вид, что нацелился на дверь. Только тогда Макс успокоился и забылся в той же позе, что и сидел, вжавшись в стенку, как загнанный зверек. Как только он закрыл глаза, я осмотрел оружие. Это был газовый пистолет, переделанный под боевой, причем весьма неплохо. Я аккуратно поставил его на предохранитель и положил рядом с собой на кровать.

«Наверняка — рассуждал я, — Макс не сошел с ума. Он просто вымотался. Вероятнее всего, кто-то его чем-то сильно напугал. Думаю, что это связано с коллайдером. Узнаю точно, когда Макс проснется. Он бежал из Германии сюда, в Париж, ожидая от меня помощи. И я должен ему эту помощь оказать, в чем бы она ни выражалась. Может быть, придется не только просто выслушать его, но и укрыть от Интерпола или спецслужб».

И то и другое я мог сделать. Прежде всего я решил вывезти Макса в Париж. Однако если те, кто следил за ним, нашли, где он находится, то вывести его отсюда будет не так-то просто. От дверей гостиницы до парковки не меньше пятидесяти метров совершенно пустого газона. Черт бы побрал эту немецкую аккуратность парижских пригородов! Если же у Макса была паранойя, я в первую очередь должен был сделать так, чтобы он не психовал еще больше. Стараясь не разбудить Макса, я нашел в номере телефон и позвонил портье.

— Извините, пожалуйста, месье, вежливо осведомился я, — у меня к вам... Э-э-э... — я изобразил смущение, — очень необычная просьба.

— Да, — невозмутимо ответил портье. Скорее всего, он ожидал, что я попрошу в номер выпивку, легкие наркотики или, может быть, девочек.

— Дело в том, что мне очень понравился ваш шкаф. Я ищу себе именно такой. Не мог бы я, как бы это сказать... купить его у вас?

— Шкаф? — Портье заинтересовался. — Месье желает платяной шкаф?

— Да, — подтвердил я.

— Ну... обычно мы не продаем мебель.

— Это не обычный случай, — сказал я, — прошу вас, сделайте для меня исключение.

— Ну... в порядке исключения для месье... Мы можем оформить так, будто вы его сломали.

Тогда он будет стоять вам... двести двадцать евро, месье.

— Я заплачу наличными и заберу его сегодня.

— Вызвать для месье машину? — поинтересовался портье. Он снова был невозмутим.

— Нет, спасибо, — отказался я, — я сам все устрою.

Договорившись насчет шкафа, я позвонил в контору грузовых такси и вызвал фургон на адрес гостиницы. Затем я сел и стал ждать, пока Макс проснется. Спустя полчаса он резко вздрогнул и открыл глаза. Вжавшись в стену, он дико огляделся по сторонам, затем взгляд стал более осмысленным, и он сел.

— Здравствуй, Макс, — успокаивающе сказал я.

— Здравствуй, Этьен, — ответил Макс вполне миролюбиво.

— Как ты поспал?

— Поспал, и слава богу, — хмуро пробормотал мой приятель и принялся приводить свою шевелюру в порядок.

— Брось это дело, — сказал я, — мы скоро отсюда уходим.

— Мы не можем уйти, — всполошился Макс, — я уверен, что они следят за домом.

— Можем, — успокоил я его. — Я придумал, как вытащить тебя отсюда. Для этого я купил целый шкаф за двести евро и заказал грузовое такси. Мы притащим тебя в Париж, а уж там придумаем, что с тобой делать. Кому ты насолил-то и чем? — небрежно спросил я, сделав вид, что поинтересовался этим так, между прочим, а сам замер в ожидании ответа, — Коллайдер, — устало выдохнул Макс. Итак, сбылись мои худшие опасения. Если бы он перешел дорогу гангстерам, торговцам наркотиками, да хоть террористам, было бы ясно, где его прятать. Но где можно спрятать человека от тех, о ком даже толком ничего не знаешь?

— Что «коллайдер»? — спросил я, возможно, чуть более нетерпеливо, чем следовало.

И Макс тут же взял себя в руки.

— Если я тебе расскажу, то в этом шкафу-гробу ты вывезешь меня прямоком в сумасшедший дом, — ответил он, — а не к себе в Париж.

— Ты знаешь меня двадцать шесть лет, Макс Эндгер, и хорошо же ты обо мне думаешь, — упрекнул я своего приятеля. Все же требуется огромное терпение, чтобы разговаривать с теми, кто повредился рассудком. Пусть временно, пусть от страха, и даже не так сильно, но все же.

— Я прочел несколько внутренних документов, которые касаются коллайдера, — наконец признался Макс.

— Ну и что? Ты же сам работаешь в ЦЕРНе, ты имеешь на это право.

— Формально имею, а на самом деле они никак меня не касались. И не касались никого из тех, кого я знаю. Это... это заговор, Этьен. Это махинация. Я смеялся над теми, кто писал мне тысячами панические письма, называл эти письма бредом. И вот, похоже, сейчас я сам брежу, Этьен. Они застучали меня, когда я пытался переснять документы камерой своего мобильного.

Не знаю, зачем я стал это делать. Мне надо было сразу же унести ноги, а я так сглупил! Не знаю, как мне удалось бежать. Думаю, это потому, что я не был ведущим сотрудником и у них заняло больше времени, чем они думали, чтобы навести обо мне справки: выяснить, где я живу, на чем езжу и так далее. Когда... когда я пришел домой, они уже обшарили там все. Они убили мою собаку и нашу консьержку... Мне удалось сбежать довольно далеко, но, видимо, они предупредили. полицию, и недалеко от Мюнхена меня остановили. Я подрался с полицейским, ударил его по голове и приковал наручниками к машине. Я... я уверен, что не убил его, я проверил перед тем, как уехать. Я бы не смог жить, зная, что убил невинного... — Макс снова стал озираться по сторонам.

— Ты молодец, Макс, — успокоил я его, — ты поступил правильно.

— Весь день я скрывался в забегаловках в Мюнхене, совсем не спал. Затем ночью украл номерные знаки с одной из припаркованных машин и прикрутил на свою. Так я доехал сюда. Я бросил машину в самом начале пригородов и добрался сюда пешком.

— Ты все сделал правильно, Макс. И я тебя вытащу.

В этот момент в дверь постучали. Макс подпрыгнул на кровати и зажал рот руками. Но это оказался портье.

— Это вы вызвали грузовое такси, месье? — поинтересовался он.

— Да, — ответил я, жестами показывая Максу на шкаф. Пока он забирался туда, я возился, отпирая дверь. Затем я отдал портье за шкаф двести евро, деньги за комнату и кое-что еще сверху. Мы погрузили шкаф с Максом в фургон, и я дал водителю адрес офиса нашего агентства. Я понимал, что рано или поздно мой трюк обнаружат и они выйдут на «СофиТ». Но тогда дело будет уже сделано, Макс будет далеко, а у меня будет железное алиби. Поэтому я не особо переживал. Фургон тронулся в сторону Парижа, а я сел в машину и пристроился furgону «на хвост». Вроде все шло по плану.

На полпути к Парижу нам навстречу пронеслась пара воющих сиренами пожарных машин. Я был несколько расслаблен оттого, что все получилось, поэтому не обратил на них особого внимания. Днем позже я услышал по радио в местных новостях о пожаре в одной из пригородных гостиниц. Огнем было объято все здание, погибло одиннадцать человек. В тот день мы опередили преследователей Макса всего на какую-то пару десятков минут. Но дело, как я и надеялся, к тому моменту уже было закончено. Макс летел по фальшивому паспорту из Парижа в Гонконг, На середине пути, во время одного из приземлений, кажется, в Бангкоке, он должен был выйти и сменить самолет на... Впрочем, не помню я таких тонкостей. В конце концов, билетами занимался не я. Кажется, он должен был лететь куда-то в Штаты. Или, может быть, в Австралию. Или в Южную Африку. Я не помню. В последнее время меня стала подводить память. Зато я точно помню, о чем мне рассказал Макс перед тем, как я отвез его в аэропорт.

Остаток той ночи мы сидели в агентстве и курили прямо у меня в кабинете. Софи, не задавая лишних вопросов, промыла и заклеила Максу бровь, принесла из магазина огромный пакет с бутербродами и чаем и ушла, сказав, что ее рабочий день давно закончился и уже скоро начнется новый. Иногда для помощника умение не задавать лишних вопросов бывает самым важным качеством.

Я ни о чем не спрашивал Макса. Для меня то, что он остался в живых, было в тот момент важнее всего остального. Макс заговорил сам:

— Раз ты не отправил меня в сумасшедший дом...

— То я стал пользоваться твоим доверием, — продолжил я за своего приятеля, впервые после звонка Эндгера от души рассмеявшись.

— Нет. То есть да. Тьфу на тебя. — Макс сделал вид, что рассердился. — В общем, слушай, что я там нарыл. И не отпирайся потом, что я не предупреждал тебя, как это опасно. В

последний месяц работы над коллайдером, как раз где-то после нашего с тобой разговора, я понял, что все-таки что-то там не так. Сначала я подумал, что просто перегрузился, постоянно читая нитье, жалобы и угрозы касательно коллайдера, которые приходили на мой ящик тысячами. Затем я понял, что это что-то иное. У меня словно глаза раскрылись. До того дня я и вправду был этакий повернутый на науку яйцеголовый, который ничего, кроме формул, не видит. Но в тот день я прозрел. Я шел по коридору ЦЕРНа и думал о чем-то своем, когда вдруг осознал, что из нескольких встреченных мной только что людей я не знаком ни с одним. Я сперва додумал, что это какая-то новая международная группа или что новая страна присоединилась к Центру и прислала своих ученых, хотя я ничего об этом и не слышал. А в следующие несколько дней я обнаружил, что не знаю вообще почти никого из тех, кого встречал в коридорах, на лабораторных площадках, даже в кафетерии. Осталось, правда, несколько человек, с которыми я был довольно давно знаком. И один из них казался мне неплохим парнем. Вот к нему-то я как-то подошел и как бы в шутку спросил, не думает ли он, что в Центр слишком много новеньких понабрали и что трудноато работать становится. Он посмотрел на меня как на ненормального, а потом стал озираться вокруг. Я подумал, что он тоже этого не заметил, и оставил его в покое.

Спустя еще пару дней я заметил, что в Центре стало слишком много военных. Они сновали туда-сюда и, судя по всему, входили без очереди к самому руководителю ЦЕРНа. Еще через несколько дней пора было отправляться на дежурство под землю: с тех пор как в коллайдере произошла авария, мы, сменяясь, дежурили по несколько часов, наблюдая за ремонтными работами. На каждого выходила где-то одна смена по четыре часа в неделю. Затем через две недели нам вдруг приказали дежурить по двое. Я не знаю, кто это приказал, но с тех пор военных стало как будто бы еще больше. Они охраняли коллайдер и в то же время — я уверен в этом — присматривали и за нами.

Я решил, что ведется какое-то внутреннее расследование, ищут виноватых — как всегда, кто-то недоглядел, кто-то поставил некачественный компонент. Позже я заметил, что все ученые словно делятся на две касты — на тех, кто с военными разговаривает, и на тех, кто пытается их игнорировать. В общем, я захотел выяснить, что же такое происходит. Иначе говоря, решил сунуть свой нос куда не следовало. Вот и получил. Во-первых, я прочитал отчет о происшествии с коллайдером 19 сентября.

Макс кратко пересказал мне отчет, которым меня любезно одарил Сирил. Разочаровывать моего друга тем, что я уже читал эти бумаги, я не стал. В конец концов, повторение — мать важных деталей, упущенных в первый раз.

— На этом, — продолжал Макс, — я и не думал успокаиваться. Я продолжил делать вид, что прилежно работаю над проектом. На самом деле я бросил разбирать письма сумасшедших, грозивших коллайдеру расправой, и все свое время тратил на то, чтобы разузнать об этих военных и ученых, которые пляшут под их дудку, как можно больше. И вот однажды мне попался на глаза один документ. Я зашел в кабинет нашего руководителя отдела и не застал его там. По регламенту я как старший группы имел право заходить в его кабинет, если он был открыт, а секретаря не было на месте. Но если в кабинете никого не было, я обязан был тут же выйти и ждать в приемной. И скорее всего, я бы так и сделал, но на пустом столе руководителя лежало несколько небрежно скрепленных листков. На верхнем было указано: «Совершенно секретно. Только для внутреннего пользования. Доступ категории 1». Я понял, что это мой шанс узнать больше о том, что я хотел, и быстро прочел бумаги. В них приводились расчеты, касающиеся пространства-времени и описывающие мощность коллайдера, необходимую для создания искривления, достаточного для путешествий напрямую по оси времени, минуя пространство.

Взглянув на цифры, я понял, что этот коллайдер выдержит такую энергию только после

значительной модернизации датчиков и изолирующей системы. Вместе с тем я понял, что перестройка изолирующей системы и датчиков удачно замаскирована под ведущийся ремонт. Тому, кто хочет разогнать действующий коллайдер и ускорить его, должно быть понятно, что это значительный риск. Что в случае превышения энергии столкновения частиц над той, что смогут выдержать внутренний и внешний кожухи, в коллайдере образуется неконтролируемая черная дыра. И эта дыра спустя несколько часов приобретет уже галактические размеры. Если эта дыра останется управляемой (во что я, честно говоря, не верю), она создаст такое искривление пространства-времени, что сможет, как и любая черная дыра, притягивать к себе часть космической материи и, скорее всего, у Земли через некоторое время образуется новая ось вращения — в точке, где находится коллайдер, в Швейцарии. Там, Этьен, и будет новый Северный полюс.

— Плохо, — я попытался шутить, — я как раз не люблю зиму.

Макс Эндгер продолжал:

— Я не знаю, зачем решил переснять этот отчет на мобильный телефон. В тот момент, когда я делал снимок второй страницы, дверь тихо открылась и вошел руководитель отдела. Увидев меня, он попятился и поспешно вышел. Я понял, что он побежал за охраной, и стал рвать когти. Думаю, я сбежал только потому, что давно уже работал в Центре и знал все ходы-выходы. А военные, похоже, знали «только те коридоры, в которых дежурили».

Ранним утром, уже усадив Макса в самолет и дождавшись отлета, я не спеша возвращался в Париж. Я думал о том, каким страшным может быть непонимание и взаимное подозрение между людьми, в особенности если они посеяны кем-то третьим. Ведь и Макс, и большая часть ученых, скорее всего, согласились бы работать в команде Каррие. Однако, подозрительно относясь друг к другу, они стали выяснять, кто из ученых больше общается с военными, и считали их «врагами» и «предателями». А эти военные, возможно, и были отправлены для охраны коллайдера теми, кто стоял на стороне Каррие. И вот из-за взаимного недоверия одни из них начали охоту на других. Но просто так заявиться и объяснить ситуацию, чтобы вернуть Макса назад, было нельзя. Я должен был вначале поговорить с Каррие и попробовать понять, чем он может здесь помочь. Его это были люди или нет?

Несколько дней подряд я ждал, что ко мне придет полиция, Интерпол или, может, кто похлеще. Я смотрел на телефон с нескрываемым волнением, ожидая неприятного звонка, но когда он наконец зазвонил, я так и подпрыгнул на месте. Сказывалось напряжение последней недели. Осторожно взял трубку и услышал:

— Месье Кассе. Действуйте, как в прошлый раз. Такси ждет вас у входа в офисы. С вами хотят срочно встретиться.

Я быстро собрался и пулей вылетел из агентства. Софи не было на месте, поэтому я оставил короткую записку. Я вовсе не хотел заставлять Каррие ждать. Я был рад, что он наконец объявился. Тем более что и у меня к нему был не один десяток вопросов. Уже знакомый мне таксист ждал внизу. Не дожидаясь напоминания, я сдал свой мобильный телефон и устроился на заднем сиденье. Спустя несколько часов мы были уже на месте.

На этот раз меня сразу проводили в обсерваторию. Таксист прошел вместе со мной. Каррие сидел на полу среди кип бумаг и стучал по клавишам ноутбука.

— Здравствуйте, Кассе, — проговорил он быстро. — Я рад, что вы по-прежнему не тратите время впустую. У вас есть что-нибудь новое?

Заметив таксиста, он встревоженно взглянул на него:

— Что случилось, Поль? Какие-то неприятности?

— За нами был хвост, я скинул его незадолго до границы. Боюсь, что так или иначе мне придется объяснять мою поездку начальству. Хотя, возможно, это был хвост за месье, — кивнул

он в мою сторону.

— Ладно, — согласился Каррие. — Ступай к Анне, она выдаст тебе денег, которые полагаются за такую дальнюю поездку, и сочинит для тебя правдоподобную историю. На обратном пути ты включишь счетчик, чтобы намотать нужное число километров, и будешь прикрыт от любых придировок. Спасибо, что предупредил насчет хвоста.

Когда таксист ушел, я рассказал Каррие о разговоре с гостем из будущего и вкратце пересказал историю с Максом. Ученый слушал очень внимательно, даже отложил свои расчеты в сторону. Время от времени он что-то бормотал себе под нос. А когда я закончил, сказал:

— Это очень интересно, Кассе. Но боюсь, в рассказе того милого молодого человека из будущего нет ни слова правды. То есть я, конечно, не говорю, что вы лжете. И я верю, что ваш собеседник тоже не лгал. Но он явно заблуждался. Я скорее готов поверить вашему приятелю, которого вы так удачно успели спрятать в шкафу.

Видите ли, в чем дело, Кассе... Используя машину времени, которая работает за счет искривления пространства-времени, мы действительно можем путешествовать вдоль спирали времени. И я даже допускаю, что в будущем кому-либо удастся создать такое искривление этой материи, которое позволит проникнуть к спирали времени и побродить только в четвертом, временном измерении. Скорее всего, как я и говорил, это будет так или иначе связано с коллайдером.

Но мне доподлинно известно, что ни этот, ни любой из предыдущих коллайдеров не использовались в качестве машины времени. Так что увы! Я ставлю на то, что этого человека попросту обманули. Загипнотизировали, накачали наркотиками, да что угодно, лишь бы он поверил в рассказанные ему сказки.

— А в чем тогда смысл? — спросил я. — Зачем с ним так поступили? Зачем тем людям понадобился именно он? Разве он — какая-то ключевая фигура? Разве он — известный политик, или спортсмен, или ученый? Я никого из них в нем не узнал и никогда раньше его не видел.

— В том-то и дело, Кассе, в том-то и дело. Если бы я знал ответы на такие вопросы, то не сидел бы здесь месяцами, не показывая носа на улицу.

Реликтовое послание

Каррие еще немного помолчал, роясь в бумагах, а затем продолжил:

— У меня для вас, Кассе, есть кое-что не менее интересное. Мы продолжаем наблюдать за той черной дырой, которую я показывал вам в прошлый раз. И кроме того что по ту сторону от нее лежит параллельная вселенная, которая, кстати, продолжает затягиваться в дыру, как и мы, я обнаружил кое-что еще.

— Сначала, как и в прошлый раз, небольшой ликбез, — сказал Каррие. — Помимо «темной материи», «темной энергии» и прочих «невидимых» и загадочных для ученых вещей во Вселенной есть так называемое реликтовое излучение. Его температура равна температуре излучения абсолютно черного тела, и... Впрочем, это неважно.

Важно то, что оно существует с самого начала рождения нашего мира после Большого взрыва. Оно появилось в первые сотни тысяч лет, когда наш мир был еще совсем младенцем. И с тех пор оно присутствует везде, распределенное по Вселенной.

Как и многие явления в физике, оно было предсказано теоретически в середине двадцатого века, а потом уже найдено в результате эксперимента в восьмидесятые годы. Сначала считалось, что это излучение с момента Большого взрыва равномерно наполняет Вселенную и расширяется вместе с ней. Потом русские выяснили, что это не так. Они составили карту реликтового

излучения — в пределах нашей Галактики и недалеко за ее пределами. Но Нобелевскую премию за это все равно дали американцам два года назад... Так вот, я долго изучал материалы эксперимента русских и понял, что, помимо того что это излучение распределено по Вселенной неравномерно, оно еще и движется.

Обследуя эту черную дыру, которая торчит посреди нашей Галактики как бельмо на глазу, — Каррие стал ходить туда-сюда по обсерватории, — мне удалось зарегистрировать это излучение самостоятельно. И знаете что, Кассе? Оно проходит нашу Вселенную и параллельную вселенную насквозь. Оно не замечает ни искривление пространства-времени, ни черную дыру — ничего. То есть, сказав «не замечает», я, конечно, наврал. Оно замечает, но продолжает двигаться, лишь ненамного снизив скорость. Это излучение не имеет массы, скорость его непостоянна. Оно преодолевает черные дыры с легкостью, поскольку движется на порядки быстрее скорости света.

Две недели без перерыва я фиксировал излучение, проходящее вблизи черной дыры. Оно несет послание, Кассе. Я посадил десяток человек за его расшифровку, и сегодня с утра мы получили первые результаты. Это излучение содержит все основные константы — вроде ускорения свободного падения, числа «пи» и прочего. Только для других вселенных. Оно словно собирает все данные, которые встречает на своем пути. Помимо этого, оно содержит базовые формулы физики и основных химических соединений. Не будь это электромагнитным излучением, Кассе, я сказал бы, что оно разумно.

— То есть вы хотите сказать, что оно может быть рукотворным?

— Да. Но не земных людей, это точно. У нас нет такого уровня развития технологии, чтобы создать нечто подобное. Скорее всего, изначально оно не было рукотворным, но кто-то научился использовать его в своих целях. И этот «кто-то» находится не в нашей Вселенной.

— Почему вы так решили?

— Смотрите, Кассе.

Каррие включил монитор, и на нем появились какие-то графики. Он нажал несколько клавиш, и графики сменились формулами. Строчки формул поменяли порядок и теперь следовали одна за другой, наклоняясь по диагонали.

— Это излучение как срез дерева, — продолжал Каррие. — Проходя сквозь вселенные, оно накапливает знания. Информация из тех миров, которые оно посетило первыми, находятся как бы внутри него, в его внутренних «слоях». То, что излучение «узнало» совсем недавно, находится снаружи. Видите эту формулу?

Это основная формула теории относительности нашей Вселенной, которую открыл Эйнштейн. Она находится на самом первом уровне излучения. Далее содержатся константы той, параллельной вселенной, которую оно прошло возле черной дыры. Дальше, проигнорировав дугу пространства-времени, которую создала черная дыра, это излучение пошло напрямик дальше, насквозь нашей Галактики, мимо Земли. Часть его я уловил и расшифровал. Но до той, параллельной вселенной, оно побывало не в одном десятке миров.

Самые первые данные, которые это излучение содержит, — а мы прошли более сотни слоев — описывают вселенную, которая гораздо старше нашей. Эта вселенная скоро погибнет, Кассе. Она расширяется с такой огромной скоростью, что уже начали взрываться не только звезды и галактики, находящиеся на ее краях, но и те, что ближе к центру. Химические соединения, которые есть в этой старой вселенной, похожи на наши. Там есть органика, Кассе. А значит, там есть жизнь. Возможно, есть разумная жизнь. И эта жизнь как минимум на миллиард лет старше нас.

— То есть, когда та вселенная погибнет, снова случится Большой взрыв, и погибнут остальные вселенные?

— Нет, Кассе. Это естественный ход событий. Другие вселенные не пострадают, поскольку с гибелью одного мира не образуется точка сжатия пространства-времени в ноль. Бесконечное число вселенных продолжает погибать и рождаться каждую секунду. Это — естественная жизнь и смерть миров в четырехмерном пространстве.

Это сложно для понимания, конечно, даже нам. А вам с непривычки и того сложнее.

Каррие замолчал. Я тоже молчал, обдумывая услышанное. Затем спросил:

— Может ли быть так, что реликтовое излучение использует кто-то из параллельного мира как сборщика информации?

— Вполне может быть. Я даже считаю, что, скорее всего, так и есть. Запрограммировать можно все, что угодно, — даже атом. И при наличии соответствующей технологии излучение тоже. Чтобы оно работало как зонд. Оно свободно путешествует во всех четырех измерениях, не теряя своей энергии и скорости. Чем не универсальный посланец? И за последнюю пару десятков лет это излучение скопилось вокруг нашей Солнечной системы, и в частности вокруг Земли, в большом количестве. С каждым днем его становится все больше.

— Оно не опасно для планеты?

— Конечно опасно. Это излучение радиоактивно сверх всякой меры. Достаточно небольшой толики его, чтобы отравить весь Мировой океан. Но Землю защищают ее атмосфера и магнитные поля. Атмосферу излучение преодолеть не может, несмотря на то что свободно проходит сквозь пространство-время. Такой вот парадокс, — развел руками Каррие. — Этому мы с вами обязаны тем, что до сих пор живы. Да и вообще тем, что появились на свет. Ведь сначала на Земле образовалась атмосфера, которая защитила ее, затем вода, а затем уже жизнь. И в этой жизни образовался наш с вами человеческий разум, Кассе. Ну а теперь угадайте, над какой именно частью планеты этого излучения больше всего?

Я был почти уверен, что это связано с коллайдером, а возможно, я слишком много об этом думал в последнее время, поэтому размышлял не больше нескольких секунд:

— Над Швейцарией?

— В точку, Кассе. Над ней. Хотя ни озоновой дыры, ни особых экологических проблем в Швейцарии как раз и нет.

— Зато там есть коллайдер, — сказали мы с Каррие почти одновременно.

— Вы думаете, именно он притягивает излучение? — спросил я после некоторой паузы?

— Думаю, что нет. Видите ли, Кассе, излучение ничто не притягивает. Само по себе оно не заряжено, индифферентно, безразлично, если можно так выразиться, к любым событиям и ко всем видам материи. Оно направляется сюда, запрограммированное на это изначально.

— Если реликтовое излучение — наблюдатель, то, получается, оно исследует то, что здесь сейчас происходит?

— Получается, что так.

— Значит, кто-то из другой вселенной наблюдает за тем, что происходит на Земле? Не могли коллайдер быть создан не людьми? Каррие засмеялся:

— Ваша фантазия неутомима, Кассе. Но возможно, в этом-то и есть ваша сила и вы сможете додумать то, что давно не удается понять мне. Я родился в России еще в царское время, мне девяносто восемь лет. Мой отец эмигрировал во Францию во время революции. Двенадцать лет жизни я провел в криогенной заморозке. У нас во Франции в те времена проводился такой эксперимент совместно с британцами и американцами. Я был одним из ученых, которые добровольно решили стать подопытными кроликами. И я был единственным, кто выжил. Не весь, — Каррие усмехнулся, — что-то в эксперименте пошло не так, и у меня после разморозки началась гангрена. Меня удалось спасти, а остальные сгнили заживо целиком. Так вот что я вам скажу, Кассе. Тело во время заморозки не стареет, это верно, даже омолаживается. Но вот мозг

продолжает жить. Вы представляете, что я успел передумать за эти годы? Мне не оставалось ничего другого, я жил во тьме — но среди своих мыслей. Я никому не рассказал о том, что пережил. Притворился, что для меня прошло одно мгновение. Чего мне это стоило! Могли бы вы вообразить себе такое, с вашей-то фантазией? А ведь все это произошло на самом деле.

Я молчал. Каррие продолжал:

— Когда я отправился в заморозку, о коллайдере еще никто и слыхом не слыхивал. Возможность дробить протоны на еще более мелкие частицы попросту не рассматривалась. А тот, кто говорил об этом, немедленно объявлялся неучем от физики. Тогда едва-едва допускали мысль о возможности расщепления атома. Когда я вышел из заморозки, ЦЕРН только-только был создан. Еще год я лежал в клинике из-за операции на ноге. Пока я заново учился ходить и восстанавливал неработавшие мышцы, меня обследовали, словно лабораторную мышь. А я читал, читал, читал — наверстывал упущенное за эти двенадцать лет. В награду за участие в эксперименте я получил французское имя, фамилию и прошлое. Я словно родился заново, когда меня вытащили из криогенной камеры. И тогда все уже носились с этим коллайдером. Другие ученые, скорее всего, этого не заметили, поскольку не выпали «из оборота» на двенадцать лет. А я тогда словно бы посмотрел со стороны. И вот что я вам скажу, Кассе. Ни фундаментальная, ни прикладная физика не прошли за эти годы такого пути, чтобы дойти до коллайдера самостоятельно. Пусть самый первый прибор и назывался синхротроном, но по сути это был уже коллайдер. Он был дан нам как бы готовым. Никто не занимался такими разработками, как будто бы никто. Они просто взялись откуда-то: чертежи прибора, формулы ускорения частиц, да и сама идея раздробить вещество еще мельче. Ничего из того, что я прочел в физической литературе — книгах, статьях, — не предвещало этого синхротрона. А потом он взялся словно ниоткуда. И все вдруг стали его верными сторонниками. Сначала я думал, что эти разработки были украдены у русских. Но потом выяснил, что в то время русские им вообще не занимались, они все силы бросили на создание атомной бомбы, им было некогда заглядывать внутрь вещества из любопытства. Чертежи своего коллайдера русские получили почти через пятнадцать лет после нас. Но они были гораздо совершеннее наших разработок. И если бы им хватило денег и мощностей построить свой адронный коллайдер, ЦЕРН бы сейчас рвал волосы на голове. Что до американцев, то их разработки с ускорителями частиц в те времена были очень неубедительными. И вы спрашиваете, думаю ли я, что коллайдер создан неземными учеными? Да я практически в этом уверен.

Каррие рассказывал все это очень спокойно и, словно угадав мои мысли, добавил:

— Я на самом деле смотрю на все это очень спокойно. Я ученый, Кассе, до мозга костей. И меня интересует только наука. Люди, конечно, меня тоже интересуют, но только из чувства долга. Я не стал бы проводить эксперимент, который мог бы им навредить. Практическая польза экспериментов меня никогда не интересовала. Но только до того момента, когда я узнал о черной дыре. Теперь я точно знаю, как мы должны использовать коллайдер. Или другой прибор, который сможем построить на его основе. Мы должны спасти нашу Вселенную от соприкосновения с соседней. Я уверен, что это в наших силах.

Я остался в особняке Каррие переночевать. Спал я отвратительно. Сначала никак не мог заснуть, все размышлял о параллельных мирах. Получалось, что коллайдер — это чей-то чуть ли не лабораторный проект. А наша планета, да и вообще вся наша Вселенная, — просто подопытный кролик. Взятая ниоткуда какая-то черная дыра, уникальное событие сближения двух параллельных вселенных, которое вряд ли происходило где-либо еще. Могло ли это быть рукотворным? Неужели разум, что старше нашего на миллиард лет, возможно, из близкой к гибели Вселенной, задумал перебраться в наш мир или попросту он ставит эксперимент, чтобы понять, как спасти свой? Возможно, эта черная дыра — результат неудачной попытки повернуть

ход развития той вселенной вспять от неминуемой смерти?

Или же тому миру тоже грозит черная дыра? И над нами попросту ставят эксперимент, чтобы понять, возможно ли спастись искусственным способом — с помощью коллайдера? И сейчас пришел момент истины? Или кто-то хочет повторить Большой взрыв, столкнув две вселенные подобно тому, как ученые сталкивают протоны в адронном коллайдере, чтобы просто из научного интереса посмотреть, «что будет»? Был вечер, 4 ноября 2008 года.

Рождение сверхновой

Сон не принес мне желанного отдыха. Мне снилась черная галактика, подбиравшаяся ко мне со всех сторон с шипением, словно змея. Затем она превратилась в черную кошку, которая прыгнула и вцепилась когтями мне в лицо, стала рвать и трясти меня. Когда я проснулся, в моей комнате горел свет, а надо мной стояла ассистентка ученого, Анна.

— Что случилось? — спросил я в панике. Спросонок, да еще после таких снов, я не ждал ничего хорошего. — Что-то с месье Каррие? Или кто-то...

— Все в порядке, — сказала она, продолжая трясти меня за плечо, — если так можно сказать, все в порядке. Одевайтесь скорее и поднимайтесь в обсерваторию, вы все там увидите.

Не в правилах Каррие было разыгрывать глупые шутки, так что я заторопился. Наспех натянув рубашку и брюки, я бросился наверх.

В обсерватории горел свет, от монитора к монитору сновали люди в белых халатах. Возле телескопа, как капитан на мостике, стоял Каррие. Его длинные белые волосы были растрепаны, на нем был белый халат, из-под которого торчали худая бледная нога и металлический протез. Время от времени он смотрел в телескоп, поворачивая на нем какие-то ручки.

— Подойдите сюда, Кассе, — проговорил он хрипло, — смотрите.

Я приник к металлическому окуляру. Телескоп напоминал огромный бинокль. Когда мои глаза привыкли к темноте, я, как и на всех предыдущих картинках, которые показывал мне Каррие, увидел черное космическое небо с редкими точками звезд. Какие-то из них были побольше, какие-то поменьше. Одна из точек в центре пульсировала. Синее свечение сменялось оранжевым, затем желтым, затем снова синело. Вдруг звезда взорвалась ослепительной вспышкой, да так ярко, что я чуть не ослеп. Я отпрянул от окуляра. Все смотрели на огромный монитор, на который, видимо, передавалась картинка с телескопа. Каррие стоял рядом, запуская пальцы в шевелюру, с видом человека, только что выигравшего в лотерею сто миллионов евро.

— Что это было? — спросил я, уже догадываясь, к чему все идет. — Соприкосновение вселенных? Большой взрыв?

— И да, и нет, Кассе, — нервно ответил Каррие. — Это было рождение сверхновой.

Он тут же стал отдавать команды ассистентам, которые что-то записывали, считали, таскали аппаратуру. Я стоял и довольно долго смотрел на хаос, творившийся вокруг, пока не решил выяснить, который час. Была половина пятого утра. Каррие обернулся ко мне:

— Пройдемте-ка в мой кабинет, Кассе. Самое главное мы уже видели, дальше мы уже только будем путаться под ногами.

Скорее всего, он имел в виду «вы будете путаться под ногами», но из вежливости сказал «мы».

— Рождение сверхновой, — говорил Каррие, пока мы шли темными коридорами к его кабинету, — на самом деле вовсе не рождение. Это смерть звезды. Старая звезда взрывается и превращается в черную дыру. А сверхновыми они называются потому что, несмотря на то что они существовали до этого, излучение их было почти невидимо. И они как бы не существовали.

А взорвавшись, они заявили о себе. До сегодняшнего дня в реальном времени рождение сверхновой наблюдали дважды: один раз Кеплер в XVII веке, а второй — астрономы НАСА в 2006 году.

— То есть только что где-то в нашей Вселенной образовалась новая черная дыра? — спросил я.

— Нет, не только что. Это случилось восемь тысяч лет назад. А вот свет от нее дошел до нас только сегодня. Эта звезда довольно близко, и свет от ее взрыва был бы таким ярким, что его увидели бы все — даже без телескопа, — не будь в центре нашей Галактики той самой черной дыры, которая поглотила часть света. Да еще облака межгалактической пыли постарались. А то, что вы увидели в телескопе, было лишь одной триллионной частью вспышки. Эта звезда, исчерпав свое топливо, умерла и превратилась в черную дыру. Мы изучим последствия образования черной дыры, это даст нам довольно много для понимания искривления пространства-времени. Изучая систему, солнцем которой была эта звезда, я понял, что, скорее всего, там существовала жизнь. Эта солнечная система, Этьен, — Карие, видимо, от волнения, впервые назвал меня по имени, — в свое время пережила то же, что и наша, когда на третьей от нашего Солнца планете зародилась жизнь. Я довольно долго изучал ее, поскольку по некоторым косвенным признакам предположил, что ее солнце вскоре умрет. В действительности оно уже умерло к тому моменту, как я начал его изучать. Эта звезда взорвалась в точности тогда, когда на нашей планете Земля появилась Атлантида. Когда вы впервые упомянули об атлантах, я навел справки. Я думаю, что это напрямую связано между собой. Расскажите мне, что вы знаете об этом, Кассе.

И я рассказал. Я ходил по полутемному кабинету, набитому книгами и приборами, и говорил о том, что человек появился на Земле с помощью пришельцев из космоса. Правда, теперь я сомневаюсь — может, это были гости из параллельного мира? Я всегда предполагал, что это был какой-то эксперимент, продолжающийся до сих пор.

Когда пришельцы создали человечество, они вырастили его и помогли «встать на ноги». Могущественная цивилизация атлантов на плодородном и густонаселенном материке — Атлантиде — стала «колыбелью» других цивилизаций. Около пяти тысяч лет назад Атлантида, судя по всему, была уничтожена прямым попаданием метеорита. Слишком точным, чтобы быть случайностью. В это же время на планете Земля выростали свои самобытные цивилизации — в Египте, Индии, Китае. Возможно, говорил я, что пришельцы решили уничтожить свою искусственную расу, чтобы посмотреть, как будут развиваться «дикорастущие» народы. Части атлантов удалось уцелеть, и они образовали замкнутую касту. Эта каста долгое время была кастой жрецов Амона в Египте, а потом основала христианскую религию и стала всемогущей Церковью. После того как религия обветшала и не могла больше властвовать умами людей, потомки атлантов нашли другой способ удерживать людей, что называется, в узде. На место Римского папы пришел большой бизнес. И косвенных подтверждений моим догадкам более чем достаточно.

Я говорил о финансовой паутине, сплетенной транснациональными корпорациями, о мафии и интернационале спецслужб. Я говорил о финансовых тузах в дорогих костюмах и с золотыми «паркерами» и об их замкнутой касте, которая сродни касте жрецов Амона. Я рассказывал о Римском клубе и о Великой Триаде, о том, что этот союз финансистов, это новое мировое правительство с корнями, уходящими во тьму веков, мечтает, как и прежде, о господстве над миром. Я рассказывал о «золотом миллиарде» и о странах третьего мира, о манипуляции сознанием людей. Я говорил о третьей мировой войне, которая ведется против тех отступников, которые смеют не верить и сопротивляться этой манипуляции, — о Сербии, Ираке, Афганистане. Каррие молча слушал, качая седой растрепанной головой.

Я размышлял вслух о том, что территории и королевские короны — это уже мишура ушедших навсегда веков, место которым — в театральной гримерке. И когда я произнес, что теперь транснациональные корпорации не стремятся завоевывать земли, они завоевывают души — то, к чему пришел много дней назад, когда еще ничего не слышал ни о каком коллайдере, а писал «Фальсифицированную историю», — я понял, для чего бывшим жрецам Амона потребовался коллайдер. Им плевать на фундаментальную науку — с теоретической физикой каши не сварить, им нужны только практичные инструменты. Они не собираются шантажировать мировые правительства, они уже сами и есть мировое правительство. И, как говорится, «выше нас только звезды...»

А теперь звезда, с которой пришли те, кто создал на земле человечество, погибла. Она погибла еще пять тысяч лет назад. Тогда же погибла и Атлантида. Возможно, при ее создании в нее был заложен механизм самоуничтожения на случай уничтожения «базовой планеты»? Пожалуй, нет, разве пришельцы не стремились бы выжить, пусть даже обосновавшись на «чужой» планете? Скорее всего, произошел технический сбой или диверсия, вследствие которой погиб аванпост атлантов. А возможно, это был аванпост пришельцев, которые собирались захватить молодое человечество и подчинить его себе, но по каким-то причинам тогда не смогли? И удалось уцелеть только небольшой группе их бывших подопытных кроликов — атлантам, которые теперь-то и владеют умами и кошельками почти всех людей на нашей планете? Я снова хлопнул себя по лбу, рискуя набить шишку. Ведь то самое рождение сверхновой, которое мы с Каррие наблюдали только что, уже к утру станет известно всем! Как обычные люди, так и воротилы этого мира узнают одно: звезда погибла. И если для большинства первых это пройдет незамеченным, то вторым станет понятно, что теперь их некому контролировать, теперь у них развязаны руки. Звезды больше нет, нет цивилизации, которая создала их и, как они думали, восемь тысяч лет наблюдала за ними. Вот против кого они собирали послушную армию ничего не подозревающих землян. А теперь это не нужно. За планету Земля никто не вступится, как не вступился ни разу за восемь тысяч лет. А атланты думали иначе, считая, что тот метеорит, который уничтожил Атлантиду, был послан им в наказание. Означает ли это, что теперь третья мировая война окончена, поскольку больше нет противника? Или это значит, что теперь она будет еще более жестокой, чем раньше, поскольку теперь нечего бояться новой «гибели Атлантиды»?

Мы молчали некоторое время, потом Каррие заговорил:

— Я думаю, Кассе, надо смотреть еще шире. Скорее всего, и тот разум, и наш, были одним и тем же проектом. И в той далекой галактике, одно из солнц которой погибло пять тысяч лет назад, и в нашей Солнечной системе некоторые события никак не укладываются в нормальный ход событий. Не все понятно в эволюции из инфузории-туфельки в человека. Не все понятно в том, как вообще на Земле появилась атмосфера. Вероятность появления ее естественным путем в триллион триллионов раз меньше одной триллионной. Вполне возможно, она была создана искусственно. Согласно моим расчетам... да к черту расчеты, Кассе. Смотрите, это же простая логика событий.

Кто-то просто хотел понять, из чего состоит его мир. Этот кто-то жил или живет в одной из параллельных вселенных, существование которых лично для меня уже очевидно. И вскоре эту свою уверенность я облеку в доказательства, которыми заинтересуются и другие ученые. Так вот этот кто-то, двигаясь долгим, долгим путем научного прогресса, дошел до весьма совершенной ускорительной установки — своего собственного коллайдера. С его помощью, изучая вещество, материю и пространство-время, он нашел и доказал существование четвертого измерения вселенных — абсолютного космического времени. Прошло еще немного лет — по меркам Вселенной, — и этот кто-то нашел способ путешествовать вдоль оси четвертого измерения, из

одной параллельной вселенной в другую. К тому моменту этот кто-то уже научился превосходить скорость света, а я утверждаю, что такое возможно. Вот только нам, на Земле, еще не хватает знаний для того, чтобы это совершить. Превзойдя скорость света (вероятно, используя для этого черные дыры), он посетил нашу Галактику и спровоцировал взрыв пятой от нашего Солнца планеты — планеты Фаэтон. Ученые уже практически доказали, что из-за этого взрыва погибли динозавры и все живое на Земле 65 миллионов лет назад, а климат радикально изменился и стал таким, в каком может выжить гуманоид.

Скорее всего, одна из планет той солнечной системы была заселена аналогичным образом — или же просто стала аванпостом пришельцев. Из всех солнечных систем, в которых теоретически возможна жизнь, эта — самая близкая к нашему Солнцу. Скорее всего, что-то там пошло не так. Ведь обычно перед своей смертью звезда довольно долго стареет. Климат на планете, которая, возможно, была пригодна к жизни, портится. А это не происходит моментально. Это занимает сотни, если не сотни тысяч лет. Возможно, та солнечная система была экспериментальной. И этот эксперимент не удался. Или, наоборот, удался — все зависит от того, какого результата от него хотели добиться. Изучить строение звезды, разрушив ее? Или испытать совершенное оружие? Или создать черную дыру «в натуральную величину», чтобы понять, что происходит с пространством-временем? Или же использовать ее как вход в свою, параллельную вселенную, создав в ней нужное искривление? Здесь больше вопросов, чем ответов, Кассе. Только, скорее всего, это был эксперимент, стоивший жизни целой солнечной системе.

— Вы боитесь, что это может случиться и с нашим Солнцем? — спросил я.

— Я ученый, я не могу бояться, могу только думать. К тому же я уже слишком стар, и смерть меня не страшит. Впрочем, вы, наверное, уже сыты подобными рассуждениями о смерти по горло.

— Что вас заставляет думать, что подобное может произойти и с нами? — переиначил я свой вопрос.

— Во-первых, коллайдер. А во-вторых, Эта Карины.

— Эта чего? — переспросил я, чувствуя себя полным идиотом — ненавижу это ощущение!

— Эта Карины, — повторил Каррие как ни в чем не бывало и принялся тереть виски.

На часах была половина седьмого утра, за окнами светлело. Откуда-то пахло кофе и свежими булочками. Зверски захотелось есть и спать.

— Эта Карины, — еще раз повторил Каррие, — это звезда. Она находится в семи тысячах световых лет от Земли. Я сентиментальный старик, — улыбнулся ученый, — и люблю прекрасное. А эта звезда — самое прекрасное из того, что я когда-либо видел. Но она очень, очень старая, Кассе. И потому очень опасная. Ее красота — это красота смерти.

Порывшись в столе, Каррие достал пухлую папку и вытащил из нее фотографию — Вот, смотрите, это она.

Звезда и в самом деле была невероятно красива. Светящийся бело-голубой шар, укутанный в яркие красные и оранжевые шлейфы. Вокруг нее — словно круги на воде от брошенного камня — расходились мутно-желтые волны с оранжевыми проблесками. Еще дальше облака газа и пыли образовали клубы» напоминавшие человеческие легкие. Картина была настолько фантастичной, что я не мог в нее поверить.

— Эта фотография настоящая, — сказал Каррие, в очередной раз угадав мои мысли. — Сделана не моим телескопом, у него силенок бы не хватило для таких деталей. Это снимок американцев. А вот эта красота, в которую она завернута, — частички ее тела. Она распадается, Кассе. Выбрасывает свою массу. Выбрасывает свою гравитацию. Еще немного — и она взорвется так же, как и сегодняшняя сверхновая. Когда это произойдет, ее взрыв будет виден на

Земле невооруженным глазом. Свет будет ярче солнечного в несколько тысяч раз, и если не защитить глаза, то, скорее всего, можно будет ослепнуть. Более того, эта звезда является единственным природным телом, имеющим лазерное излучение. Естественных лазеров в природе быть не может. Поэтому я считаю звезду искусственной. По крайней мере, то, что с ней происходит сейчас, спровоцировано кем-то извне. После того как к Эта Карины придет смерть, скорее всего, она станет нейтронной звездой, а не черной дырой. Но точно сказать никто не возьмется.

Эта Карины может быть входом в параллельную галактику, который подготовили для себя ее жители много тысяч лет назад. В момент ее взрыва искривление пространства-времени достигнет такой мощности, что откроет эту дверь. А что касается, коллайдера... Я вижу, Кассе, что вам надоели мои рассуждения о том, на что мы все равно не сможем повлиять. Вы, как и все земные люди, думаете только о том, что можно потрогать руками. Так вот, коллайдер — это либо запасной выход, какой бывает иногда в автобусах, либо... тоже часть эксперимента. Как и та звезда, чью смерть мы видели сегодня. Как и Эта Карины. Только немного... поминиатюрней, что-ли. Если включить коллайдер на полную мощность и нейтрализовать излучение Хокинса, вследствие которого в теории распадаются черные дыры, то он сможет создать черную дыру, вполне равную по массе и мощности той, которая висит в центре нашей Галактики.

— А для чего создавать вторую черную дыру неподалеку от первой?

— Дело в том, что путешествовать вдоль оси пространства-времени можно только в момент критического изгиба его плоскости. А такое бывает только в момент взрыва сверхновой или образования искусственной черной дыры. Только в ходе этих событий «дверь между мирами» открыта, Кассе. Когда все заканчивается, остаются только облака звездной пыли и газа да черная дыра, поглощающая свет. Да, она искривляет пространство-время, она, возможно, даже позволит путешествовать во времени внутри одной вселенной. Но не позволит проходить сквозь время непосредственно. — Каррие произнес это слово по слогам. — С этой точки зрения она бесполезна. Дверью может быть только момент рождения новой черной дыры!

— Значит, тот, кому нужно путешествовать между параллельными мирами, должен либо терпеливо ждать смерти одной из звезд и быстро мчаться туда, чтобы успеть к раздаче слонов.

— Либо создать черную дыру собственными руками. Или чужими руками, если за свои он опасается. И для этого надо всего-то несколько тысяч лет — на создание цивилизации, способной построить адронный коллайдер по выданным ей чертежам. А вовсе не миллионы лет, мотаясь из угла в угол по галактикам и вычисляя рождение сверхновой, к которому еще нужно успеть. А поскольку свет от взрыва звезды имеет обыкновение проходить сквозь космическое пространство какое-то время, прежде чем достигнуть наблюдателя, о большинстве рождений черных дыр узнается уже постфактум. Так что выход по-прежнему один — искусственная черная дыра. Несколько тысяч лет, несколько миллиардов людей, пара-тройка цивилизаций — и выход в параллельную вселенную готов. Думаю, для тех, чей мир гибнет, это очень небольшой срок и небольшая цена.

— Вы считаете, что кто-то из параллельного мира хочет попасть в наш, используя как дверь черную дыру, которую создаст коллайдер?

— Да, в этих словах есть правда. В конце концов, это вполне похоже на правду. Ничуть не хуже, чем теория эволюции. Или теория относительности. Или концепция Большого взрыва. По крайней мере, фактов в подтверждение такого заключения мы с вами только что собрали не так мало.

Я возвращался от Каррие в еще большем смятении. Поскольку я теперь пользовался доверием таксиста, мне было позволено выйти вместе с ним и размять ноги. На заправке я купил себе газету. На втором развороте значилось:

Новое происшествие с Большим адронным коллайдером! Пойман террорист, который хотел взорвать адронный коллайдер. Один из ученых, работавших в ЦЕРНе, был пойман на том, что устанавливал в вакуумную трубу коллайдера взрывное устройство. Сила его такова, что взрыв пробил бы кольцо и полностью уничтожил сложную аппаратуру, которая проектировалась и собиралась много лет. В ходе внутреннего расследования ученый показал, что это была его личная инициатива, что он хотел «взорвать коллайдер, чтобы им никто не смог воспользоваться в своих целях», в камере полицейского участка, куда молодой человек был переведен, подозреваемый повесился на ремне от брюк. Раулю Журжа было двадцать девять лет, он был подающим большие надежды физиком. В последнее время, как говорят его коллеги и близкие, в его поведении было много странностей. Молодой ученый часто отлучался по разным делам, о которых потом никому не распространялся, читал книги о погибших цивилизациях и собирал дома портативную рацию.

Сбоку от статьи красовалась фотография моего незваного гостями собеседника. То ли атланты устранили очередного ненужного им человека, то ли я попал под обаяние душевнобольного. Я все же склонялся к первому. И дело было не только в том, что мой «гость из будущего» был таким убедительным и я не хотел признавать себя попавшим впросак. Просто я знал, что они действительно работают чисто. А молодой человек Рауль, имени которого я до этого не знал, вовсе не выглядел способным сдать себя и убить себя в случае провала. Слишком много смертей сходилось в одной точке. Если коллайдер никогда не причинит Земле никакого вреда, то он уже принес этого вреда достаточно — одними смертями Шарля Марше, доктора Бернара и тех одиннадцати человек, что сгорели в мотеле. Не считая последнего, Рауля Журжа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Писать послесловие очень трудно. Потому что сказать мне, по сути дела, особенно нечего. Ведь я так и не смог найти ответ на вопрос: для чего и кому именно служит Большой адронный коллайдер? И что произойдет, когда — вернее, если — его действительно запустят на полную мощность?

Я устал. Я очень, смертельно устал. Я не хочу сводить счеты с жизнью — черта с два, не дождетесь! Но в последнее время у меня началась странная апатия. Может, от постоянных недосыпов. Может, на мне испытывают секретное оружие. Может... может быть все, что угодно, но мне уже почти все равно, что будет после запуска коллайдера. Почти все равно, почти...

Вот именно это «почти» и не дает мне покоя. Я ставлю точку в своей книге, потому что должен донести до людей все, что узнал. Но я должен и продолжать расследование, чего бы этого ни стоило. Потому что речь идет о слишком серьезных вещах...

Возможно, перелистнув последнюю страницу, читатель захочет побыстрее выкинуть из головы все, что он узнал из этой книги. Его чувства мне понятны. Я сам, соприкасаясь с неведомым и пугающим, иногда испытываю сильное желание отложить все в сторону и жить спокойно. Но у меня это не получается. Потому что я — человек, а не улитка и не черепаха. А человек всегда должен стремиться к неведомому, непознанному, расширять свои горизонты и сдергивать покровы с тайн.

Потому что Знание не должно быть тайным, потому что люди должны сами распоряжаться своей жизнью, а не быть безвольными марионетками в чьих-то когтистых лапах. Потому что нам нужно жить, как подобает свободным людям. Принимать свободные решения, противостоять дешевой (и дорогой тоже) манипуляции, уметь находить правду среди вороха лжи. Не позволять никому решать за нас и жить за нас. Пора положить конец ситуации, когда потрясающие научные открытия, способные осчастливить человечество, исцелить от болезней и даровать вечную жизнь, тщательно спрятаны от людских глаз и используются тайными силами в своих корыстных интересах...

За все это, черт возьми, стоит побороться!

notes

Кассе Э. Когда прошлое становится будущим. Раскодированная тайна машины времени... — СПб.: Вектор, 2009.

«Фоллаут» — название компьютерной игры, созданной в начале 1990-х годов. На планете Земля в недалеком будущем произошла война, в результате которой государствами друг на друга были сброшены атомные бомбы. Немногие из людей уцелели в подземных убежищах. Главный герой игры выходит из такого убежища наружу, в отравленный радиацией мир, чтобы возродить в нем жизнь. (Прим. переводчика.)